

4(c) MOP
M - 192

Любовь моя
София

Саратов, 1930,

4(с) МОР

М-792

32

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Н. Г. Чернышевского

ТОМ VIII. ВЫПУСК III.

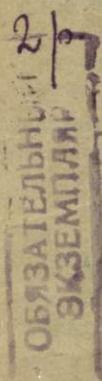
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОРДОВСКИЙ СБОРНИК

98

92
1958г.

Издание Правления Саратовского Государственного Университета.

САРАТОВ

1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Черапкин, И.—Из морфологии мордовского языка	3
Черапкин, И.—Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии	19
Степанов, П.—Районы распространения и численность Саратовской мордовы	33
Эндюковский, А.—К вопросу о русских заимствованиях в мордов- ском языке	55

Из морфологии мордовского языка.

(Образование производных имен существительных).

Много веков мордовский народ живет среди русских, поэтому, казалось бы, что его язык должен быть известен, если не широкой публике, то хотя бы в научной среде. На деле же оказывается, что он мало известен даже среди языковедов. Приходится удивляться этому явлению и искать его причины. Очевидно, научная мысль не могла основательно остановиться на мордовском языке по той причине, что исследование русского языка было основной задачей, а на мордовском языке исследователи останавливались только попутно, когда при его помощи можно было разъяснить те или иные явления в русском языке. Поэтому к исследованию мордовского языка ученые, в большинстве случаев, подходили с готовыми мерками, взятыми из форм других языков. Исследователи индо-европейских языков к изучению мордовского языка подходили с точки зрения греческого и латинского языка. Исследователи, родственных мордовскому, финно-угорских языков также не достаточно осветили особенности мордовского языка, так как изучение проводилось опять-таки по аналогии с законами, выявленными в других финно-угорских языках.

Таким образом, формы мордовского языка, имеющие какое-нибудь 'родство' с явлениями из семьи индо-европейских языков, более или менее выявлены, а своеобразные его законы, в чем главным образом и проявляется богатство мордовского языка, мало изучены.

Мордовский язык исследователя, применяющего и методы, соответствующие изучаемому предмету, а не укладывающего его в формы, чуждые для мордовского языка, древних и новых флексивных языков, поражает богатством форм как в словообразовании, так и словоизменений.

Здесь мы не будем касаться теорий, предлагаемых для об'яснения этого странного явления, но считаем нужным обратить внимание на то, что в мордовском языке, по морфологической классификации причисляемом к семье агглютинативных языков, вместе с тем имеются формы и корневых и флексивных языков, а также и полисинтетические формы агглютинативных.

В области словообразования мордовского языка, кроме своеобразных законов языка и специфических явлений в нем, как агглютинативном, изучение приводит исследователя в соприкосновение с таким богатым и вместе с тем простым и оригинальным словообразованием, что кажется обидным и печальным тот факт, почему до сего времени не уделялось достаточного внимания для изучения этого "феномена" в семье человеческих языков. Языкознание, как наука, с этим упущением теряет очень много и, напротив, изучение мордовского языка и его структуры дает новое освещение происхождению законов и форм человеческой речи и их изменений.

Для нашей статьи мы берем узкую область из грамматики мордовского языка, словообразование производных имен существительных, и здесь мы суживаем задачу тем, что не будем касаться той области, которая имеет некоторые сходства с формами словообразования русского языка, а перейдем к рассмотрению той части словообразования, которая мало или совсем еще не освещалась в печати и представляет новое и оригинальное явление. Но и здесь, только в этой области, рассуждения привели бы нас ко многим вопросам, которые в отдельной статье не удалось бы осветить в достаточной мере. Поэтому еще суживаем задачу тем, что будем касаться исключительно общих явлений в области особых форм словообразования, без их детализации и анализа, воздерживаясь от этого еще потому, что оно привело бы нас из области морфологии в семасиологию.

К таким оригинальным формам словообразования мы относим следующие явления в мордовском языке: 1) образование имен существительных посредством аффиксов, 2) при помощи слов-частиц, 3) перестановкой корней, 4) расстановкой корней, 5) слиянием корней, 6) применением двойственно-множественного числа, 7) образование отлагольных имен существительных, 8) образование при помощи притяжательных окончаний, 9) образование слов-предложений и 10) слов-предложений многокоренных.

1. Образование имен существительных посредством аффиксов.

Почти все аффиксы мордовского языка придаются к окончанию корня. Они представляют либо сокращенное слово, содержание которого можно еще восстановить, или такие частицы, смысл которых утерян.

В мордовском языке два наречия: мокши и эрзи. В процессе развития оба наречия приобрели некоторые специфические особенности, а также наречия сами по себе делятся на диалекты.

Для примеров мы будем приводить такие слова, которые общи для обоих наречий и их диалектов, оговаривая исключения.

Первостепенное значение имеет аффикс МА, переходящее в МЕ окончание инфинитива, который применяется и для образования имен существительных. Имя существительное и инфинитив, имея одинаковые окончания, отличаются только в предложении. Например: морама—„пение“ и музыкальный инструмент; солама—таять, таяние; ванома—смотреть, охранение и зеркало и т. д.

В случае, когда нужно образовать из формы инфинитива имя, но полное окончание имеет уже определенное содержание, применяется отсечение окончаний; например: морама—пение, а песня—мора; ацама—стлать, ацам—матрац; лоткама—остановиться и остановка, а лотка М. *), латка Э.—овраг; ваймама—отдохнуть, отдых, а вайма—душа.

АС—сокращенное слово АСУ—ум, разум, способность,— добавляемое к окончанию дает такое понятие: пеляс—сумасшедший (от пеле-асу—пол-разума).

ГА, ГЕ—в окончании образуют понятия—имя существительное от действования, например: яксярга—утка (от яксян—хаживаю) кядъге—подручная посуда (кядь—рука).

*.) М.—мокшанское, Э.—эрзянское наречие.

ГАН, КАН—в окончании определяют название по всегдашнему и определенному действию предмета и представляют сокращенное выражение глагола **кандан**—несу, например: **сезыган**—сорока, **сезян**—рву, оторву (название по издаваемому звуку); **мчкурган**—цапля, **мчкордома**—скрежет; **куцынан**—орел, **куцян**—поднимаясь.

ГАС, КАС—сокращенное от слова **касы**—растет, придается для образования имени, указывающего, где предмет вырос или что у него выросло; например—**виръгас**—волк (виръса **касф**—в лесу выросший); **няръгас**—барсук (**нярь**—**касф**—переросшая морда); **нейтькас**—ящерица (**ней**—**касы**—все еще (снова) выростающая).

КЕ—придается для образования ласкательной или уменьшительной формы имени; например: **сараскө**—курочка, **кенкшкө**—дверца, **палақске**—крапивушка.

КС—в окончаниях имеет широкое применение и употребляется во многих случаях. Приведем некоторые виды словообразования при помощи **КС**.

Когда нужно бывает указать, на чем предмет вырастает, например: **пизел**—рябина·ягода, а **пизелькс**—рябина·дерево, **чивге**—калина·ягода, а **чивгокс**—куст калины, **инези**—малина·ягода, а **инекс**—малинник.

В случаях, когда указывается, на что предмет приспособлен, например: **сур**—палец, а **суркс**—кольцо, перстень; **пиле**—ухо, а **пилькс**—серьга; **кядь**—рука, а **кядъкс**—браслет.

А также и во многих других случаях, например для названия действия или места: **асъколямс**—шагать, а **шаг**—**асъколкс** (имя, для обозначения действия и расстояния), **шаромс**—окружить, а **шаролкс**—поворот; для указания уподобления: **сиде**—частый, а **ситерькс**—частник, **пула**—хвост, а **пулкс**—ухвостье и т. п.

Кроме того **КС** применяется во всех частях речи для образования новых слов и понятий.

НШ—подобно **КС**, имеет большую область применения в образовании имен существительных. Придаваемый к окончанию, образует слова разнородных понятий, но главнейший его признак,—обозначение множественности предметов, или многократного действования, например:

а) понятие о том, что предмет является обладателем множества других однородных: **атякш**—**петух**, самец, единственный для множества самок (кур), их хозяин; **пилекш**—**многоухая** (по отношению к курице, имеющей перья, выступающие подобно ушам);

б) для выражения понятия о многопроизводительности—**авакш**—**курица**, т.-е. самка, выводящая многих (цыплят);

в) когда бросается в глаза какое-нибудь ненормальное явление; например: овца не имеет рогов, но есть исключения: **сюронш**—**овца с рогами** (сюро-рог); питание материнскими грудями имеет предел, но есть исключения, эти исключения и называются—**потякш**—**взрослый сосун**;

г) для указания действия многократно повторяемого в определенном месте или над определенным предметом—**кенкш**—**дверь**, т.-е. место, по которому много ходят (КИ—дорога, тропа); **таркш**—это предмет, на который долго натягивают. (**Таркш**—**рогатка** или просто жердь, на которую натягивается сырья еще шкура убитого или зарезанного животного);

д) для названия предмета, который имеет много концов: моркш—стол (морга—сучек), кильгокш—узел петлей, завязанный бантом, т.-е. со многими концами.

Необходимо отметить, что, несмотря на многообразие имен, образуемых этим аффиксом, в сущности все они дают понятие о многократности или множественности; такова же роль этой частицы и в других частях речи, например, в глаголах, придает повествовательную форму изложения.

Лъ—придаваемое к окончанию корня, заменяет его содержание понятием, представляющим первое, как бы удлиненным: Пей—зуб, пейль—нож (т.-е. долгозуб), пе—конец, пель—кол (т.-е. долгий конец).

М—в окончании применяется для составления имени как и **ДМ**, но придает название предмету по ему присущему качеству или действию; например, шине—запах, вонь, а шинем—вонючка-зверь, ута—нора, берлога, а утом—амбар, т.-е. большое хранилище запасов, а не как нора; ате—старик, хозяин, а атам—гром, т.-е. величественный хозяин (бог).

НЕ—как и **КЕ** употребляется для придания ласкательной или уменьшительной формы имени, например: калие—рыбка, пильгоне—ножка, селине—вязок, алашане—лошадка и лошадушка.

Употребление разных ласкательно-уменьшительных аффиксов вызывается только фонетикой мордовского языка. Слова, оканчивающиеся на свистящий или шипящий звук, требуют постановки **КЕ**, а остальные окончания принимают **НЕ**.

Р—в окончании дает имя, содержащее в себе смысл корня, и обозначает либо название действия или место; например: щовар—ступа, а щовама—растирать, потмар—ящик под печкой, или под лавкой, кладовая для домашнего скарба, а потма—нутро.

Съ—в окончании указывает на определенный предмет, а при сочетаниях с **Д**, **Т** и после **Н** переходит в **Ц**; например: церась—этот мужчина, авась—эта женщина, куць—эта изба, Э. кудос, ломаньць—этот человек, Э. ломанесь.

Ф—в окончании указывает, что имя получилось от определенного действования (причастная форма имен), например: УСКФ—(усф)—воз и привезенный,-ая,-ое, а ускан—везу; КАНФ—(кантф)—ноша и принесен, а кандан—несу; перяф—городьба и загорожено, а перян—огораживаю.

ФТО, **ФТЕ**—частица отрицания, по содержанию соответствует предлогу „**БЕЗ**“ русского языка; например: кядьфтома—безрукий, пильгфтома—безногий, ведьфтема—бездводный.

Эта частица может входить во все имена существительные и дает понятие об отсутствии того, что выражается корнем.

ЭС—из возвратного местоимения **ЭСъ**, которое в зависимости от сочетания с другими именами и местоимениями принимает содержание и притяжательного, и указательного, и относительного местоимения и другие оттенки. Переобразовываясь в частицу оно не только склоняется, но и спрягается. В мордовской речи его употребление настолько многообразно, что редкие предложения обходятся без **ЭС**. На формах его изменения построены разные падежные окончания в трудах А. А. Шахматова, Паасонена и других. Кроме того **ЭС** входит в слово в полном и сокращенном виде; ставимое в начале слова—**ЭСълацион**—по-своему, в середине—тоньнеське—и твой или в окончании—велеть**ЭС**—в село, опять-таки вносит разнообразие в содержа-

ние понятий. С его применением в слове или предложении мордовский язык обогащается настолько, что может выйти из любого положения простым понятным оборотом речи. Вот несколько примеров изменения **ЗС.**

ЭСА—там, в.

эста—тогда, из, оттуда.

эзга—по,

эзда—из, от,

эс—в,

эсь—в себе,

эсон—во мне,

эсот—в тебе,

эсонза—в нем,

эсьсгон—от—, из меня.

эсьстот—от, из тебя

эсьстонза—от, из него,

тейзон—ко мне,

тейзот—к тебе,

тейзонза—к нему,

эсътейне—мне самому,

эсътейнза—ему самому.

эсоленъ—я там был,

эстеть—тебе самому.

эсолеть—ты там был

эсоль—он там был,

эсезонза—он сам собой,

эсезт—ты сам собой.

эсэзон—я сам собой,

И множество других сочетаний. Даже здесь, в единственном числе приведенные примеры, достаточно взять во множественном числе, и количество примеров удвоится.

Много и других частиц в мордовской речи, но исчерпывающее перечисление возможно только в специальном труде, здесь же ограничимся приведенными примерами.

2. Образование имен существительных при помощи слов-частиц.

В мордовском языке особенное значение при образовании слов имеют слова-частицы,— это такие корни, которые еще не перешли в аффиксы, но служебная роль их сходственна с ними.

Переход корней со значением в слова-частицы и последних в аффиксы наблюдается и в данное время. Поэтому всякое значащее слово мордовского языка при необходимости может принять содержание слова-частицы или аффикса. Возьмем для примера слово ТУЛЯВКС (Э. н.), оно состоит из ТУВОЛЯВКС — свиной детеныш, т.-е. поросенок. Здесь мы видим, что окончание первого корня **ВО** выпало и остается бессодержательное **ТУ**. Применяя этот закон, мордовский язык уснащается другими словами, которые нельзя назвать „новыми“ в значении этого понятия в русском языке и его словообразовании, так как могут заменяться другими комбинациями слов или совсем выходят из употребления при изменившихся обстоятельствах.

СЛОВА-ЧАСТИЦЫ ставятся в окончании. Слова-частицы мордовского языка и их роль можно сравнить с предлогами и предложными наречиями русского языка. Существенное различие заключается в том, что слова-частицы ставятся на конце слов, а имя существительное ставится в родительном падеже с полным или сокращенным окончанием, между тем как в русском языке предлоги управляет всеми косвенными падежами; а предложные наречия—родительными: близ, вдоль, вместо, мимо, около и т. д., дательным: благодаря, во-преки, сообразно и т. д. и творительным: между, меж. И здесь видим аналогию в следующем: предложные наречия для дательного и творительного падежей исчисляются единицами, а ставимых с родительным падежом множество. В русском языке некоторые имена существительные в косвенных падежах, в полной или сокращенной

форме, принимают содержание наречий; словообразование при помощи слов-частиц в мордовском языке имеет некоторое сходство с этим явлением в русском языке, а различие заключается в том, что корень и слово-частица, соединяясь, дают новое имя существительное. Приведем здесь употребительнейшее из слов-частиц: **АЛ**—в прямом смысле—**ЯЙЦО**, как частица—низ, под. **Прял**—изголовье (подголовье), **ПРЯ-АЛ**—голова, низ; **СЕДЯЛ**—подпол, **СЕДЬ**—помост, ал—под.

БОКА—сторона, отсюда—прябока—висок, кудбока—завалина.

ВЕЛЬКС—над, отсюда—вирьвелькс—надлесье, вастовелькс—одеяло.

ВИЙ—сила: прявий—разум (пря—голова), кядвий (кядь - рука), пильговий (пильге—нога).

ЕТКА М., ЮТКО Э.—пора, меж: тавьётка, тевьютко—деловая пора, сельмоетка, сельмоютко—переносье, т.-е. междуглазье.

ИНГОЛЬ М., ИКОЛЬ Э.—перед; отсюда—кудынголь, кудикель—сени, буквально—передизбье,

КЕЛЕ—ширина: умакеле—ширина с загонную, котфела—ширина холстовую.

КИ—дорожка, сёрмаки—строчка в письме и вышивке, паньдеки—дорожка вдоль грядки;

КУВАЛМА—длина, по и про: икувалмо—длина дороги, ведьгувалмо—продолжение течения.

ЛАНГО—поверхность, ведъланго—поверхность воды, кядъланго—повёрхность руки;

НАЛ—в современном значении собрание однородных предметов, а прежнее его содержание—**КОЛЧАН** и **СТРЕЛА**, отсюда: тумонал—дубняк, кевнал—каменистая местность, стирнал—девишик, и еще слова-частицы пял—сторона, пря-голова, потма—внутренность, рядь—ряд, тарка, таркс—место, удал Э., фтал М., задняя сторона, фчек—чуть-до.. чи, ши,—день, состояние, щире—сторона, яла—все еще, всегда и т. д.

Кроме этих слов-частиц применяются и нижеследующие: **БАШ-КД**—кроме, шире М., чире Э.—сторона; карша или карчо—перед накануне, кис—поэтому, коволга,—колга М., кувалт Э.—вдоль, об, о; лаца—подобно, мала—близ, марта—с, мельга—за, пе—конец, потмоса М., поца Э.—в, внутри; пачк—сквозь, через, потмакс—низ, дно, перьфь М., перть Э.—всю, во всю, туркс М.—трокс—Э,—через, тарка Э.—место, пели М., туртвут—Э,—к, ваксса—около и т. д.

Здесь приведены более часто употребляемые слова в форме частиц. Эта категория словообразования является наименееупотребительнейшей в мордовской речи и очень часто любое слово применяется как частица.

Этот закон мордовского языка особенно трудно понять человеку, знающему только законы флексивных языков. Обычная ошибка в переводе таких выражений заключается в том, что первый корень берут за имя прилагательное, т.-е. определением ко второму, и это приводит к грубейшим ошибкам. Возьмем для примера выражение—шuftолопа—лист от дерева, если первый корень взять как прилагательное, то получается выражение—шuftонь лопа—деревянный лист. Как видно из этого примера, а количество их можно увеличить во сколько угодно раз, неверные приемы исследования, исходящие из незнания мордовского языка, приводят не только к неправильностям, но даже к абсурду, так как содержание понятий: „лист от дерева“ и „деревянный лист“—далеки один от другого.

3. Образование имен существительных при помощи перестановки корней.

Этот вид словообразования отличается от предыдущего тем, что материалом для него служит пары слов, об'ект и его определение. Из них образуются новые слова следующим образом: об'ект суждения при перестановке становится частицей. В мордовской речи вообще, в словообразовании, в частности, чем важнее в суждении корень, тем ближе к концу он ставится, а самое важное, для данного рассуждения, ставится последним.

Возьмем несколько примеров для исследования из боле часто употребляемых и демонстрирующих это словообразование.

АКША—(Э. н. АШО) СЕЛЬМЕ—СЕЛЬМАКША.

Белый глаз—или белоглазый—бельмо.

АКША АЛ
—АЛАКША.

Белое яйцо
—белок.

БАЙДЕКПЕ
—ПЕБАЙДЕК.

Конец от палки
—палка, сделанная из верхушки.

ГУЛЕНЕГИЗА
—ПИЗАГУЛЕНЕ.

Гнездо голубя
—гнездо с голубями.

ДОСКАПЕ
—ПЕДОСКА.

Конец от доски
—доска из верхушки дерева.

ЕНЛОМАНЬ
—ЛОМАНЬЕН.

Человек ума
—чужой разум.

КЯДЬКЕВ
—КЕВКЯДЬ.

Ручной жернов
—тврдая сильная рука.

ЛЮКШЕ ПАНЧФ
—ПАНЧФЛЮКШЕ.

Цветок гречихи
—цветущая гречиха.

ТУВОКУЛА
—КУЛОТУВО.

Туша свинья
—дохлая свинья.

Всех примеров этой формы словообразования перечислить нет возможности, да и нет в этом большой необходимости.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы иметь представление об этом законе языка.

Такое словообразование, применяемое в мордовской речи, вводит живость в разговор. Кроме того, пользование омонимами, которых не мало в мордовском языке, заставляет быть внимательными беседующих, во избежание того, чтобы не сказать несуразицу и тем самым не прослыть неумным или даже обманутым.

4. Образование имен существитительных при помощи расстановки корней.

Эта форма словообразования присуща корневым языкам, в русской печати мы ее встречаем тогда, когда приводятся выражения из корневых языков, как например, китайского: ЧАН-КАЙ-ШИ, СУН-ЯТ-СЕН и др.

При помощи расстановки, из имеющихся многих корней с определенными значениями, образуется одно, новое понятие, которое во флексивных языках передается многими словами, а иногда и совсем не поддается точному переводу. В русской печати часто встречаются собственные имена китайцев, из этой категории слов начнем исследование словообразования и здесь.

Одна мордовская песня начинается так: „Осянь-Васять-Иваняц“. По русски это будет так: Иван Василия Осипова или Иван Васильевич Осипов. А вот другой пример: Митянь-Татать-Алдац-Авдотья Митриевой Татьяны или Авдотья „Татьяновна“ Митриева.

Для русского уха странно звучит величание не по отчеству, а по матери, но в мордовском языке это не представляет какой-то особенности, так как эта форма в сущности представляет определение, а не обращение.

На практике, для передачи многокоренных слов корневых языков, в правописании применяется соединительный знак, здесь мы этого и будем придерживаться. В немецком языке мы наблюдаем запись многокоренных слов заодно, но эта категория слов образуется не при помощи расстановки, а по простому закону сложения.

Обратимся снова к исследованию и будем брать образцы из мордовского народного творчества.

1. „Кода братцы Казаньц строяма?

Шнакшнихть сивай-лишмо-пря.

Как нам, братцы, Казань строить?

Расхваливают голову сивого коня.

(Из песни „Постройка Казани“).

Возьмем слово: „сивай-лишмо-пря“.

Дословный перевод: „сивый-конь-голова“.

Перевод по содержанию: „голову сивого коня“.

Но и последний перевод не передает всего содержания понятия, вложенного в мордовское слово. Здесь разумеется не голова, как та-ковая, а голова в понятии—жизнь, присущая живому существу с головой. Подобие этого выражения мы встречаем в исторических документах Московского царства, когда „Боярин (скажем примерно) Кирилло Морозов выдавался головой Басманову.“ Да и вообще, слова, образованные при помощи расстановки корней, редко передаются на русский язык полностью, при самом тщательном подборе слов, все же не достигается в переводе передачи всего содержания. Возьмем другие примеры.

2. „На теть казне, дуганнай,
Отъкорь-авань-кядь-щещькске“.

— На тебе подарок, братец,

Рукодельице ловкой женщины.

Дословная передача: „Отъкорь-авань-кядьщешкске“: ловкая-женская-рукодельице.

3. „Стирьнесь аши ш‘ра-песа-вальмала,
Сетень-серма-мациень-кенчт сермады“.

Дословно: Эта девушка стоит стол на конце под окном,

По содержанию: Девушка сидит у стола под окном,

Вышивает мудреную вышивку „гусиные лапки“.

Это образцы из песен, приведем одну поговорку.

4. „Еню-алянь-пря-вий кирьди оцио семия“.

Дословно: умный человека-голова-силы держит большую семью.

Содержание: Мудрость разумного человека управляет большой семьей.

Исследуем еще пример, для пояснения того, как изменяется содержание понятия при расстановке; например: „мазыавань-руця“.

Дословный перевод: красивая женщина—платок;

Перевод по содержанию: платок красивой женщины.

Теперь произведем перестановку корней так: „авань-мазы-руця“.

Дословный перевод: женщины красивый платок.

Перевод по содержанию: Красивый женский платок.

Да и вообще, комбинируя расстановку во всевозможных вариантах, достигается образование слов разного содержания.

Из этих примеров видно, как мордовский язык при помощи расстановки и перестановки корней создает новые слова и понятия.

Эти примеры из мокшанского наречия, а вот пример из эрзянского.

„Се пандынть ала латка, лемиза „Козелень-струп-латка“ . Под этой горой овраг, который называется: „Овраг сруба-богатого-человека“.

5. Образование имен существительных при помощи слияния корней.

Не нужно понимать эту форму, как словообразование сложных слов в русском языке. В мордовском языке словообразование сложных слов также имеется, но здесь мы его касаться не будем, подразумевая, что оно русскому читателю известно, а потому не представляет особого интереса.

Разница этих словообразований заключается в следующем: сложное слово содержит в себе смысл корней, вошедших в него, как например: пароход, паровоз, водовоз и т. п., а в слове, образованном при помощи слияния корней, получается новое понятие, иногда имеющее отдаленное сходство с содержанием входящих в слово корней, а в большинстве случаев они представляют уподобление. Для разъяснения этого закона приведем несколько примеров.

Варманьзопай—кобчик (букв. ветротычка, по действию его).

Варсийньбря—клевер, (букв. воронья голова).

В некоторых диалектах—варсийнь (варакань) бал,—воронье мясо (по цветку, т.-е. его окраске).

Веньдряв—**летучая мышь**. букв. ночью кормящаяся, то же кедьмиляв Э.—бабочка с кожаными крыльями.

Ведьваре—**Водоворот**, букв. водяная дыра.

Кулбось—**загнет**, букв. гнездо для золы, а в некоторых диалектах: кулугуд—**избенка для золы**.

Шееронькарькс—**березка**—и вообще выонковые растения, букв. мышиные оборы.

Много таких слов в мордовской речи, от этого иногда и получаются у мордвина неправильные выражения с точки зрения русского. Мордвин незнакомые русские слова старается перевести с мордовского понятия и поэтому вполне обяснимое по-мордовски выражение кажется странным русскому. Возьмем хотя бы „мышиные оборы“, русской мысли это выражение, конечно, ничего не говорит.

6. Словообразование с применением двойственного числа.

Почти каждая мордовская сказка начинается так: „Эрясть-ашесть атят-бабат кафонаст; стирь—церат идьнясна“. В переводе: Жили

были старики со старухой вдвоем; сын и дочь—их дети". Букв. Жили были старики и старухи вдвоем, сыновья и дочери—их дети.

„Ляят-бабат“, „стирть-цёрат“ эти пары слов и есть образование при помощи двойственно-множественного числа. Оно происходит следующим образом: берется пара слов, чем-нибудь связанных, имеющих что-либо общее и, придав каждому корню признак множественного числа Т—ТНЕ, в речи об'единяются произношением, а в письме соединительным знаком. И далее в изменении они удерживают свое соединение и множественное число.

Считаем нужным оговорить, что это образование не нужно смешивать с двойственным числом древне-славянского языка, как например: „поях рукама“, „поидох ногама“—или с древне русскими выражениями „взял (есмь) руками“, „топтал ногами“. Здесь говорится о „двуих руках“ и о „двуих ногах“ между тем, как в мордовском языке берется пара слов, несхожих по содержанию, и каждое фигурирует в форме множественного числа.

Двойственное число (имеется в мордовском языке) и передается своеобразным сочетанием корня и аффикса „марта“, например: кядь-марта сяволить”—взял бы руками, букв. рука—с, взял бы.

Также не нужно смешивать это словообразование с образованием понятий простым повторением корней, как например:

„Ломань-ломань пароафтии.

Чужой человек добра не сделает“.

Букв. „Человек, человек добро не сделает“.

Здесь в окончании и признак относительного прилагательного **НЬ**, поэтому получилось простое удвоение, полное окончание дало бы „ломаньнь ломань“, это же выражение можно слышать еще с большим сокращением, а именно: **ЛОМА-ЛОМАНЬ**. Как правило, повторение в именах—первый корень ставится вместо русского предлога НА или ПО; например: „Тиръконь-тиръконь сезеньдезе“.—По частям (на части) он его изорвал. Во избежание же неправильного понимания предпочтается удвоение корней следующим образом: первый корень берется в современном понимании, а вторым приводится его архаизм, таким образом и получаются такие выражения: мир-шехерь М,—мир, общество, яки-паки—похаживает, цёт-цет—по-парно (цет-чет).

Применением повторения корней во всех частях речи в мордовском языке достигается разнообразное содержание, например: в именах прилагательных дается понятие о превосходной степени сравнения: раужа-равжа,—чернейший или сравнительная степень от превосходной, например: „Якстерь-якстерь шамац, сядонга якстерь паляц“. Очень красно его лицо, еще более красно (покраснее) его рубаха.

В счетных именах удвоение корней передает следующее содержание: (колмонь-колмонь—по три (колмо-три), нилень-нилень—по четыре (ниле—четыре), котонь-котонь—по шести (кото—шесть) и т. д.

В местоимениях повторение корней создает такое содержание: кие—кто, кие-кие—кто-нибудь, мезе—что, мезе-мезе—что-нибудь, мес-мес—почему либо и т. д.

7. Образование отглагольных имен существительных.

Отглагольные имена существительные первоначальной формы образуются от глаголов, формы—3 лица, настоящего времени, из'яви-

тельного наклонения, действительного залога; в М. н. берутся без изменений, а в Э. н. к окончанию добавляется частица ЦЯ, например:

М. н.—тонавты, тонавтни, сокай.

Э. н.—тонафтыца, тонавница, сокица.

учитель, ученик, пахарь.

В мокшанском наречии только по содержанию понятия в речи можно узнать, является ли данное слово глаголом, именем существительным или причастием.

От инфинитивов будущего времени образуются имена существительные без изменения слова, как указывалось уже на это в словообразовании аффиксами (см. А-МА).

Особых пояснений эта форма не требует, так как пользуется готовыми формами, трансформируя их содержание по требованиям законов мордовской речи в имена существительные. Это является общим законом для перехода слов в склоняемые формы, т.-е. всякое имя существительное в именительном падеже—неопредел. склонен. есть форма третьего лица, настоящего времени либо от глаголов или от спряжения слитных имен (см. образование именительного падежа от слитных имен).

8. Образование имен существительных с притяжательными окончаниями.

В этой части своего изложения нам очень мало придется внести нового. Вопросы образования имен существительных с притяжательными окончаниями основательно освещены исследователями мордовского языка и его наречий. По Э. н. вопрос разработан А. А. Шахматовым в его труде „Мордовский этнографический сборник“. Об этом же словообразовании для обоих наречий дают сведения в своих трудах по исследованию мордовского языка Паасонен и другие. Из этих соображений, может быть, об этом явлении в мордовском языке здесь не нужно бы и говорить, но для полноты представления о словообразовании и в виду недоступности трудов вышеназванных авторов, ставших библиографической редкостью, остановимся и на этом.

Принадлежность предмета может быть 1—2—3 лицу. В мордовском языке для этого имеются специальные окончания, например: в М. н. для указания принадлежности к 1-му лицу к окончанию—длятся ЗЕ, ко 2-му—ЦЕ и к 3-му Ц; в Э. н. по 1-му лицу—М, 2-му—Т и 3-му—ЗО и ЗЭ, например:

М. н. АЛАШАЗЕ,	АЛАШАЦЕ,	АЛАШАЦ.
Э. н. АЛАШАМ,	АЛАШАТ	АЛАШАЗО.
моя лошадь	твоя лошадь	его лошадь.

По форме для каждого лица имеется склонение имен, которое осложняется следующим явлением. Одному лицу может принадлежать не только один предмет, но и несколько однородных, для этого создается особая форма слов, например:

М. н. ЦЕРАНЕ,	ЦЕРАНТЕ	ЦЕРАНЗА
Э. н. ЦЕРАН	ЦЕРАНТА, (АНЕ)	ЦАРАНЗО,
мои сыновья,	твои сыновья,	его сыновья,

Также многим может принадлежать один предмет, для этого образуется опять особая форма, например:

М. н. КУДОНЕСЬКЬ,	КУДОНЬСТЕ,	КУДСНА,
Э. н. КУДОНOK,	КУДОНК	КУДОСТ,
наш дом	ваш дом	их дом.

Наконец, множество предметов могут принадлежать многим, для выражения этого понятия опять свои формы, например:

М. н. ЦЕРАНЕКЕ,	ЦЕРАНЬТТЕ,	ЦЕРАСНА,
Э. н. ЦЕРАНОК,	ЦЕРАНК,	ЦЕРАСТ.
наши сыновья	ваши сыновья	их сыновья.

Эти формы словообразования в некоторых диалектах каждого наречия еще усложняются другими окончаниями, особенно это касается последних двух форм.

Изложенные здесь в 8 пунктах формы словообразования для склонения имен существительных являются главными, но есть второстепенные формы словообразования, как, например: указательная форма имен, образуемая аффиксами ГАК, КАК, в Э. н. и КЕ в М. н., имена уменьшительно-ласкательной формы, образуемые при помощи аффиксов КЕ, НЕ, образование имен с отрицательным содержанием при помощи отрицаний А, АРАСЬ—не, нет, в Э. н. и АФ, АШ в М. н.; переобразование иноязычных слов, вошедших в мордовский язык, но на них мы не останавливаемся, во-первых, потому, что разяснения некоторых форм даны при изложении словообразования аффиксами, во-вторых, многие из них имеют небольшое сходство с подобными словообразованиями в русском языке.

На этом и закончим разбор образования склоняемых имен существительных.

9. Образование слов-предложений.

В виду того, что словообразования, подобного указанному, нет в русском языке, да и вообще в языках индо-европейских, и представляющего почти совершенно неисследованную область мордовского языка, остановимся на нем более подробно.

Для того, чтобы иметь возможность рассуждать о слитных именах существительных, представляющих слова-предложения, приведем несколько примеров из этого словообразования.

ЛОМАНЯН, ЭРЗЯН, МОКШАН,

Я человек, я эрзя, я мокша.

Из этих примеров видно, что слитные слова имеют окончания на АН, ЯН и которое в сущности сводится к одному окончанию на АН, а в ЯН оно переходит тогда, когда имя имеет мягкое окончание, гласное или согласное—безразлично. Проанализируем приведенные примеры:

ЛОМАНЬ+АН, ЭРЗЯ+АН, МОКША+АН.

Из приведенного анализа видно, что если в окончании корня имеется звук Я, то он не удваивается, а происходит слияние, и получается один звук. Такой же процесс происходит и с окончаниями на А.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо сказать несколько слов о термине слова-предложения. Мы определяем их так по следующей причине: АН—есть личный признак глагольных окончаний по 1 лицу настоящего времени, единственного числа, изъявительного наклонения, действительного залога, так же вводится в словообразование и АТ, признак глагольных окончаний по второму лицу, а поэтому имя с таким окончанием принимает изменения по временам числам и лицам, т.-е. спрягается, подобно глаголам, но теряет склоняемость. В виду того, что в таком образовании, в

имени сочетаются разнообразные признаки: время, число, лицо, мы и предложили было термин „слитные“.

Пока вопрос о термине окончательно не определился. Приведем два примера из того, как на него посмотрели авторитетные лица.

В Саратовском Областном Обществе Краеведения при обсуждении моего доклада на тему: „Спрягаемые формы склоняемых и наречий“, проф. Г. Г. Дингес, принимая во внимание формы изменения; склонялся к тому, чтобы причислить эти имена к глаголам. Действительно, если подойти к определению с формальной стороны, необходимо бы их так назвать. Соглашаясь с проф. Г. Г. Дингес относительно определения форм изменения, нельзя не отметить того, что эти слова, правильнее „слова-предложения“, носят признак имени, а поэтому с морфологической точки зрения являются именами, а не глаголами.

Проф. Д. В. Бубрих рекомендует для них ввести термин „имена с личными окончаниями“, дабы воспользоваться этим определением и в других случаях, как например: „наречия с личными окончаниями“ и т. п.

С терминологией проф. Д. В. Бубриха можно бы согласиться, если бы не было в мордовском языке имен с притяжательными окончаниями, которые, как мы могли видеть из предыдущего тоже имеют личный характер и распределяются по лицам, и кроме того, они также принимают слитную форму, чем еще более осложняют определение. Термин „с личными окончаниями“ применим в определении отдельных незначащих слов мордовского языка, принимающих также личные окончания, там его употребление необходимо.

После обсуждения вопроса, аналогично термину, применяемому в полисинтетических формах агглютинитивных языков по предложению проф. Г. Г. Дингес мы применяем термин—слова-предложения.

Дело, конечно, не в терминологии, а в выявлении закона; в случае, если утвердится которое-либо из здесь изложенных определений, легко можно будет понять содержание термина и пользоваться им.

Нужно заметить, что эта форма слов мордовского языка до сего времени почти совсем не освещалась в печати, поэтому и происходит обмен мнений относительно терминологии в их определении *).

Такая форма словообразования приводится последней потому, что производит образование от всех вышеизложенных форм. Да и вообще при изложении мы придерживались системы, чтобы дать первый более простые формы, а последующими те из них, которые могут принимать в себя комбинированное словообразование из всех предыдущих форм.

Но если целиком придерживаться генезиса форм словообразования в мордовском языке, то это изложение нужно бы поставить первым, так как все имена существительные и в единственном и в множественном числе свой именительный падеж имеют от формы 3-го лица, настоящего времени, спряжение слитных имен. Таким образом в мордовском языке основой является глагольная форма и спрягаемость, а склонение—как бы продолжением этих форм. Для доказательства к нашему изложению приведем один пример.

*) Отмечаются эти формы в трудах. Budenzj. „Mordwin Közlések“ стр. 133—134 в Nyelvtudományi Köziemények“ Pesten 1866 г. А. А. Шахматов „Мордовский этнографический сборник“ на стр. 791, но у последнего только в отношении числительных.

Единственное число.

Ломаня́н—я человек,
ломаня́т—ты человек,
ломань—он человек.

Множественное число.

Ломатья́ма—мы люди,
ломатья́да—вы люди,
ломать—они люди.

ЛОМАНЬ—уже склоняемая форма, именительный падеж, единственного числа, неопределенного склонения, так и **ЛОМАТЬТЬ**, именительный падеж, множественного числа того же склонения.

Каждое имя существительное может принимать слитную форму и, несмотря иногда на кажущийся абсурд, когда слово взято отдельно, в предложении оно нивелируется и осознается, как необходимое, например. **АЛАШАН**—я лошадь, отдельно взятое кажется несуразицей, но возьмем предложение „**АФ АЛАШАН, ТНЯРА СТАЛМОТЬ КАНДОМС**“. Ведь не лошадь я, чтобы такую тяжесть понести.

И так во всех случаях: кажущаяся несуразица в отдельном имени, в предложении бывает необходима и уместна.

В заключение заметим, что слова-предложения хотя и спрягаются, но еще далеки от глаголов, хотя при их спряжении имеется специальный вспомогательный глагол **УЛЯН**—буду, стану, который в спряжении глаголов в полной форме не применяется, а употребляется только при спряжении имен, местоимений, наречий, аффиксов и слов-частиц.

10. Образование слитных имен существительных многокоренных и имеющих аффиксы или слова-частицы.

При образовании слитных многокоренных глагольные признаки наращиваются к последнему корню или аффиксу, если он имеется в окончании. В мордовской речи часто употребляется аффикс „**МАРТА**“, имеющий содержание, подобное предлогу „**С**“ русского языка. Приведем пример образования слитного имени с этим аффиксом.

Настоящее время.

Единственное число.

АЛАША-МАРТАН—я с лошадью,
АЛАША-МАРТАТ—ты с лошадью,
АЛАША-МАРТА—он с лошадью.

И далее идет изменение по временам, числам и лицам. Многие аффиксы и слова-частицы при образовании слитной формы требуют постановки корня в родительном падеже определенного склонения, т.-е. с наращиванием—**ТЬ** в М. н.—**НТЬ** в Э. н., а во множественном числе—**ТЕНЬ** (для обоих наречий). Например: Кудть-инголян—в М. н. кудонтъ-икелян в Э. н.—я перед домом.

Так же идут наращивания и в многокоренных словах, т.-е. глагольные признаки придаются к последнему корню; например: „**Паро-тевонь-тииянь**“ М. н. „**Паро-тевонь-тиециян**“ Э. н.—я добродетельный.

Дальнейшее развитие образования слитных имен существительных принимает уже все признаки глагольных форм с наклонениями и залогами, поэтому в практической работе мы их называем слитными именами глагольной формы, и об их образовании уместно рассуждать в образовании глаголов. Для представления об этих формах приведем примеры: Алашав-ломань—человек, имеющий много лощадей. Церав—имеющий много сыновей и т. д. Принимающая притяжательность и выражаящая принадлежность.

Считаем нужным указать, что имена, названия частей или каких-либо атрибутов в этом случае принимают форму слитного имени прилагательного; например: ёнуван—я умный (от им. существ. ЕН—ум, разум). Виуван—я сильный (от им. существит. вий—сила), хотя содержание этих понятий можно передать и так: „я имею много ума“, „я имею много силы“.

На этом и закончим наш экскурс в область словообразования имен существительных мордовского языка.

Здесь мы кратко касались лишь тех форм словообразования, которые можно назвать доминирующими в мордовском языке, и не имеющими сходства с словообразованием в русском языке. Не касались также особенностей словообразований в наречиях и диалектах языка, происходящих от фонетических особенностей каждого из диалектов мордовского языка. Думается, что из того, что здесь изложено, можно видеть богатство форм словообразования мордовского языка.

После выявления особых законов мордовского языка, для языкоznания открывается широкое поле исследования, а также и обобщений. Возьмем, хотя бы, например, ту пропасть, которая разделяет формы спряжения от склонения, ведь не по мановению же „волшебной палочки“ человек перешел от одной формы изменения к другой. Очевидно, имелись промежуточные формы в жизни языка, на которые указывает мордовский язык своими слитными формами и их изменениями.

Этимология мордовского языка, кроме обыкновенного деления слов на изменяемые и неизменяемые, имеет еще резкое деление всех частей речи на формы склоняемые и спрягаемые.

Много энергии и труда потребует изучение мордовского языка, но теперь в научную среду вливаются силы самой мордовы, которые своим присутствием облегчат вопросы исследования.

Область исследования мордовского языка еще мало затронута, особенно же его словообразование. Коренные слова в нем, в большинстве, являются односложными и двухсложными, а остальные—производные, но с ними так слились окончания, в форме аффиксов и слов-частиц, что является как бы одним корнем.

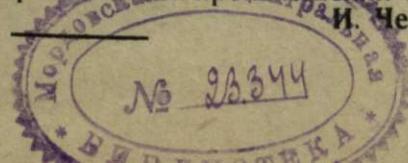
Многие из слов, которые теперь кажутся первообразными, в сущности также являются производными, но уже потерявшиими значение отдельных частей, и воспринимаются как одно целое понятие.

Возьмем для примера слово, которое теперь является первообразным: урьвене—невестка, молодуха, от урьвеньне, ур—раб, рабыня, веньне—ночной—ночная, т.-е. ночная рабыня или наложница.

Так, постепенно, с переменой условий существования, быта и права, корни слов и их сочетания теряют свое первоначальное значение, а содержание их воспринимаются в сознании, как нечто единое, новое для первоначального содержания корней, но соответствующее современному пониманию и мышлению.

В заключение считаем нужным оговорить следующее: для удобства пользования примерами, приводимыми из мордовского языка и для иллюстрации словообразования, нужно бы изложить их фонетической транскрипцией, но технические условия типографий заставляют от этого воздержаться.

Стараясь облегчить пользование материалами, мы приводим примеры с такими словами, которые в своем произношении не вызывали бы недоразумений.

Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губ.*)

Если мы взглянем на карту б. Пензенской губ. в границах перед районированием 1928 г., то увидим расселение мокши по следующим местам. Начиная, приблизительно, от $12^{\circ} 15'$ западной долготы до $16^{\circ} 15'$ к востоку, т.-е. около 260 километров. Если эту цифру возьмем за длину, то ширина выразится приблизительно в 220 километров, т.-е. приблизительно от $52^{\circ} 48'$ широты с юга и до $54^{\circ} 48'$ к северу. Но площадь эта (в 57,200 кв. килом. приблизительно) не одинаково насыщена мордвой. Главная масса находится к северу, т.-е. от $53^{\circ} 30'$ широты до $55^{\circ} 48'$, — около 150 килом., и от $12^{\circ} 15'$ долготы до $14^{\circ} 45'$, к востоку, т.-е. около 170 килом. На этой площади (в 21,200 кв. к. приблизительно) находится почти исключительно мокша, количеством до 245 т.; из которых около 90 т. в б. Бедно-Демьяновском уезде, 80 т. в б. Краснослободском, около 75 т. в б. Рузаевском уезде. Наречие этого массива и служит предметом обсуждения настоящей статьи.

По переписи 1926 г. по Пензенской губ. мокши насчитывалось около 280 т.; исключая 245 т., остальные находятся по следующим б. уездам: в Чембаровском 14 т., Нижне-Ломовском 4 т., Городищенском 9 т., а остальные 8 т. в б. Пензенском уезде (цифры округлены).

В основном массиве наречие мокши подразделяется на три основных диалекта: 1) Беднодемьяновский, который здесь мы будем называть „Спасским“, по первоначальному названию уезда, 2) Краснослободско-Темниковский, жителей б. Краснолободского и Темниковского уездов, который для краткости будем обозначать „Краснослободским“ и 3) Рузаевско-Наровчатский, в который входят б. Инсарский, Рузаевский и Наровчатский уезды, для краткости будем называть „Инсарским“ по основному массиву населения.

Диалект Чембарской мокши, с некоторыми оговорками, можно причислить к Спасскому, а Н.-Ломовской — к Инсарскому диалекту. Диалекты мокши Пензенского уезда, за исключением говора с. Шадымо-Рискина, примыкающего к говору Чембарской мокши, и б. Городищенского уезда по сходству их можно причислить в одну группу, включая сюда и мокшу б. Кузнецкого уезда б. Саратовской губ., последнюю группу будем называть „Городищенским“ диалектом.

Необходимость такого деления вызывается следующими соображениями: за время после революции в коренных мордовских словах изменения не успели еще оформиться и если наблюдаются отклонения, то они исключительно лексического характера.

Исследование показывает, что диалекты, а иногда и говоры в мокшанском наречии имеют различия лексические, морфологические

*) Данная статья является сводкой материала докладов на эту же тему, читанных автором: 1) На С'езде мордовских работников в Москве, 2—7 августа 1928 г. и 2) в Мордовской секции Нижне-Волжского Общества Краеведения в г. Саратове, в феврале 1929 г.

и фонетические, это, т. ск., внутренние различия. Если же посмотреть на явления в мокшанском наречии, т. ск. внешние, то можно их подразделить на следующие три категории: 1) факторы об'единяющие, 2) раз'единяющие и 3) явления нивелирующие диалекты и говоры*). К последним следует отнести и явления четвертой категории, это—причины, вводящие в язык новые элементы фонетики и лексики из-за общественно-экономических отношений.

Каждый из указанных факторов имеет общие предпосылки и частные. К первым можно отнести следующие явления: а) стремление к краткому выражению мысли при помощи сокращения морфологических форм, б) введение в диалект общекультурной терминологии, в) введение в лексику новых слов и выражений, связанных с профессией и с трудовыми процессами вообще, г) смешение диалектов, вызываемое семейными и общественными условиями существования, д) влияние языка и диалектика окружающего иноязычного населения, е) влияние школ через детскую лексику на диалект взрослых и ж) факторы, поддерживающие консерватизм в диалектах, а о факторах частных скажем в изложении.

Говорящим по основным трем диалектам, в отдельности по каждому, следующее количество: Спасский диалект употребляют около 70 т. душ, Краснослободский—90 т. и около 85 т.—Инсарский диалект. Рассмотрим внешние факторы, влияющие на диалекты, в их образовании и изменении.

Об'единяющие факторы.

При изучении диалектов мокши обращает на себя внимание тот факт, что диалекты сосредоточиваются по речным системам. Здесь возможны два предположения: 1) река являлась общим местом труда и сообщений или 2) определенные роды, размножаясь, расселяясь вдоль той водной системы, которая ими была занята вначале.

Мокша краснослободская и темниковская единству диалекта, повидимому, всецело обязана реке Мокше, вокруг бассейна которой сосредоточено это население. Но начальную формуцию этого диалекта приходится искать в другом месте, т. к. он представляет переходную ступень, как бы среднюю линию в мокшанских диалектах, с заметным влиянием татарского языка в фонетической части диалекта. Юго-западная граница Краснослободского диалекта—р. Евас, впадающая в Вад, приток Мокши. Южная граница,—место впадения р. Иссы в Мокшу, на месте ст. Ковылкино. С восточной стороны—лесной массив, поднимающийся от ст. Ковылкино к северу и соединяющийся с Саровскими лесами, которые ограничивают этот диалект и с севера.

Если р. Мокшу можно считать об'единяющим фактором для Краснослободского диалекта, то р. Вад можно назвать на том же основании об'единяющим Спасский диалект. Население, говорящее на Спасском диалекте, сосредоточено по верховьям и притокам рек Виндряй и Парца, впадающими в р. Вад и по среднему течению р. Вад, а также и небольшого количества на верховья этой реки. Насколько влияла речная система в образовании диалекта видно из того, что и в данное время говоры этого диалекта по их различиям можно подразделить на: „Виндряйский“, с центром в с. Ачадово, „Парцинский“, с центром в с. Пичиморга, и „Вадский“, с центром в с. Анаево. В образовании последнего, пожалуй, немаловажную роль сыграл и

*.) Термин „говоры“ нами употребляется для обозначения разновидности диалекта.

лесной массив, которым окружена Вадская мокша, численностью около 14 т. душ.

Население, говорящее на Инсарском диалекте, в южной части расположено по рекам: верхнему течению р. Мокши, от ст. Ковылкино километров на 50 (в прямом направлении), бассейне ее притока р. Иссы и впадающих в нее речек: Инсарка (верхняя) и Сейтима с их притоками. Средняя полоса расположена по верховьям реки Инсарки (нижняя), притоку р. Аллатырь, впадающей в Суру. Север Инсарского диалекта, за исключением 3 селений, расположен по речке Шишкеево и ее притокам, впадающей в реку Сивинь, приток Мокши. Западным разделом Инсарского диалекта от Краснослободского является вышеназванный лесной массив от ст. Ковылкино до Саровских лесов.

Некоторые сходства и различия диалектов подмечены самим населением и носят специальные названия. Например: вадский говор у остальной мокши носит название „вирь-эрыйнъ кортама“ (говор лесных жителей) и с другой стороны, лесная мордва говор живущих не в лесном окружении называет „паксе-эрыйнъ коргама“ (говор польской). Кроме того подмечаются и другие особенности, например: север Краснослободского диалекта говорящие на Инсарском диалекте называют „мелеть“, т.-е. говорящие вместо „да“, „мелे“, а последние в свою очередь делят себя по произношению этого слова на: „мелеть“ и „элеть“.

К об'единению диалектов ведут и такие явления в жизни, както: мелкое административное деление, школа, базары и другие стечения народа, а в последнее время и печать на родном языке. Замечено, например: что мокшанские селения, находящиеся в одной волости или одном уезде, приобретают некоторые общие черты диалекта, по которому говор данного населения отличается от другого диалекта. Не малое влияние оказывают ярмарки и базары. В местах, часто посещаемых мордвой, облюбовываются уголки, где останавливается мордва разных селений.

С целью выявления этого влияния в разных диалектах мною были исследованы говоры трех селений. Из Спасского диалекта говор с. Анаева (Вадский говор), туда с'езжается мордва из окружающих селений на ярмарку. Это стечание создало общий говор с преобладанием в нем элементов анаевского говора. Из Инсарского диалекта исследован говор с. Болдова, где также ярмарка повлияла на диалект окружающей мокши в смысле ее об'единения вокруг болдовского говора. В Краснослободском уезде изучение говора с. Старого Синдрива и окружающей мордвы показало несомненное влияние говора этого села на другие, но с другой стороны, при сличении этого говора с говором с. Нового Синдрива, видно было, что и сам этот говор подпал под влияние других и воспринял новые элементы, хотя это, может быть, явление более сложного порядка, так как там имеется школа, больница и был волостной административный центр. Немаловажную роль в обобщении диалектов играют браки. Здесь влияние не ограничивается только частой встречей родственников, но вводимая в семью девушка из другого говора или диалекта вносит новое, которое постепенно внедряется в семье, а на ее детях в особенности. Отсюда и тот факт, часто наблюдаемый исследователями: какая-нибудь семья определенного населенного пункта говорит на другом диалекте или говоре, чем данное селение. Это, в большин-

стве случаев бывает по следующим причинам: мать семьи, взятая из другого села, и снох старается брать из того же села, хотя это явление в данное время изживается.

Для ознакомления населения с другими диалектами служили и религиозные сборища вокруг монастырей и всевозможных „явленных“; слова и выражения воспринимались и переносились в другой диалект, постепенно принимая право гражданства на новом месте.

В дореволюционное время общественные и семейные праздники также влияли на об'единение диалектов. На престольные праздники, и праздники семейные—похороны и свадьбы, собиралось население километра за 32—42 и, проживая по 3—4 дня, воспринимало некоторые особенности чужого диалекта или говора.

Последнее время могучим фактором об'единения служит печать на родном языке, но, к сожалению, приходится констатировать здесь и печальные случаи, тормозящие этот фактор. Центриздан выпускает литературу только на говоре с. Анаева, Спасского диалекта, которым пользуется 13—14 т. душ населения. Отгородив себя, как китайской стеной, анаевским говором, мокшанское издательство тем самым отгородилось и от остального многотысячного мокшанского населения.

Существенную роль играют в вопросе об'единения диалектов школы повышенного типа: ШКМ, школы семилетки, педтехникиумы, совпартшколы и отделения при них. Молодежь, собираясь в определенном учреждении, невольно воспринимает многое из других диалектов, создавая для стен каждого учебного учреждения специфический говор и, смотря по количеству лиц, с уклоном к говору большинства коллектива.

Раз'единяющие факторы.

Одним из главных факторов, раз'единяющих диалекты мокши, нужно считать разбросанность населения среди групп других национальностей. Эта разобщенность поддерживала консерватизм говоров и не давала возможности, в широком масштабе, к коллективному народному творчеству в области об'единения языка. Отсутствие печатного слова на мордовском языке заставляло диалекты вариться в своем собственном соку. Экономическое положение заставляло прибегать мордву к расселению и переселению, что тоже задерживало об'единение. Было указано, что мелкое административное деление способствовало созданию единства говора, но и здесь необходимо отметить отрицательные факты. Деления административные преследуют территориальные, а в некоторых случаях и экономические цели, но языковые особенности приняты во внимание только при последнем районировании. А что касается диалектических особенностей, то они, пожалуй, не могли быть принимаемы в расчет. Из-за этого мы наблюдаем такие явления: Темниковская мокша, диалектически однородная с Краснослободской за время нахождения в отдельном уезде, а до революции даже и в иной губернии (Тамбовской), выработала некоторые фонетические особенности. Это же относится и к говорам мокши б. Наровчатского и Инсарского уездов, имеющих в основе один диалект.

Нельзя не заметить и влияние естественной среды. Как р. Мокша служила об'единяющим фактором, для диалектов б. Темниковского и Краснослободского уездов, так же был раз'единяющим фактором лесной массив между Инсарским и Краснослободским диалектом.

С целью выявления влияния расселения на диалект, мною было произведено исследование нескольких групп населенных пунктов старых и новых селищ. Работа показала, что выселенцы, т.-е. новые селища дольше удерживают старый говор, задерживая общий ход развития диалекта. В морфологическом отношении различия мало заметны, но в лексическом и фонетическом бросаются в глаза. В Инсарском говоре исследованы мной говоры селений: Старых Верхис и Новых Верхис, расселившихся около 200 лет тому назад, отстоящих друг от друга за 2 километра. И, несмотря на такое малое расстояние, разница в говорах очень заметная. Приведу несколько примеров. Старомордовское название выдолбленного дерева с ём а, применяемое к салазкам, на которых катаются (т. к. дно делается из долбешки), в Новых Верхисах называется „сёматы“, а в Старых Верхисах— „съмане“, „выигрыш“ Н. В. называют „нардама“, а в С. В. „налкозь сявома“, „кукла“ в Н. В. „иняка“, а в С. В. „няка“ и др. В фонетическом отношении в Н. В. сохранилось старинное употребление и вместо э, после смягченных согласных, например: в С. В. произносят: „веле“ (село, деревня) „весь“ (вода) „ве“ (ночь), в Н. В. произносятся,— „виле“, „видъ“, „ви“ и много др. примеров.

В Наровчатском говоре показательны факты из селений Старого и Нового Дракина, почти сводящиеся к вышеназванным, т.-е. сохранение особенности лексики и фонетики. В Краснослободском диалекте исследованы мною говоры селений Старого и Нового Синдорова. Несмотря на то, что Новое-Синдорово сравнительно недавно (около 90 лет) выселилось из Старого, различия также бросаются в глаза и также касаются мало морфологии и отмечаются в лексике, а особенно в фонетике: в Ст. Синд. фонетические явления нивелируются с звуками русского языка, а в Н. Синд. удерживается прежнее мордовское произношение. Из небольшого числа наблюдений и по другим селениям, в частности: по Спасскому диалекту с.с. Старые и Новые Пичиморги, по Краснослободскому диалекту в селениях Старые и Новые—Самаевки, Сазоновки и Толковки, по Инсарскому диалекту в наровчатском говоре: Старые и новые Пичуры, по Инсарскому диалекту Старая и Новая Мураевки, Старая и Новая Пшеневы приводят к выводу, что везде в новых селениях находятся более старинные признаки лексики и фонетики, обусловленные данным диалектом.

При исследованиях во всех диалектах замечалось удерживание более или менее старинных явлений языка в женской половине населения. Поражаясь таким явлением в первое время снова приходилось спрашивать: не из другого ли села взята рассказчица, хотя никогда и не пропускался этот момент работы, момент, так сказать, родословной рассказчицы. Так, поразительны иногда бывают факты консерватизма в женской речи. Кажется, это обясняется тем, что женщина-мордвянка не часто выходит за пределы своего села и почти никогда не имела возможности перенять звуки хотя бы русской речи, а присутствие на базарах не давало для перемен материала, т. к. базарная речь ограничивалась несколькими словами: „что стоит?“ „дорого“, „не продам“ и т. п.

Кроме того, различия говоров в диалекте отмечается даже в одном населенном пункте, особенно в больших селениях. Почти как правило, беднота населяет периферии, т. к. центральные усадьбы, как лучшие, всегда бывают заняты зажиточным элементом населения.

Можно наблюдать такие явления,—говор центра села отличается своим консерватизмом от говора населения периферии. По моему мнению, это об'ясняется тем, что беднота имела больше общения с внешним миром. В погоне за заработка ей приходилось встречаться с другими народами, а поэтому и говор прогрессировал, воспринимал новые слова и выражения; между тем центр консервировал диалект. В больших селениях, зная хорошо диалект, легко отличить говор зажиточного и бедняка, т.-е. человека бывалого от домоседа. Самым ярким показателем бывает произношение ы после взрывных губных: б и п и протяжных: в и ф. Не соприкасавшемуся часто с русским населением очень трудно произносить слоги: бы, пы, вы, фы. А поэтому слова: был, пыл, выл, фыркать—у зажиточного класса (домоседа) произносится: бил, пил, вил, фиркать. Так же их произносит женская часть населения. Исключения из этого правила представляют торговцы.

Таким образом мы наблюдаем как бы классовые говоры в диалектах. Для проверки этого факта мною исследованы некоторые большие селения из разных диалектов, и все факты приводят к одному и тому же выводу.

Нивелирующие факторы.

Много значит в диалектах мокши нивелирующие факторы. Главным из них, в данном отрезке времени, нужно считать влияние русского языка, проявляющееся во многих областях жизни мокши, а более всего чувствуется его влияние через школу и другие культурно-просветительные учреждения. Но исследование диалектов показывает, что до этого нивелирующее влияние на мокшанское наречие имел татарский язык, оставивший особенно глубокий след в Краснослободском диалекте.

К таким явлениям относятся переход шипящих звуков мордовского языка в джь *) и соответственно этому происшедшие изменения примыкающих к этому звуку гласных. Например: мокшанские слова: „шаба“ (ребенок, дитя), „шувар“ (песок), „шапан“ (рублю), произносятся: чяба, чювар и шовар, чяпан (в Краснослобод. д.). Или в говоре чембарской мокши следы нивелировочного влияния, т. наз. мецкерского говора русской речи (цоканье). Чувствуется сильное влияние яканья (тябя, сябя и т. п.) окружающего русского населения, т. наз. „бутяков“, на говор вадской мокши Спасского диалекта, с центром в с. Анаеве, куда на базар с'езжаются и русские и мордва.

Эти явления можно было наблюдать и сравнительно в недавнее время, даже и теперь. В годы до империалистической войны, мне пришлось это наблюдать на говоре мокшанских селений: Навлеи и Поляевка Инсарского диалекта. Рядом с этими селениями находятся богатые татарские селения, около первого—д. Яндовищи и др., а второго—д. В.-Урледим и другие, куда мордовская беднота нанималась в работники, а зажиточная часть населения обеих национальностей дружила между собой или, как говорят, вела компанию. Нивелировочное значение татарского языка сказывалось сильно в фонетике, и это особенно заметно было до открытия школ в указанных мордовских селениях. Татарский язык, как язык более зажиточного населения, влиял на мордовский.

*) Начертание это не совсем точно передает нужный звук. Он представляет один звук, составленный из дь и жь, вместо него будем писать чь.

Замечается нивелировка (но редко обобщения) и в тех населенных пунктах, где живут представители разных диалектов мокши. С целью выявления такого факта, для исследования мною был взят поселок Потравный (теперь Иссинского района Пензенского округа), в котором есть представители разных диалектов. Около 20 лет тому назад в этом поселке поселились представители Краснослободского диалекта (из д. Самазлейки, теперь Рыбинского района Мордовского округа), представители чебарского говора Спасского диалекта из с. Шадымо-Рискино (Пензенского округа) и 2 двора русских. Восемь лет тому назад, этот поселок пополнился представителями Инсарского диалекта, поселившимися из с. с. Н. Верхис и С. Верхис. Влияние русских совершенно не чувствовалось, даже напротив, дети их говорили по-мордовски, и родителям приходилось принимать некоторые меры, чтобы они не забыли родной русский язык. Влияние представителей Спасского говора также было слабое, несмотря на то, что поселок был в районе Шадымо-Рискинской волости. Нивелирующее влияние оказывал Краснослободский диалект. С поселением представителей Инсарского диалекта, спустя несколько лет, выявилось нивелирующее влияние этого диалекта и чем дальше, тем более усиливается. Расстояние от поселка до с. Шадымо—7,5 килом., до Верхис—18 и до Самазлейки—около 74,7 килом. Всего в поселке 45 дворов; из них 6—из Ш. Р., 2—русских, 13—из Верхис, а остальные 24 двора из Самазлейки.

Сверх всякого ожидания русский говор в смешанных селениях не оказывает заметного нивелирующего влияния. С этой целью мною исследованы говоры 3 селений: Шадымо-Рискина (Спасский диалект), с. Н. Самаевки и С. Синдорова Краснослободского диалекта. Можно предположить, что небольшое, по сравнению с общей массой мордвы, количество русских не могло иметь влияния, как и в случае, наблюдаемом в Потравном поселке.

Школы в селениях сильно нивелируют диалекты и говоры в них. Изучение говоров селений разных мест с давней школой, показало, что русский язык, изучаемый в школах, является как бы катком, под влиянием которого сравниваются диалектические неровности. С целью выявления влияния школы на нивелировку диалектов мною исследованы говоры нескольких селений из разных диалектов. Но для доказательства, чтобы не осложнять изложения, возьму по одному селу из каждого диалекта: с. Старые Верхисы Инс. д. *), с. Мамолаево Кр. д. и с. Янаево Спасск. д. Во всех этих селениях до революции были, т.н., образцовые МНП одноклассные школы, существовавшие по несколько десятков лет (годы открытия 1874 по 1880 г.). Исследования показывают, что в этих селениях произошел большой сдвиг в сторону фонетической русификации, чувствуется также и русификация лексики. Некоторые звуки мордовского языка имеющие отдаленное сходство с подобными звуками русской речи, переходят в звуки русского лит. языка, особенно это заметно в области вокализма. Например: средне-небно-выдыхательное произношение безударных мордовских не полного образования: И', У', Э', О', А' приняло произношение плавное И, У, Э, О, А; например: «и'нголе» (впереди), у'rnай (ворчит), э'ryke (озеро), o'rta (ворота), a'tym (гром), произносятся: инголе, урнай, эрьке, орта, атэм и т. п. Они полно-

*) Сокращенные названия диалектов: Инс. д., И. д.—Инсарский диалект Кр. д., К. д.—Краснослободский и Сп. д., С. д.—Спасский диалект.

стью удерживаются в окончаниях, особенно а и э, например: „Кодама, ломань“ (Какой человек), „Лофца^а ка^ндан“ (Молоко несу). Общемордовское средне-небное „й“, совсем не имеющееся в русском языке, постепенно переходит в определенные звуки русского, имеющих образование в полости рта соответствующей этому звуку. Новые звуки получаются опять-таки соответственно приближению данного диалекта к русскому языку.

Звук этот с тройным оттенком: кроме основного элемента Й, в нем имеются: во-первых, отзвуки Н и, во-вторых, отзвук К, получающийся с переходом звуков в полость носа при опускании мягкого неба. Он слышится в Эр. н. в современных окончаниях—„НК“, наприм.: „тыйнк“ и „тыйнкъ“ (ваш, в Сп. д. мокш. наречия также в притяж. местоимениях: „мойнъ“ первоначально, а теперь—монынъ(мой). Во всех глаголах, в форме 3-го лица множествен. числа, настоящего времени, из'явит. наклонения, дейст. формы, дейст. залога; напр.: первоначальное: „мо^дийтъ“ (идут) дает в первую очередь „молихть“, потом „молихть“ последнее и теперь удерживается в Кр. и Сп. д. Потом „молишть“ в некоторых говорах Красн. д. и Чембарском говоре в селениях с долголетним влиянием школы и, наконец: „молищть“ на юге Инсарского диалекта. В конечном счете получаются звуки, сходственные с соответствующими звуками русского языка.

Наблюдается нивелировка и в области консонатизма. Мягкие шипящие ШЬ, ЧЬ, ЖЬ находятся в процессе перехода в твердые, как и в русском языке, а в некоторых говорах переход—уже совершившийся факт.

Русские слова и вообще иноязычные слова, входящие в мордовскую лексику, трансформируются почти всегда по общим правилам мордовского языка. Придаются им окончания мордовского языка и соответственно этому изменяются, как, например, слова: книга, лист, страница, цифра, задача, вопрос, правда, и т. п. Но некоторые слова, вошедшие до школы трансформируются по другому, например: **вовсе**; в Сп. д. произносится „офси“, „овси“; в Кр. д. „восю“, „офсе“, а в Ин. д. „ёфси“, „вофси“; **туча**, в К. и С. д. „туця“ И. д. „туче“.

Нивелирующее действие диалектов между собой также заметно среди служащих из мордвы в одном учреждении, или одном городе. Встречаясь на общественной работе каждый вносит нечто из своего диалекта в общую сокровищницу языка и сам воспринимает что-либо от других, таким образом, получается нивелировка, как бы взаимная уступка в сторону общего диалекта. Так создается нечто новое, такой говор, который во многом удовлетворяет все диалекты, без секуляризации особенностей каждого диалекта. Такой процесс мне пришлось наблюдать в г. Пензе среди работников из мокши в последние три года, но этот процесс нивелирования, как первая стадия образования единства говоров и диалектов, можно было наблюдать среди мокши и в прошлом, это показывает теперь внимательное изучение б. волостных и уездных делений. Таким же образом, как мне кажется, создавались и диалекты, конечно, в своих грубых чертах, а детализировались и отшлифовывались уже среди всего населения коллективно.

Изучение терминологии труда, орудий и инструментов приводит к заключению, что немалую роль в нивелировке говоров и диалектов играл и играет труд, в его многообразном проявлении.

Разделенные сравнительно большими промежутками говоры и диалекты в словаре трудовом, в коренных мордовских словах почти

ничем не отличаются. И это касается как орудий и продукта женского труда, так и мужского. Исключения представляют слова заимствованные, вошедшие в мордовский лексикон из русского в конце последнего столетия, а некоторые и раньше.

Отличительные признаки диалектов.

Мордовский язык имеет два наречия: эрзянское и мокшанское. Первое можно назвать полногласным, с некоторой аналогией к русским окающим говором. Второе — неполногласным, аналогично оно ближе к фонетике литературного русского языка (но не правописания). Каждое наречие в диалектах и говорах имеет расхождение в ту или иную сторону.

В Мокшанском наречии большую полногласность удерживает Спасский диалект, но не так полно, как эрзянское наречие, и с уклоном к „яканью“, на подобие таких же русских говоров. Краснослободский диалект, представляющий нечто среднее между Сп. д. и Инс., с некоторыми оговорками можно назвать „экающим“ с переходом к фонетическому сокращению и, наконец, Инс. д. — „акающим“. В этом диалекте безударные гласные среди слова почти сокращаются, доходя иногда до нулевого значения. Но все сокращаемые звуки оставляют свое влияние на впереди их стоящий согласный звук: твердые гласные придают ему твердость, а мягкие гласные — мягкость. Например: в Сп. д. „содаса“ (знаю), в Кр. д. — сод'са, в Ин. д. — „соцца“, „веле“ (деревня, село), „вель'са“ (в деревне).

В общем же все диалекты мокши стремятся к сокращению безударных гласных, где бы они ни стояли: в начале слова, середине или на конце, безразлично. В этом процессе наблюдаются как общие для всех диалектов правила, в виде образования аффрикатов в консонантизме, и приведения в нулевое значение или в краткие безударных гласных в вокализме, так и частные, присущие определенному диалекту, обосновываемые фонетическими особенностями данного диалекта.

Сокращение идет не только в области фонетики, но простирается и на морфологию и на лексику. В морфологическом разрезе происходят сокращения повторяющихся суффиксов в сложных словах. Мордовский язык требует иногда повторения суффиксов определенного значения и перед другими частями сложного слова, вот эти-то повторения и сокращаются. Например, возьмем форму прошедшего времени желательной формы от изъявительного наклонения в действительном залоге: „молелексолень“, произносится „молексолень“ — (я хотел было идти).

Некоторые формы глаголов имеют параллели. Они образованы тоже как бы для сокращения. Например: основная форма отрицательного спряжения условного наклонения действительного залога: отрицание + глагол + суффикс условности и + окончание = „аф раманьдерян“ (если я не куплю), параллельная форма „рамафтерян“, составлено из: глагола + сокращенное отрицание + суффикс условности и + окончание. Выпало АНЬ. Но этим не исчерпываются морфологические сокращения, они имеются почти во всех частях речи, особенно же богаты ими глагольные формы.

Лексические сокращения производятся по двум принципам: или само слово сокращается или сочетание слов. Для иллюстрации первого положения приведем случай сокращения указательных местоимений: „се“ (тот), „те“ (этот). В Сп. д. они произносятся: „сиця“,

„титя“ и „сице“, „тите“; в Кр. д.: „сыце“, „тыте“; в Ин. д.: „се“. „те“, это же в Кр. д.: „ся“, „тя“. Для второго положения выражение: „вот как“ в Сп. д. передается: „вов(о) кода“, Кр. д. „вага‘кода“ в Ин. д.: „ва кода“ и „ва·кда“.

Фонетические особенности диалектов*)

Фонетические особенности выявляют историю диалектов. Выше было указано, что Сп. д. является более сохранившим фонетические особенности, с него и будем начинать последующие сравнения. Являясь как бы „якающим“, Сп. диалект в середине слов и в окончаниях „Э“ других диалектов передает как Я: „меште“ (грудь) „мяштя“. „сельме“ (глаз), „сельмя“ и т. п. Окончание „НЬ“ других наречий передается как „НЬНЬ и ЙНЬ“ напр.: „монынь и мойнь“ (мой, у меня), „тонынь“, „тойнь“ (твой, у тебя), „сонынь“, „сойнь“ (его, у него), а в других д.: „моны“ „тоны“ „соны“. Полное окончание относительных прилагательных „нъне“ Сп. д. сохраняет по аналогии окончание „нънь“, а в других диалектах сокращается в „нъ“. Возьмем слово „деревянный“, полное оконч. шуфтоньне, по Сп. д. шуфтоньнь, а в других— шуфтонь. Числительное „один“ в Ин. и Кр. д. „фке“, Сп. д. для полногласия произносит: „ифке“, аналогично: „Иван“, произносится „Юван“ и т. п. Спасский диалект окончание на ЙТЬ, старомордовское, произносит ХТЬ, с твердым оттенком, Краснослободский ХЬТЬ, а в Инсарском диалекте это уже переходит в ШТЬ и ЩТЬ. Хотя в этом есть большие отклонения, например: северная часть Инсарского диалекта произносит подобно Краснослободскому произношению— ХЬТЬ, а также южная часть Темниковского говора (с. Кишалы) как и Инсарский диалект—ШТЬ и ЩТЬ. Не мало разнообразия в произношении гласных; е, э, а. В Спасском диалекте после согласных эти звуки произносятся как йотированные, например: „пяк“ (очень), в Краснослободском „пъэк“, а в Инсарском „пекъ“. Таким образом, мягкость конечной согласной как бы переносится в центр слова, так сказать суммируется. Беззвучное задненебное выдохание, заменяющее в Инсарском диалекте звуки О, И, У, Ф, в Спасском диалекте имеет тенденцию воплощения в звук, т.-е. удерживается старая форма, например: „шумордамс“ (кончить) С. д., в И. произносится; „шмрдамс“ в значении „выжать“ воду из чего-нибудь.

Оригинален переход Ф (образуемого от общемордовского Й) в диалектах, например: слово „ЛИЙТЕМС“ в С. д. произносится „ЛИФТЕМС“, К. д. „ЛИХТЕМС“, „ЛИХЬТЕМС“, а в И. д. „ЛИШТЕМС“ и „ЛИЩТЕМС“. В словах, имеющих звуки—твердые К и Р; С. д. предпочитает смягчение этих звуков. Например, значение слова „РЕЗАТЬ“ в С. д. передается „керемс“, а К. и И. д. „керомс“; значение слова „ЛЕВЫЙ“, в С. д. „керъч“, а К. и И. д. „къэржи“.

Не безынтересны колебания в произношении шипящих Ш, Ж. В С. д. они произносятся двояко, или слишком мягко, как (вадовская мокша) и твердо, даже с переходом Ш (общемордовского) в Ж (виндряйская мокша); в первом, например, слово „ШУВАР“ произносится „шувар“, а во втором „шовор“ и „жовар“, в К. д. „шувар“, а в И. „швар“. Не менее разнообразия и в произношении свистящих С и З. В С. д. общемордовское С в произношении часто пере-

*) Отсутствие шрифта для фонетического письма в типографиях г. Саратова заставляет пользоваться обыкновенным шрифтом, который, к сожалению, не может передать звуковых особенностей мордовского языка.

ходит в Ц., например, значение слова „тень“ в С. д. произносится цильф, в И.—сильф, сильди (сверчок) цильди и т. д.

Во всех трех диалектах некоторые звуки в глаголах и их окончаниях звучат различно. О звуках в окончаниях: „хть, хть; шть, щть“ по третьему лицу, их происхождении и месте применения мы говорили. Твердые гласные не первого слога в середине слов Кр. и И. д. в виндряском говоре Сп. д. переходят в мягкие, наприм.: „рамаме“ (купили)—„рамеме“, „калмаме“ (хоронили)—„калмеме“. Причина этого явления в следующем: сингармонизм в Ин. и Кр. д. делает установку на твердый звук и по нему делает произношение последующих звуков, а Сп. д., как якающий,—на мягкие. Смягченное С (сь) в начале слов общемордовское, в Сп. д. произносится за ць, особенно в чебарском говоре, поэтому и получается цокающий говор. Напр.: „сильди“ (сверчок), „сёфкс“ (оловей), „сека“ (кисть), в Сп. д. произносятся „цильди“, „цёфкс“, „цёка“.

Общемордовское окончание в инфинитивах—„мс“ в Сп. д. „мс“—„мос“,—„мокс“ например: „рамамс“ (купить), одинаково во всех диалектах, но „молемс“ (идти) „мольмос“, „ваномс“ (смотреть) „ванмос“ и „ванмокс“.

Морфологические различия диалектов.

Самым существенным морфологическим различием диалектов мокши приходится считать применение разных окончаний в образовании склоняемых слов с притяжательными частицами. Возьмем для примера русское выражение „НАШ ТОВАРИЩ“. В Сп. д. передается так: ялганесъкь,—неськь (я),—неке (я),—некъ;

в Кр. д.—ялганеке, ялганьцьке,
в Ин. д.—ялганьке,—неке.

Выражение „ВАШ ТОВАРИЩ“ передается так:

в Сп. д. ялганьность,—нъдость,—нъстье (я);
в Кр. д. ялганьте (я),—нцте;
в Ин. д. ялганьtte.

Подобные же различия бывают и в передаче выражений: „наши товарищи“, „ваши товарищи“, а также и в спряжении этих форм.

Дательный падеж определенного склонения мокшинского наречия ТИ, „авати“ (женщине), „алети“ (мужчине). Но в некоторых говорах Сп. д. в притяжательных формах по первому лицу принимает НЬДИ, напр. в Ин. и Кр. д.; „брадозъти“, сестразъти“—(моему брату, моей сестре) принимает форму „брадозеньди“, „сестразеньди“ (с. Вадовы-Селищи на Ваде). Окончание множ. числа глаголов настоящего времени в Сп. д.—ХТЬ, Кр.—ХЬТЬ, в Ин. д. ШТЬ, ЩТЬ; например: „удыхть“,—ХЬТЬ,—ІШТЬ—ЩТЬ—спят. Так как причастия действительного залога настоящего времени образуются из этой формы, то и здесь удерживается это различие.

В об'ектном спряжении в прошедшем времени при передаче влияния 1 л. на 3 л. в Сп. д. окончание „ИЕ—ИЕ—ЫЕ“, а в остальных диалектах—ИНЕ,—ЫНЕ; наприм.: „МОРАЙЕ“, „МОРАЙНЕ“ (я его (их) воспел); „ВЯТИЕ“, „ВЕТИНЕ“—(я его (их) привел); „кандые“, „кандыне“—(я его (их) принес).

Отрицание при формах прошедшего времени в Сп. д.

„ИЗИНЬ“ ЭЗЕНЬ“ „АШОНЬ“ |
„ИЗИИЕ“ Кр. и Ин. д. „ЭЗИНЕ“ „АШИНЕ“ |—рама (не купил).

В личные окончания об'ектного спряжения вносятся личные окончания форм спряжения с притяжательными частицами, поэтому там также разнообразны окончания, как и в склонении.

Различия морфологические по существу являются последствиями сингармонизма того или иного диалекта, обусловливаемого, кроме того, еще мягким или твердым произношением гласных. Сп. д. имеет своеобразную форму образования от сокращенной формы дательного падежа личных местоимений. Например: по 1 л. полная форма дательного падежа: „моңдайне“ (мне), сокращенная -тейне; от последнего образуется форма-- „тейзон“ (ко мне), т. е. на то место, где я стою, живу или вообще, где нахожусь: „тейзот“ (к ТЕБЕ), в том же значении. Чаще всего такие образования применяются в Чембальском говоре.

Лексические различия.

Лексические особенности диалектов мокши происходят от более частых или реже употребляемых слов в том или ином диалекте, а иногда и перемены содержания. Проследим употребление нескольких слов.

В С. д. „АРУ“—значит - „ЧИСТЫЙ“, а Кр. д. и Ин.—это слово употребляется только вместо русского выражения: „СЫТА МЕДОВАЯ“ И напротив „ТАЗА“ в И. д. ЧИСТЫЙ в К. д. с двойным значением: и как чистый и в значении „ЗДОРОВЫЙ“, например: таза ведь (чистая вода), таза ломань (здоровый человек), а в С. д. только в последнем значении. В С. д. УЙФТЕМС (начинать) в К. д. и И.—в значении „ЗАСТАВИТЬ ПЛЫТЬ“.

В некоторых селениях С. д. ТОРДЙ (говорит), а в И. д. преимущественно в значении ГРЕМИТ, например: „атямсь торайд“ (гром гремит). В К. д. употребляется в обоих значениях. С. д. указательное местоимение „ВОВ“, в К. д. „вага“, а в И.—„ва“ (вот). В С. д. это же в некоторых селениях (по р. Вад) произносится „ВОВА“, „ВОГА“, а И. д. в сокращении доходит до полного слияния с другими словами особенно с местоимениями, например: в С. д. „вов (вога) кона“, в К. д. „вага кона“, в И. д. (с. Адашево) вместо общего: „ва кона“ произносят: „ва-кна“ (вот этот).

В С. д. русское слово „ДИТЯ“ передается - „тётьмак“, в К. д. и И. это слово передает понятие—„тупой, глупый“, а в других случаях, в произношении „тутмок“—кусок мяса.

„КАВАНЯМС“ (угостить) С. д.-в некоторых говорах И. д. и Кр. переходит в содержание „ПОБИТЬ“. Не мало таких слов, которые заимствованы из других языков для обозначения определенных понятий. Например русское слово „ГОСТЬ“—в большинстве селений С. д. произносится также „ГОСТЬ“, в Инсарском—„КОНАК“ (от татарского—кунак), в Красносльбодском диалекте мордовское „инжи“ (буквально—„ине-чи“—наилучший или особенный день).

Русские слова ТЕЛЕГА, КОЛЕСА в С. д. (вадовская мокша) почти также и произносятся и придается им такое содержание, а в К. и И. д. телега—„крандас“, колесо—„шары“. Название частей колеса обод, ступица, спицы одинаковы во всех говорах, за редкими исключениями.

Вообще заметно, что Сп. д. особенно вадовс. м. в лексике имеет больше русских слов, чем К. И. д. Возьмем еще несколько слов. Русское слово „другой“, в Сп. д.—„лия“. Ин. и Кр.—„иле“, „иля“. „Бить“, в Сп. д. „шавомс“ И. и К. „шавомс“—убить, а бить—пиксомс.

„ПОВЕСИТЬ картину“ в Сп. д. „пондамс“ картиналь“, И. и К. повфтамс, а пондамс—повесить—умертвить.

„ДОГНАТЬ“ в И. д. САМС, Кр. и Сп. —САТОМС.

Слово-частица для образования передачи содержания предлож. падежа, в Сп. д. „КОЛГА“, „КОВОЛГА“, Кр. д. „КУВАЛМА“ а Ин. д. „кувалма“ и „ланга“.

Слово „ВМЕСТЕ“ в Сп. д. „маром“, Ин. и К. д. „марса“.

Разнообразное применение одинаковых корней с разным содержанием; —вот главное лексическое различие диалектов. Само собой разумеется, есть и разные выражения для одинаковых понятий. Для примера можно привести название—ручейка, обще-мордовское название „ШУДЕРЬКС“. В мордовской среде принято это понятие передавать по ближайшей речке; напр.: в Кр. д. живущие около речки Рябка,—ручеек называют „рябцяне“, в Ин. д., у живущих около реки Иссы, носит название „исане“ и т. т.

Наконец, несколько слов о Городищенском диалекте. Этот диалект имеет очень много общего с эрзянским наречием, а поэтому его изучение связано с исследованием наречия эрзи и только при помощи последнего можно его понять. В отношении образования этого диалекта возможны два предположения.

Одно, что этот диалект мокши создавался под влиянием эрзянского наречия и нивелировался; так можно думать, исследуя морфологию этого диалекта. Но особенности фонетики и лексики не укладываются в это предположение. Для определения этого явления мною исследован диалект эрзи, находящийся в мокшанском окружении, это два села—Дракино и Кажлотка, населенные эрзей в б. Беднодемьянском уезде. Работа показала два различных явления в области языка: названные селения и в фонетике и морфологии подпали сильному влиянию мокшанского наречия. В Гор. д. обратное явление, там мокша подпала под нивелирующее влияние эрзянского наречия. Возможно, что оба эти явления об'ясняются предпосылкой: кого больше, наречие и диалект того населения и влияет на меньшинство.

После работы профессора П. С. Рыкова и его докладов о раскопках в Армееевском могильнике, встает и другой вопрос: возможно, что Гор. д. мокши и диалект окр. эрзянского населения имеют одну общую основу, а расхождения произошли впоследствии под влиянием какого-нибудь фактора.

Заставляют задумываться и острова диалектов, находящихся в окружении несходимым диалектом, но это, очевидно, об'ясняется переселением. Например: говор с. Шадымо-Рискина относится к Сп. д., говор с. с. Шайгово, Черизморго Инс. д. имеет очень много сходства с Краснослободским диалектом, говор с. Кишалы, Темниковского района, во многом напоминает говор с. с. Старых и Новых Верхис, Инсарского диалекта; есть много и других примеров, которые, очевидно, можно будет понять с привлечением исторических документов.

Изучение диалектов мокши, а также и эрзи в данное время, кроме чисто научного интереса, выдвигается жизнью. С'ездом мордовских работников осенью 1928 г. поднят вопрос об едином мордовском литературном языке для обоих наречий. Это изучение даст возможность осветить вопрос теоретически и, если окажется возможным, провести это дело в жизнь, наметить пути возможно лучшего подхода для осуществления мысли об едином литературном языке.

И. Черапкин.

Районы распространения и численность Саратовской мордовы.*)

Материалы для этнографической карты.**)

Целью настоящей работы является, как видно из заглавия, установление районов распространения мордовского населения в б. Саратовской губернии. Ввиду того, что литературные данные, использованные в работе, были взяты исключительно из различных статистических сборников, вторая часть работы посвящена сводке этих данных. Сводка эта показывает, насколько одновременные данные различных авторов неодинаковы. Не располагая большим статистическим опытом, мы эти данные берем лишь в виде итогов.

Из материалов нами были привлечены следующие: „Приходские списки“ Кеппена, относящиеся к 1858 г.¹⁾; данные по X ревизии 1858 г. и данные за 1882-3-4-5-6 и 1894 гг. Те и другие сведения напечатаны в „Сборниках статистических сведений“ изд. Саратовского губернского земства за те же годы. „Списки населенных мест по сведениям 1859 г.“ изд. Центр. Статист. комитета под редакцией А. Артемьева. „Вероисповедные списки“, из переписи 1897 г.²⁾ и данные из „Списков населенных мест Саратовск. губ.“ изд. Саратовск. губернск. земства на 1911 год.

Таким образом, для каждого населенного пункта приходится 6-7 сведений, что же касается общего количества мордовы, то таких сведений набирается до двенадцати.

Использованный материал с одной стороны позволил с большей точностью (путем самопроверки) определить территорию, занятую мордвой, а с другой стороны дал возможность установить более точно численность мордовы на вторую половину XIX ст. Кроме того в результате самопроверки оказалось, что не все материалы удовлетворительны.³⁾

*) Термин „Саратовская мордва“ взят нами по аналогии с „Шокшинской“ или „Темниковской мордвой“. Некоторые отличия в области материальной культуры позволяют обособлять Саратовскую мордову в особую группу.

**) Доклад, читанный в заседании Исторической секции Н.-Волжск. Научн. О-ва Краеведения, в 1926 г.

¹⁾ В работе использованы списки со „Списков“, хранящиеся в Этнографическом отд. Н.-Вол. Краевого музея.

²⁾ Списки со „списков“ хранятся в Этнограф. отд. Н.-Вол. краевого музея.

³⁾ По данным Кеппена на 1858 ч. всего мордовы в Саратовск. губ.—80940 чел., по X ревиз. 1858 г.—98620 чел., у Чекалина на тот же год—94000 чел., у Артемьева на 1859 г.—99063 чел., по переписям 1882-3-4-5-6 г.г.—151342 чел., у пр. Любомирова по тот же год—123900 чел., по переписи 1911 г.—184712 чел., у Маркелова на 1922 г.—ок. 250000 чел., по „Сборн. стат. свед.“ на 1923 г.—148990 чел., по „Сборн. стат. свед.“ на 1924 г.—148990 чел., по Золотарева на 1925 г.—150925 чел., по „Сборн. стат. свед.“ на 1926 г.—162260 чел.

Путем сопоставления различных данных удалось установить, что часть населенных пунктов неправильно указывалась как мордовские, а другая часть—чисто мордовских пунктов—указывалась как населенная другими национальностями. К числу вторых должны быть отнесены, в Петровском у.¹⁾ упоминаемые Артемьевым Ст. и Нов. Чиндясы, Тарасовка, Ст. Лопатка; у Кеппена—Новокрещено (Нов. Чардым); по Х ревиз.—Ново-Назимкино, Китункино; по переписи 1884 г. Ново-Назимкино, Китункино; по переписи 1894 года—Нов. Бегуч, Новокрещено (Нов. Чардым); по переписи 1911 г.—Нов. Бегуч, Новокрещено (Нов. Чардым), Ст. Лопатка. В число мордовских сел неправильно включены у Артемьева—Рязановка, Ст. Карлыган.

По Хвалынскому (ныне части Кузнецкого и Вольского у.у.) мы имеем налицо те же факты: Артемьев Кочетовку²⁾ относит к числу не мордовских селений. О Лопаевке сведения делятся, и в настоящее время очень трудно определить действительную этническую физиономию селения. К числу ошибочно зачисленных в группу мордовских селений надо отнести д. Михайловку, о которой только сведения от 1911 г. говорят, как о мордовской. С. Калмантай надо иметь в виду, т. к. в нем имеется известный % мордовского населения, хотя Артемьев об этом не говорит. В Морд. Шемалаке Кеппеном неправильно указаны чуваши. Чуваши являются жителями д. Белый Ключ, которая смежна с Мордовским Шемалаком. По Кузнецкому у. с такими же неточностями мы встречаемся реже. Артемьев Новокрещено и Бол. Чирклей относит к мордовским селениям, тогда как другие авторы говорят, что в первом живут русские, а во втором—татары. Кеппен говорит, что в Мордовском Камешкире живут великороссы, но мы думаем, что здесь просто описка.

Особенно пестры сведения об уездах Балашовском, Вольском и Саратовском, где мордовские селения почти единичны и сильно russифицированы. В Балашовском у. Каппен не считает мордовскими Морд. Карай и Мал. Грязнуху; Артемьев—Мачи и Мал. Грязнуху; Х ревиз. и переп. 1886 г.—Лопатино, а перепись 1911 г.—Бол. Мелик.

По Вольскому у. к числу мордовских отнесены Артемьевым и переписью 1897 г. Садовка, тогда как другие сведения говорят о данном селении, как о великорусском³⁾. К числу мордовских же селений отнесена д. Каменка переписями 1911 и 1897 г., тогда как другие говорят о великорусском населении данного пункта. Перепись 1911 г. считает не мордовским с. Осановку, тогда как все другие считают жителей с. Осановки мордвой.

В Саратовском у. Артемьев к числу мордовских селений относит д. Растановку-Натальино, которую в других сведениях отыскать совершенно не удается.

¹⁾ По чисто техническим условиям употребляем старое административное деление губерний до образования Ниж.-Волжск. края.

²⁾ Как Кочетовка, так и Лопаевка к настоящему времени потеряли национально-мордовские черты. В них не удается встретить лиц, говорящих по-мордовски. В этом отношении особенно интересными являются данные Артемьева, уже в 1859 г. относящего селения к группе не мордовских.

³⁾ В материалах этнограф. экспед. проф. В. В. Буш имеются сведения о том, что в данном селении имеется „Мордовский конец“.

Деревня же Пилюгино—Сыреево ныне считается мордовской¹⁾. Перепись 1911 г. Пилюгино, Оркино и Косолаповку—Яругу считают великорусскими.

Из приведенных выше материалов мы видим, как пестры и неправильны иногда сведения разных авторов.

Путем сравнения всех данных, вынесенных на таблицы, нам удалось выяснить, что селения: Каменка и, повидимому, Садовка, Вольского у., Растановка—Саратовского у.; Ново-Крещено и Бол. Чирклеи—Кузнецкого у., Лопаевка и Михайловка—Хвалынского (первая теперь Кузнецкого, а вторая—Вольского), Рязановка и Белая Гора—Петровского у.—не должны быть включены в список мордовских селений и что при предстоящих переписях на них, со стороны этнического состава населения, необходимо обратить особое внимание. Относительно Пилюгино (Сыреево) по имеющимся данным трудно сказать что-либо решающее. Решить окончательно вопрос о национальном составе его жителей также можно будет только после обследования.

К числу мордовских селений с чистым составом мордовского населения должны быть отнесены следующие²⁾: в Петровском у.—Н. Демкино, Н. Назимкино, Ст. Славкино, Ст. Демкино, Ст. Захаркино, Ст. Назимкино, Усть-Уза-Мурза, Ст. и Нов. Чиндясы, Морд. Норка, Рождественское (Дубровка), Каржиман, Мачкасы, Азрапино, Нов. Бегуч, Ст. Савкино, Нов. Дубровка (Нов. Лопатка), Китункино, Ст. Бегучи, Баклушки, Пылково, Чумаево, Нов. Чардым (Новокрещено), Каргалейка, Н. Захаркино, хут. Маяк, х. Ново-савкинский выселок, Н. Карлыган, х. Колки, х. Куст, Тарасовка.

В Хвалынском: Н. Яблонка, Ново-яблонка (Бирюковка), Морд. Карагужа, Телятниково, Барановка, Собакино, Давыдовка, Баевка, Губашево, Никитино, Голодяевка, Самодуровка, Болдасьево, Морд. Шемалак, Растановка, Холстовка, Найман, Илюшкино, Алексеевка, Н. Пичеуры (Липлейка), хут. Илюшин, х. Шалкинский, х. Вер. Лебежайский, х. Ниж. Лебежайский, х. Березовский, поселок № 1.

В Кузнецком у.: Морд. Камешкир, Нов. Шаткино, Алексеевка, Мамадыш, Кулансово, Сучкино, Ст. Яксарка, Нов. Яксарка, Вер. Дубровка, Ниж. Дубровка, Нов. Мачим, Ст. Мачим, Арапино, Наскафтым, Пиксанкино, Армиево, Морд. Канадей, Мал. Чирклей, Донгузлей.

В Вольском у.: Осановка, Ст. Сарайкино, Нов. Сарайкино (Ризайкино).

В Саратовском у.: Сухой Карабулак, Косолаповка—Яруга.

Судить о том, как в данных пунктах сохранились черты Мордовской национальности, по статистическим данным невозможно. Несомненно, что огромное количество селений из тех, что перечислены, сильно обрусили, но все-таки в данной группе селений мы имеем основной массой населения морду, владеющую хорошо мордовским языком и имеющую еще достаточно ярко выраженные национальные черты в бытовой обстановке. О том, что это именно так, говорят материалы Этнограф. Отд. Н.-Волжского Краевого Музея, как вещественные, так и рукописные. Интересующихся отсылаем к работам Маркелова М. Т. и работам автора по другим вопросам.

¹⁾ Минх—(„Моления и верования мордвы Сарат. губ.”) приводит некоторые мордовские обряды, которые совершаются жителями этого селения.

²⁾ Даем полный список с разделением на уезды по старому делению губерний.

К числу селений со смешанным населением должны быть отнесены следующие: в Петровском у.—Наумкино, Синенькие, Камаевка, Ст. Лопатка.

В Хвалынском у.—Демкино, Ст. Яблонка, Еремкино, Чув. Кулатка, Славкино, Кочетовка, Ст. Пичеуры, Шалкино, Калмантай.

В Кузнецком у.—Ниж. Елюзань.

В Балашовском у.—Морд. Карай, Бол. Мелик, Козловка, Репное, Мачи, Мал. Грязнуха, Лопатино, хут. Морд. Каая (Ежовка).

В Саратовском у.—Оркино.

У нас, таким образом, образовались три группы селений, которые при статистических обследованиях требуют к себе различного внимания. Первые должны быть обследованы более тщательно для определения сохранности этнических черт; вторую группу необходимо обследовать со стороны степени обрусения, а в третьей группе необходимо точно выяснить процент иноплеменного населения, помимо мордвы.

Территориально большинство перечисленных выше селений расположены в северной части б. Саратовской губернии, как раз в той полосе, где проходит граница лесостепи. Такое расположение мордовских селений совершенно естественно и понятно, если иметь в виду образ жизни данного племени в далеком прошлом, а также и во времена, более близкие к нам (XVII-XVIII в.в.).

Занятия различными лесными промыслами в последнее время, охота и пчеловодство, как промыслы, во времена более отдаленные—вот те причины, которые заставляли морду оседать в местностях, богатых лесными угодиями. Север нашей губернии как раз соответствовал всем требованиям жизни лесного племени—мордвы, изобилуя лесными массивами и густой сетью водных путей.

Не являются большим исключением по своему местоположению и селения Балашовского у. Эти места, по течению р.р. Хопра и Каая, ко времени переселения сюда мордвы изобиловали лесными угодиями.

Селения Саратовского и Вольского уездов и сейчас расположены в лесистой местности.

Других причин, заставивших морду оседать именно в этих местах, мы касаться не будем; не будем здесь говорить и о времени заселения края мордвой¹⁾.

Если мы посмотрим на прилагаемую карту распространения селений с мордовским населением, то увидим, что селения эти группируются в несколько довольно больших мордовских районов. К таким крупным мордовским районам должны быть отнесены: район в верховьях р. Кеслей Кадады в теперешнем Кузнецком округе Ср.-Вол. обл. (бывш. Барановская и Ст.-Пичеурская вол., Хвалынск. у.); район по р. Калдаису в юго-западном углу Кузнецкого у. (бывш. Шемышейская, Наскафтымская и Ниж.-Дубровская волости); район по нижнему и среднему течению р. Узы в Петровском у. (бывш. Ст.-Захаркинская, Мачкасская и Пылковская волости).

Последние два района могут быть об'единены в один более обширный, об'единяющим стержнем которого будет р. Уза.

¹⁾ А. А. Гераклитов. Саратовская мордва. Изв. Исслед. Ин-та по изуч. Ю.-В. Обл. т. 1. 1926 г.

Другие группы мордовских селений не создают сколько-нибудь значительных районов. Отметим только, что стремление мордвы селиться группами селений заметно и в этих незначительных районах.

Вопрос о племенном составе Саратовской мордовы в настоящее время окончательно решить невозможно в виду того, что по имеющимся материалам трудно разделить всю массу мордвы на Мокшу и Эрзю. Главный документ, необходимый для решения этого вопроса — язык мордвы — до сего времени не может быть использован, т. к. совершенно не исследован.

Будем надеяться, что открытое при Педфаке Сарат. Госуд. У-та мордовское лингвистическое отделение займется решением этого вопроса и мы в ближайшее же время будем иметь необходимые данные по вопросу о племенном составе Саратовской мордовы.

В настоящее время, пользуясь некоторыми опубликованными данными¹⁾, можно перечислить селения, жители которых относятся к Мокшанской группе.

В Петровском у.—Китункино и Чиндясы.

В Хвалынском у.—Морд. Шемалак. Шалкино, Илюшкино, Ст. Лебежайка, Еремкино, Н. Яблонка, Ст. Яблонка, Нов. Яблонка, Демкино, Телятниково (совместно Мокша и Эрзя).

В Кузнецком у.—Сучкино, Ст. Яксарка, Морд. Камешкир, Нов. Шаткино, Пиксанкино, Наскафтым (совместно Мокша и Эрзя).

Количественно Мокша по всем перечисленным пунктам, по переписи 1911 г.²⁾ определяется цифрой около 32400 чел. обоего пола, что составляет приблизительно 17,44% общего количества мордвы в нашем крае на тот же год. Остальная часть, т. е. 82,56% приходится на долю мордвы Эрзя.

Переходя теперь к характеристике цифрового материала, должны отметить полную несогласованность статистиков и целый ряд неточностей, которые вкрались в цифровые данные, не говоря уже о том, что многие цифры сопровождаются не удовлетворяющим исследователя примечанием: „мордва и великороссы, показанные вместе“. Устранение последнего дефекта возможно и необходимо. Переписи 1883,-4-5-6 и 1894 г. дали раздельные цифры по разным национальностям и по каждому населенному пункту, на основании которых можно определить проц. соотношение национального состава и по другим сведениям.

Говоря о несогласованности статистических сведений, мы имеем в виду то, о чем говорили немного в начале работы, т.-е. что разные авторы по-разному говорят о племенном составе населения одного и того же пункта. Благодаря такому положению дела трудно говорить о точности итогов: у одного автора мордвы будет больше, потому что он мордовскими считает большее количество селений, а у другого — меньше, потому что он часть мордовских селений относит к не мордовским. Напр.: Артемьев дает нам неточное количество мордвы в Саратовской губернии, т. к. он не включил в список мордовских селений несколько мордовских сел и включил туда несколько сел не мордовских.

1) Этнографическая карта Хвалынского у., составленная кн. Голицыным. Сборник стат. сведений по Сарат. губ. за 1894 г. (Петровский у.), Ф. Ф Чекалин—„Племенной состав и история населения. Кузнец. у.“ Сарат. сборн. 1882 г. т. 11.

2) В данных переписи селения упоминаются как просто: „Мордовские“.

Других подобных примеров приводить не будем, чтобы не загромождать работу.

Говоря о неточностях в цифровых данных, мы имеем в виду, главным образом, данные X ревизии в том виде, как они опубликованы в „Сборниках статист. сведен по Сарат. губ“. Дело в том, что цифры в графе „количество дворов“ на наш взгляд преуменьшены. На такой вывод наталкивают с одной стороны данные Артемьева на 1859 год, т. е., данные, только на один год позднейшие и по нашему мнению более близкие действительности, и с другой стороны несоответствие количества душ на 1 двор по данным X ревиз. и по данным Артемьева. За один год число душ на один двор не могло уменьшиться с 10, 31 до 7,52 по Хвалынскому у. или с 11,19 до 7,91 по Петровскому у. и т. д. Цифры Артемьева более соответствуют действительности, т. к. они мало разнятся с данными позднейших переписей: на 1884 г. по Петровскому у. на 1 двор приходится 6,32, на 1885 г. по Хвалынскому у.—6,78 и т. д. Нам также, как и автору „Сбор. статист. свед.“ по Сар. губ. (за 1891 г. X стр. 191) неизвестно, что во время X ревизии подразумевалось под „дворами“, но огромное расхождение данных с ближайшими последующими данными заставляет критически отнести к данным графы „число дворов“ по X рев. и исключить эти данные, как непригодные для сравнения.

Пользуясь столь слабыми сравнительно материалами, мы все-таки попытались сделать несколько сводок и путем сопоставления различных данных попытаемся выяснить действительное количество мордвы в нашем крае.

Должны однако оговориться заранее в том, что наши цифры также далеки, может быть, от истины, т. к. мы не имеем никаких данных для расшифровки примечания „мордва, великороссы показаны вместе“. Такие пункты включены нами со стороны цифрового материала в число мордовских. В тех же случаях, когда какой-либо один автор давал разные цифры по разным народностям одного пункта, то мы производили вычисления и для данных других авторов, руководствуясь процентным соотношением известных цифр. Например: в Назукино, Хвалынского уезда в 1884 г. было 26,23 процента великоруссов—тот же процент великоруссов мы считаем и в 1858—59 годах. Делая такой расчет мы, конечно, не достигаем абсолютной точности, но некоторые приближения к точным цифрам делаем. Судя по приведенному примеру нельзя брать цифр 1858—59 годов без изменения, так как они не указывают на существование в данном населенном пункте великоруссов, которые жили здесь несомненно и по неизвестным причинам не показаны.

Прилагаемые ниже таблицы дают соотношения цифр по разным уездам и разным источникам, а также в общем итоге показывают разницу наших цифр и цифр, использованных авторами. В начале работы нами помещены те сведения, какие фигурируют в настоящее время в литературе, и они-то, благодаря своей пестроте, заставляют вновь подчеркивать необходимость тщательного статистического и этнографического обследования мордвы.

П. Степанов.

Сводная таблица

числа мордовского населения по Кузнецкому (Кузнецкому округу
Средн.-Волж. области) уезду по различным источникам.

Наименование селений.		Наименование источников.						Примечание.
		Кеппен 1858 г.	Хревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1886 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Морд. Камешкир	д.	—	96	147	211	—	288	
	м.	—	442	470	577	—	930	
	ж.	—	459	470	555	—	910	
	вс.	677	901	940	1132	1443	1840	
Ст. Шаткино. (Никольское).	д.	—	123	192	300	—	440	
	м.	—	560	725	838	—	1300	
	ж.	—	544	814	912	—	1372	
	вс.	1010	1104	1539	1750	2016	2672	
Алексеевка.	д.	—	76	79	144	—	175	
	м.	—	347	360	534	—	636	
	ж.	—	337	386	558	—	659	
	вс.	614	684	746	1092	1246	1295	
Мамадыш. (Манадыш).	д.	—	89	76	182	—	234	
	м.	—	529	530	683	—	860	
	ж.	—	510	532	663	—	888	
	вс.	920	1039	1062	1346	1571	1748	
Кулясово.	д.	—	87	92	169	—	214	
	м.	—	387	367	572	—	734	
	ж.	—	368	376	602	—	754	
	вс.	707	755	743	1174	1571	1488	
Сучкино. (Рождественское).	д.	—	132	149	220	—	315	
	м.	—	574	625	762	—	1153	
	ж.	—	563	601	714	—	1134	
	вс.	1187	1138	1226	1476	1821	2287	
Ст. Яксарка.	д.	—	144	162	240	—	331	
	м.	—	625	677	727	—	1148	
	ж.	—	664	719	757	—	1127	
	вс.	—	1289	1396	1481	1813	2275	
Нов. Яксарка.	д.	—	139	166	232	—	340	
	м.	—	548	610	746	—	1095	
	ж.	—	571	642	765	—	1112	
	вс.	—	1119	1252	1511	1829	2207	
Верх. Дубровка.	д.	—	50	68	102	—	180	
	м.	—	294	292	450	—	686	
	ж.	—	260	291	438	—	610	
	вс.	—	554	583	888	986	1296	

Наименование источников.

Наименование

селений.

Кеппен

1858 г.

Х ревиз.

1858 г.

Дртесьев

1859 г.

Перепись

1886 г.

Перепись

1897 г.

Перепись

1911 г.

Примечание.

Наименование	Наименование источников.					
	Д.	М.	Ж.	Вс.	Д.	М.
Ниж. Дубровка.	Д. — 521	М. — 391	Ж. — 923	Вс. 824	Х ревиз. 1858 г. 76 465 458 971	Дртесьев 1859 г. 109 490 481 1186
Нов. Мачим. (Чимирилэй).	Д. — 895	М. — 391	Ж. — 429	Вс. 897	Кеппен 1858 г. 81 433 429	Перепись 1886 г. 112 468 516 1053
Ст. Мачим. (Козмодемьянск.).	Д. — 708	М. — 372	Ж. — 912	Вс. 771	Х ревиз. 1858 г. 65 399 453 912	Перепись 1897 г. 177 624 597 1221
Драпино.	Д. — 868	М. — 460	Ж. — 438	Вс. 898	Дртесьев 1859 г. 111 478 473 951	Перепись 1886 г. 177 605 588 1193
Наскафтым. (Скафтым, Ни- кольское).	Д. — 1735	М. — 1751	Ж. — 1866	Вс. 1735	Х ревиз. 1858 г. 197 887 864 930	Перепись 1897 г. 328 1123 1105 2228
Пиксанкино. (Никольское).	Д. — 770	М. — 743	Ж. — 840	Вс. 770	Дртесьев 1859 г. 79 377 366 429	Перепись 1886 г. 142 411 488 480
Армиево. (Рождественское).	Д. — 1606	М. — 807	Ж. — 891	Вс. 1593	Х ревиз. 1858 г. 182 782 836	Перепись 1897 г. 225 1040 1013
Мал. Канадей. (Канадей-Мурза, Аргангельское).	Д. — 537	М. — 549	Ж. — 555	Вс. 537	Дртесьев 1859 г. 63 273 283	Перепись 1886 г. 82 355 354 709
Мал. Чиркей. (Белый Ключ).	Д. — 108	М. — 62	Ж. — 111	Вс. 108	Х ревиз. 1858 г. 9 49 78 165	Перепись 1897 г. 123 422 384 588
						28 89 73 806
						162

Наименование селений.		Наименование источников.						Примечание.
		Кеппен 1858 г.	Х ревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1886 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Донгузлей.	д.	—	117	146	265	—	361	
	м.	—	522	525	882	—	1190	
	ж.	—	536	540	870	—	1229	
	вс.	1034	1058	1065	1752	2123	2419	
Ниж. Елюзань.	д.	—	173	199	$\frac{39}{32}$ $\frac{186}{552}$	—	299	1) Числителем показаны татары (69,4%).
	м.	—	438	465	$\frac{115}{92}$ $\frac{526}{98}$	—	963	2) Знаменатель— мордва—12,76%.
	ж.	—	480	592	$\frac{105}{220}$ $\frac{1078}{190}$ ²⁾	—	927	3) Числитель—татары—78,54%.
	вс.	$\frac{619}{273}$ ¹⁾	918	1057	$\frac{1217}{460}$ ³⁾	1890		
Новокрещено. (на Суре).	д.	—	97	85	133	—	139	
	м.	—	298	298	327	—	379	
	ж.	—	274	302	372	—	372	
	вс.	—	572	600	699	648	751	
Бол. Чиркей.	д.	—	97	114	307	—	331	
	м.	—	521	431	933	—	1168	
	ж.	—	562	490	863	—	1219	
	вс.	918	1083	921	1796	1619	2387	Жирным шрифтом отмечено население, показанное как татарское.
И т о г о .	д.	—	2403	2995	4667	—	6138	
	м.	—	11019	11399	15285	—	20719	
	ж.	—	10905	11806	15116	—	20685	
	вс.	17022	21924	23205	30401	34490	11404	
Всего, согласно показаний автомоб.	д.	—	2209	2995	4002	—	5668	
ров.	м.	—	10200	11399	13358	—	19172	
	ж.	—	10069	11806	13250	—	19094	
	вс.	15485	20269	23205	26608	31008	38266	Курсивом отмечено население, показанное великокорусским.

Сводная таблица

числа мордовского населения в Вольском (Вольском округе) уезде,
по различным источникам.

Наименование селений.		Наименование источников.						Примечание.
		Кеппен 1858 г.	Х ревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1886 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Осановка.	д.	—	110	150	208	—	292	
	м.	—	527	502	656	—	997	
	ж.	—	523	499	674	—	940	
	вс.	985	1060	1001	1330	1295	1937	
Ст. Сарайкино. (Славкино).	д.	—	47	76	123	—	207	
	м.	—	280	278	399	—	657	
	ж.	—	278	268	435	—	681	
	вс.	533	568	546	834	966	1338	
Нов. Сарайкино. (Ризайкино).	д.	—	49	55	104	—	154	
	м.	—	212	193	300	—	495	
	ж.	—	216	203	343	—	455	
	вс.	397	428	396	643	699	950	
Каменка.	д.	—	19	8	32	—	41	
	м.	—	52	40	89	—	140	
	ж.	—	55	38	81	—	154	
	вс.	—	107	78	170	218	254	
Садовка.	д.	—	—	214	—	—	495	
	м.	—	—	704	—	—	1700	
	ж.	—	—	756	—	—	1560	
	вс.	1330	—	1460	—	2164	3260	
И т о г о.	д.	—	225	503	467	—	1189	Курсивом отме- чено население, показанное как великорусское.
	м.	—	1071	1717	1442	—	3989	
	ж.	—	1072	1764	1533	—	3790	
	вс.	3245	2143	3481	2975	5342	7779	
Всего, согласно показаниям авто- ров.	д.	—	206	495	435	—	402	
	м.	—	1019	1677	1353	—	1292	
	ж.	—	1017	1726	1452	—	1290	
	вс.	1915	2036	3403	2805	5342	2582	

Сводная таблица

числа мордовского населения в Балашовском (Балашовском округе) уезде, по различным источникам.

Наименование селений.	Наименование источников.						Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Хрревизия 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1886 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
с. Мор. Карай.	д. м. ж. вс.	— 1849 1857 3701 ¹⁾	223 1869 1877 3746	410 2674 2770 5444 ²⁾	760 — — 6569	— — — 7545 ³⁾	¹⁾ Обрусел. мордва и великоруссы — вместе. ²⁾ То же. ³⁾ То же.
с. Бол. Мелик (Покровское).	д. м. ж. вс.	— 1326 1415 3534 ¹⁾	325 1723 1823 2741	379 2052 1997 3546	592 — — 4049	— — — 5317	¹⁾ В т. ч. 746 ч. великоруссов (21,1%).
д. Козловка.	д. м. ж. вс.	— 786 829 1900 ¹⁾	170 765 772 1537	129 1051 1057 2108	319 — — 2420	— — — 903 ²⁾	¹⁾ В т. ч. 487 ч. великор. (25,63%) ²⁾ Великор. и обрусов. мордва.
с. Репное.	д. м. ж. вс.	— 1042 1136 2236	235 1033 1129 2178	311 1523 1583 2162	444 — — 3106	— — — 3739	773 2268 2298 4566
Выселок Мачи.	д. м. ж. вс.	— 106 110 284	25 106 110 216	39 143 138 281	47 — — 369	— — — 538	¹⁾ Мордва и великоруссы показаны вместе.
с. Мал. Грязнуха (Беломойка, Козмодемьянское).	д. м. ж. вс.	— 586 607 1193	137 566 609 1176	166 973 1022 1995	302 — — 2439	— — — 3108 ¹⁾	¹⁾ Мордва и великоруссы показаны вместе.
Лопатино.	д. м. ж. вс.	— 456 492 970	84 458 464 948	104 692 744 922	189 — — 1436	— — — 1863	¹⁾ Мордва и великоруссы показаны вместе.
Ежовка (х. Мор. Каая).	д. м. ж. вс.	— — — —	— — — —	— 186 189 375	58 — — —	— — — —	¹⁾ Мордва и великоруссы показаны вместе.
Итого..	д. м. ж. вс.	— 6151 6446 8924	1199 6520 6784 12597	1538 9294 9500 13304	2711 — — 18794	— — — 22716	4275 13075 13314 26389
Всего, согласно показаний автомоб.	д. м. ж. вс.	— 5695 5954 7691	1115 5848 6065 11649	1333 8602 8756 11913	2522 — — 17358	— — — 22716	3016 9220 9490 18710
							Курсивом отмечено население, показанное как чисто великорусское.

Сводная таблица

числа мордовского населения в Саратовском (Аткарском округе) уезде, по различным источникам.

Наименование селений.		Наименование источников.						Примечание.
		Кеплен 1858 г.	Хревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Сведения 1882-83 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Оркино-Кучугуры (Рождественское).	д.	—	240	383	<u>24</u> <u>643</u> <u>68</u>	—	1185	
	м.	—	1400	1418	<u>2044</u> <u>68</u>	—	3605	
	ж.	—	1485	1568	<u>1988</u> <u>136</u>	—	3634	
	вс.	2641	2885	2986	<u>4032</u>	5482	7239	
Растановка—Натальино.	д.	—	—	45	—	—	—	
	м.	—	—	105	—	—	—	
	ж.	—	—	107	—	—	—	
	вс.	137	—	212	—	—	—	
Сухой Карабулак.	д.	—	185	219	278	—	368	
	м.	—	571	559	744	—	870	
	ж.	—	594	567	790	—	886	
	вс.	1094	1165	1126	1534	1829	1756	
Косолаповка—Яруга.	д.	—	63	76	135	—	170	
	м.	—	230	236	356	—	536	
	ж.	—	257	239	334	—	564	
	вс.	421	487	475	690	800	1100	
Пилюгино. (Сыреево).	д.	—	38	56	112	—	108	
	м.	—	209	218	300	—	359	
	ж.	—	202	224	284	—	361	
	вс.	—	411	442	584	613	720	
И т о г о .	д.	—	526	779	1192	—	1831	
	м.	—	2410	2536	3512	—	5370	
	ж.	—	2538	2705	3464	—	5445	
	вс.	4293	4948	5241	6976	8724	10815	Курсивом отмечено население, показанное как великорусское.
Всего, согласно показаниям авторов.	д.	—	526	723	1168	—	368	
	м.	—	2410	2318	3444	—	870	
	ж.	—	2538	2481	3396	—	886	
	вс.	4293	4948	4799	6840	8724	1756	

Сводная таблица

числа мордовского населения в Хвалынском (Кузнецком округе Ср.-Волж. области) уезде, по различным данным.

Наименование селений.		Наименование источников.						Примечание.
		Кеппен 1858 г.	Х ревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1885 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Демкино.	д.	—	159	277	446	—	526	1) В т. ч. русских 210 ч. (13,75%).
	м.	—	919	919	1392	—	2015	2) Мордва и великорус. показаны вместе
	ж.	—	1009	1009	1408	—	2018	3) То же.
	вс.	1599 ¹⁾	1928 ²⁾	1928	2800 ³⁾	2214	4033 ⁴⁾	4) То же.
(Христорождеств.)	д.	—	177	302	306	—	361	1) В т. ч. русских 390 ч. (27,95%).
	м.	—	727	711	780	—	1041	2) Мордва и великорус. пок. вместе
	ж.	—	774	730	870	—	1047	3) То же.
	вс.	1395 ¹⁾	1507 ²⁾	1441	1650 ³⁾	1744	2088 ⁴⁾	4) То же.
Нов. Яблонка.	д.	—	108	182	266	—	337	
	м.	—	702	702	1015	—	1282	
	ж.	—	746	746	986	—	1161	
	вс.	1371	1448	1446	2001	1935	2443	
Нов. Яблонка. (Бирюковка).	д.	—	34	—	29	—	63	
	м.	—	101	—	105	—	132	
	ж.	—	71	—	87	—	120	
	вс.	—	172	—	192	224	252	
Ст. Лебежайка.	д.	—	194	269	479	—	576	1) В том числе чуваш 127 чел. (6,69%)
	м.	—	1018	1010	1622	—	2172	
	ж.	—	1060	1036	1648	—	2130	
	вс.	1897 ¹⁾	2078	2046	3270	3355	4302	
Еремкино.	д.	—	116	150	291	—	398	1) Числ. пок. русс.
	м.	—	526	514	847	—	1131	2) Мордва, чуваш, татар. пок. вместе
	ж.	—	596	569	801	—	1086	3) То же.
	вс.	270 179 ¹⁾ 582 ²⁾	1122 ³⁾	1083	1648 ³⁾	1591	2217	
Чув. Кулатка.	д.	—	158	86	334	—	435	1) Мордва и чуваши показаны вместе.
	м.	—	679	335	926	—	1290	
	ж.	—	727	364	925	—	1230	
	вс.	277	1406 ¹⁾	699	1851	2006	2525	
Мор. Каракужа.	д.	—	104	86	171	—	287	
	м.	—	390	335	625	—	953	
	ж.	—	434	364	597	—	945	
	вс.	724	824	699	1222	1480	1898	
Телятниково.	д.	—	93	129	252	—	403	
	м.	—	534	553	900	—	1474	
	ж.	—	589	610	941	—	1499	
	вс.	1057	1123	1163	1841	2251	2973	

Наименование селений.	Наименование источников.						Примечания.
	Кеппен 1858 г.		Х ревиз. 1858 г.		Артемьев 1859 г.		
Барановка. (Богородское. Балтасево).	д. м. ж. вс.	— — — 813	94 409 439 848	124 423 448 871	165 547 574 1121	293 864 856 1316	Перепись 1885 г. Перепись 1897 г. Перепись 1911 г.
Собакино.	д. м. ж. вс.	— — — 348	36 187 182 369	42 193 191 384	72 306 280 586	124 — — 701	441 463 904
Давыдовка.	д. м. ж. вс.	— — — 532	62 288 274 562	83 292 287 579	118 413 419 832	172 600 556 988	1156
Баевка.	д. м. ж. вс.	— — — 1551	131 822 968 1790	194 864 910 1774	317 1124 1198 2322	518 1757 1773 2673	3530
Губашево.	д. м. ж. вс.	— — — 492	54 281 266 547	74 287 277 564	123 — — 920	207 650 699 1181	1349
Никитино.	д. м. ж. вс.	— — — 578	72 277 317 594	74 276 310 586	107 390 394 784	167 588 620 938	1208
Голодяевка.	д. м. ж. вс.	— — — 897	70 457 457 914	88 464 474 938	175 606 619 1225	203 — — 1251	719 684 1403
Самодуровка.	д. м. ж. вс.	— — — 218	19 107 114 221	26 109 112 221	42 151 155 306	61 201 195 326	396
Болдашево. (Балтасева).	д. м. ж. вс.	— — — 363	45 207 219 426	42 388 224 436	93 — — 765	167 565 597 871	1162

Наименование селений.		Наименование источников						Примечание.
		Кеппен 1858 г.	Хривиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1885 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Славкино.	д.	—	23	26	78	—	123	1) Мордва и великоруссы показаны вместе.
	м.	—	132	125	265	—	423	
	ж.	—	142	136	260	—	426	
	вс.	264	274 ¹⁾	261	525 ²⁾	611	849	2) То же.
Кочетовка.	д.	—	37	48	61	—	103	1) Мордва и великоруссы показаны вместе.
	м.	—	163	176	208	—	291	
	ж.	—	148	263	200	—	279	
	вс.	296	311 ¹⁾	339	408 ²⁾	457	570	2) То же.
Мор. Шемалак.	д.	—	82	81	121	—	185	1) В том числе чуваш—315 чел.
	м.	—	284	262	388	—	550	
	ж.	—	272	267	345	—	565	
	вс.	755 ¹⁾	556	529	733	816	1115	(41,72%).
Ст. Пичеуры. (Архангельское).	д.	—	123	151	197	—	314	1) Мордва и великоруссы показаны вместе.
	м.	—	494	489	691	—	1063	
	ж.	—	558	537	690	—	1082	
	вс.	760	1052 ¹⁾	1026	1381 ²⁾	1626	2145 ³⁾	2) То же. 3) То же.
Раштановка.	д.	—	64	77	110	—	207	
	м.	—	290	289	419	—	693	
	ж.	—	273	269	428	—	771	
	вс.	509	563	558	847	1080	1464	
Холстовка.	д.	—	89	107	196	—	315	
	м.	—	455	458	709	—	1182	
	ж.	—	454	455	681	—	1452	
	вс.	817	909	913	1390 ¹⁾	1660	2634	
Найман. (Архангельское).	д.	—	65	73	140	—	235	
	м.	—	291	292	477	—	713	
	ж.	—	320	329	503	—	861	
	вс.	540	611	621	980	1141	1574	
Алексеевка. (Чертовка, Азрапино).	д.	—	49	72	121	—	198	
	м.	—	270	269	453	—	680	
	ж.	—	304	288	425	—	743	
	вс.	519	574	557	878	1072	1423	
Нов. Пичеуры. (Липлейка).	д.	—	32	40	60	—	111	
	м.	—	145	149	246	—	402	
	ж.	—	156	156	221	—	413	
	вс.	334	301	305	467	557	815	

Наименование селений.	Наименование источников.							Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Х ревиз. 1858 г. +	Артемьев 1859 г.	Перепись 1885 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.		
Лапаевка.	д. м. ж. вс.	— 214 236 396	45 212 226 450	60 278 293 438	94 — 571	— — 631	137 421 471 892	
Илюшкино.	д. м. ж. вс.	— 1068 1105 2036	193 1073 1129 2173 ¹⁾	304 1642 1495 2202	503 — 3137	— — 3773	688 2101 2070 4171	1) Вместе с х. Илюшкиным.
Шалкино. (Никольское).	д. м. ж. вс.	— 1426 1502 2748 ¹⁾	249 1424 1515 2928 ²⁾	455 1644 1660 2939	538 — 3304	— — 3436	803 2199 2277 4476	1) В том числе русских—1424 ч. (51,77%). 2) Мордва и великоруссы показаны вместе.
Хут. Илюшкин.	д. м. ж. вс.	— — — —	— — — —	— — — —	18 60 61 121	— — — —	42 136 139 275	
Хут. Шалкинский	д. м. ж. вс.	— — — —	— — — —	— — — —	5 11 18 29	— — — —	15 51 52 103	
Михайловка. (Млихаевка).	д. м. ж. вс.	— — — —	49 124 171 295	48 102 145 247	79 220 221 441	— — — —	118 354 332 686 ¹⁾	1) Мордва и великоруссы показаны вместе.
Калмантай.	д. м. ж. вс.	— — — 2000 ¹⁾	158 655 711 1366 ²⁾	211 652 712 1364	331 974 1008 1982	— — — 3120 ³⁾	512 1433 1447 2880 ⁴⁾	1) В т. ч. чуваш—1808 ч. (90 и 39%). 2) Мордва и чуваш, показаны вместе. 3) В том числе чуваш—2279 ч. 4) Мордва и чув. показаны вместе.
Хут. Верхне-Лебежайский.	д. м. ж. вс.	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —	27 85 87 172	
Хут. Нижне-Лебежайский.	д. м. ж. вс.	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —	— — — —	32 128 110 238	

Наименование источников.

Наименование селений.								Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Хревиз. 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1885 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.		
Хут. Березовский.	д.	—	—	—	—	—	7	
	м.	—	—	—	—	—	42	
	ж.	—	—	—	—	—	45	
	вс.	—	—	—	—	—	87	
Посел. № 1.	д.	—	—	—	—	—	3	
	м.	—	—	—	—	—	8	
	ж.	—	—	—	—	—	10	
	вс.	—	—	—	—	—	18	
Итого.	д.	—	2984	3981	6438	—	9563	
	м.	—	14542	14071	21282	—	30839	
	ж.	—	15602	15088	21251	—	31311	
	вс.	28252	30244	29159	42054	47054	62146	
Всего согласно показаниям автомоб.	д.	—	2890	3588	6265	—	8188	Курсивом отмечено население, показанное великорусским.
	м.	—	14304	12806	20784	—	26920	
	ж.	—	15195	13704	20737	—	27332	
	вс.	23796	29499	26510	41521	39333	54252	
								Жирным шрифтом отмечено население, показанное чувашским.

Сводная таблица

числа мордовского населения в Петровском (Кузнецком окр. Ср.-Вол. области и Аткарского округа Н.-В. края) уезде по различным источникам.

Наименование селений.	Наименование источников.							Примечание.
	Кеплен 1858 г.	Хревизия 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1884 г.	Перепись 1894 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.	
Нов. Демкино. (Сердобка).	д. м. ж. вс.	— 422 452 874	78 409 445 854	92 608 587 1195	198 672 618 1290	191 — — 1429	— — — 252	976 1024 2000
Н. Назимкино. (Новоназимкино)	д. м. ж. вс.	— — — 274	— 149 153 —	30 149 302	— — —	74 281 271 552	— — — 570	103 427 412 839
Ст. Славкино (Рождественское).	д. м. ж. вс.	— — — 3539	273 1799 1821 3620 ¹⁾	480 1785 1821 3606	736 2297 2258 4555	798 2616 2658 5274	— — — 5592	1014 3643 3371 7014
Ст. Демкино.	д. м. ж. вс.	— — — 1969	180 985 981 1965	221 977 981 1958	419 1371 1401 2772	471 1588 1593 3181	— — — 3293	586 2032 2103 4135
Ст. Захаркино.	д. м. ж. вс.	— — — 1255	107 631 652 1287	160 629 676 1305	286 1001 996 1997	322 1205 1131 2336	— — — 2432	415 1502 1518 3020
Ст. Назимкино	д. м. ж. вс.	— — — 833	88 433 450 889	116 439 450 889	190 617 612 1229	202 706 765 1471	— — — 1499	246 927 948 1875
Наумкино.	д.	—	99	155	65	45	—	347
	м.	—	636	634	181 197	197 136	—	1190
	ж.	—	658	658	595 199	751 159	—	1197
	вс.	1200	1294	1292	556 396 1151	761 295 1512	1773	2387
Усть Уза. (Мурза).	м. д. ж. вс.	— — — 508	52 312 334 646	64 307 334 641	130 473 477 950	155 552 515 1067	— — — 1078	205 747 724 1471

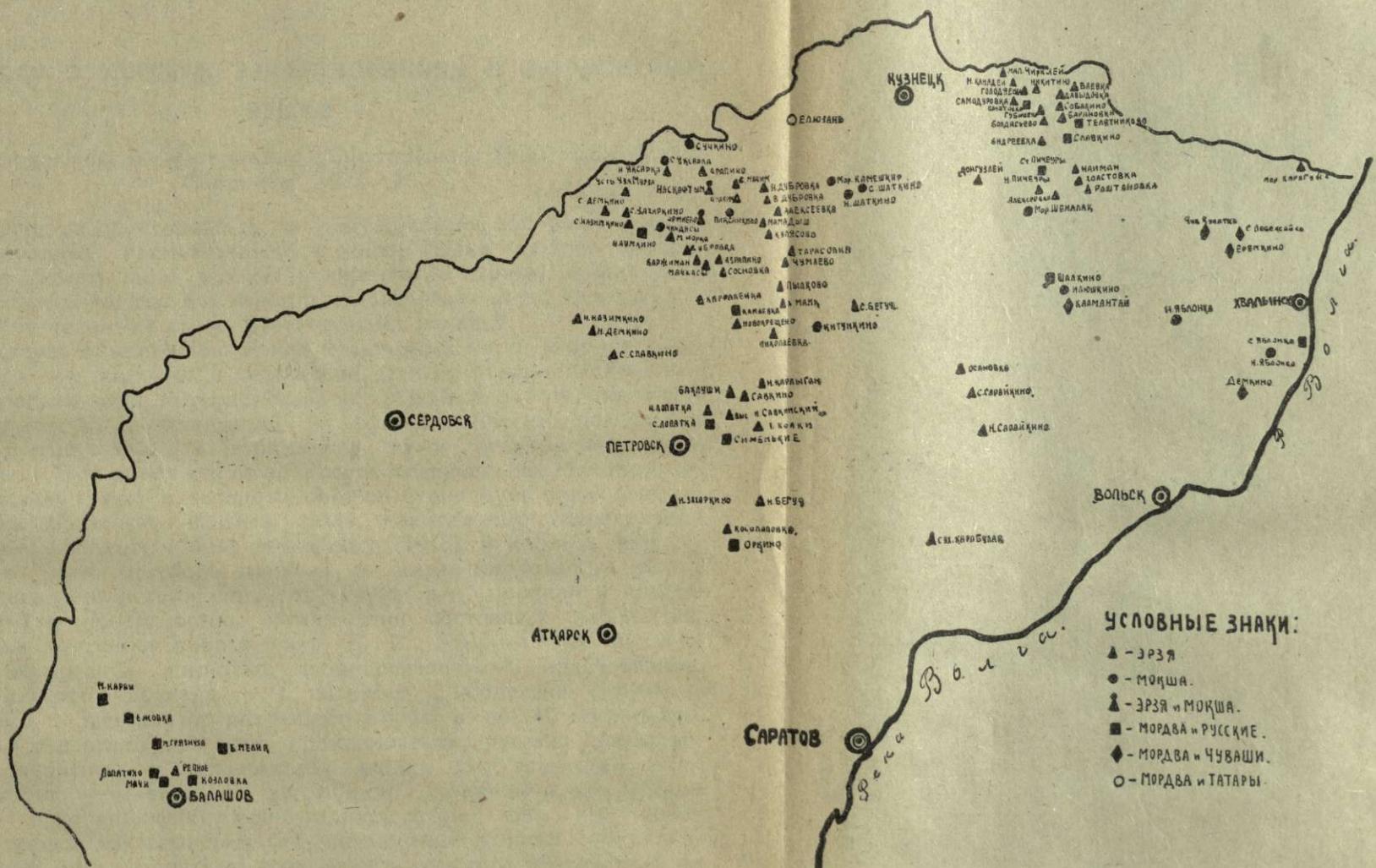
Наименование селений.	Наименование источников.						Примечание.
	Кеппен 1858 г.	X ревизия 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1884 г.	Перепись 1894 г.	Перепись 1897 г.	
Ст. и Нов. Чин-дясы.	Д. М. Ж. ВС.	— 85 466 935	122 465 489 954	225 665 624 1289	189 606 598 1204	— — — 1255	221 792 803 1595
Мор. Норка.	Д. М. Ж. ВС.	— 347 347 703	83 347 347 694	81 508 515 1023	145 628 602 1230	— — — 1314	238 872 909 1781
Рождественское (Дубровка).	Д. М. Ж. ВС.	— — — 803	79 426 427 853	118 427 427 854	201 642 599 1241	— — — 1383	269 899 906 1805
Каржиман.	Д. М. Ж. ВС.	— — — 1046	105 535 572 1107	156 536 572 1108	243 745 754 1499	226 785 798 1583	286 1038 1056 1495
Мачкасы (Рождественское).	Д. М. Ж. ВС.	— — — 1571	157 793 821 1614	210 793 821 1614	336 1135 1163 2298	358 1276 1356 2632	501 1776 1845 3621
Лэрзапино.	Д. М. Ж. ВС.	— — — 750	74 330 338 668	99 442 427 757	155 427 427 869	142 — — 881	189 636 680 936
Ноз. Бегуч.	Д. М. Ж. ВС.	— — — 173	19 99 105 197	26 98 173 203	53 196 173 369	63 229 248 477	116 324 414 455
Ст. Войкино (Ст. Савкино).	Д. М. Ж. ВС.	— — — 759	69 338 362 700	104 327 370 697	162 482 504 986	169 — 547 —	227 720 730 1261
Нов. Дубровка (Нов. Лопатка).	Д. М. Ж. ВС.	— — — 403	35 195 208 388	50 187 201 293	93 315 293 342	99 — — 608	154 511 532 1043

Наименование селений.	Наименование источников.						Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Х. ревизия 1888 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1884 г.	Перепись 1894 г.	Перепись 1897 г.	
Синенькие (Архангельское).	д.	—	—	110	43 185 147	69 165 211	344
	м.	—	—	419	523 124 512	537 211 505	1027
	ж.	—	—	437	271	422	1034
	вс.	—	—	856	1035 1042	1574 2061	
Ст. Карлыган.	д.	—	107	152	202 19 577	218 16 657	312
	м.	—	493	491	95 584	46 674	966
	ж.	—	550	563	39 1161	45 1331	1062
	вс.	932	1043 ¹⁾	1054	94	91	2028
		82					
Китункино.	д.	—	58	61	121	131	201
	м.	—	241	241	286	421	610
	ж.	—	269	268	410	434	620
	вс.	487	510	509	696	855	1230
Ст. Бегучи (Мурза).	д.	—	132	196	273	283	326
	м.	—	788	686	936	1011	1227
	ж.	—	784	759	964	1058	1331
	вс.	1271	1572	1445	1900	2069	2558
Рязановка.	д.	—	54	44	86	79	97
	м.	—	169	190	228	224	255
	ж.	—	146	183	226	241	265
	вс.	330	315	373	454	465	520
Баклушки (Войкино).	д.	—	53	50	101	114	165
	м.	—	278	278	321	396	540
	ж.	—	292	310	311	395	564
	вс.	381	570	588	632	791	1104
Пылково.	д.	—	191	264	422	452	470
	м.	—	1035	1034	1432	1776	1836
	ж.	—	1081	1081	1377	1582	1706
	вс.	1903	2116 ¹⁾	2115	2809	3298	3542
Чумаево (Архангельское).	д.	—	115	150	263	292	347
	м.	—	602	602	834	1003	1257
	ж.	—	617	615	827	1019	1240
	вс.	1161	1219	1217	1661	2022	2497

¹⁾ Вместе с х. Маяк.

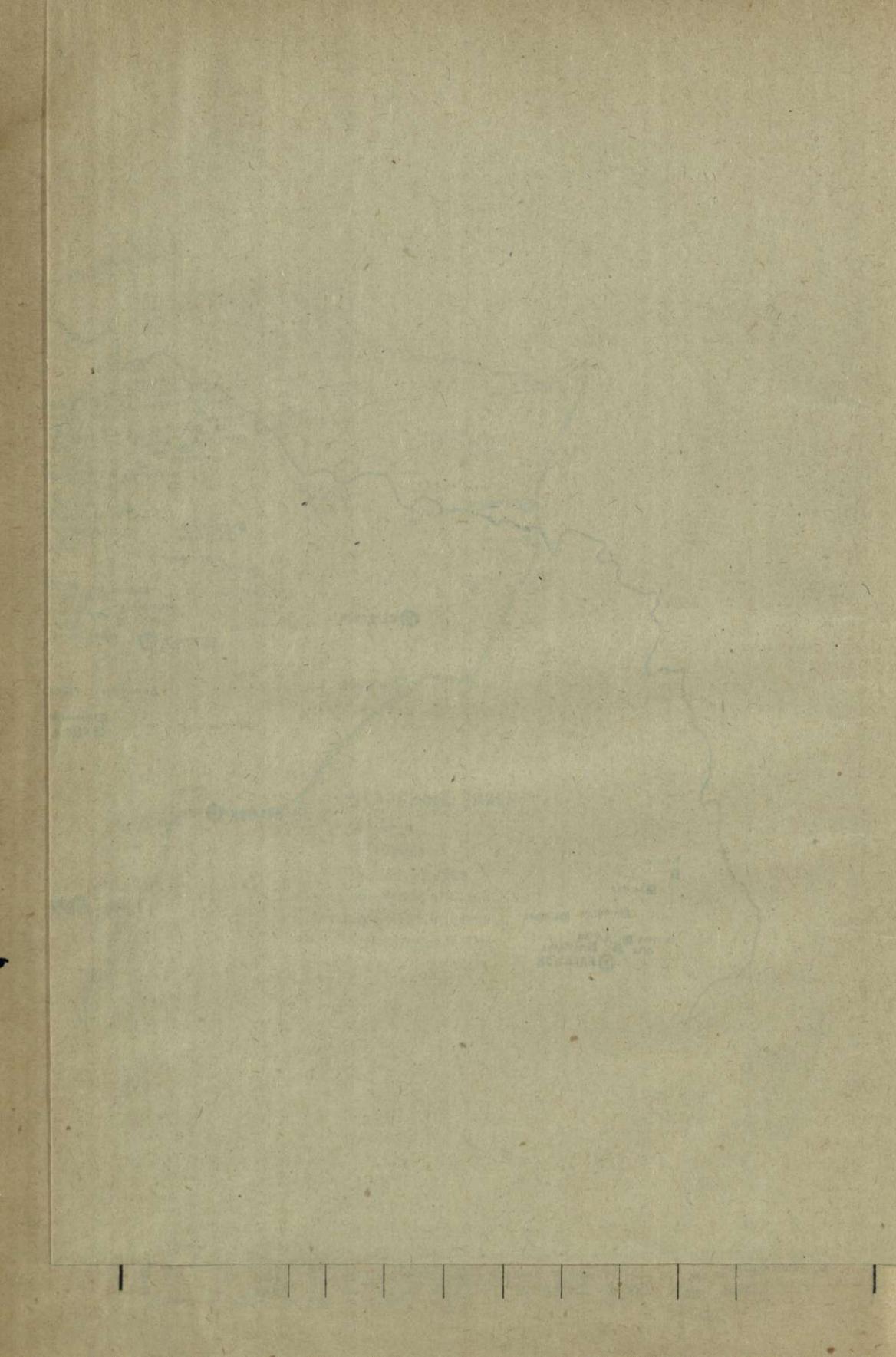
Наименование селений.	Наименование источников.								Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Хревизия 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1884 г.	Перепись 1894 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.		
Камаевка (Козьмодемьян- ское, Ст. Чардым).	д.	—	119	186	321	98	—	402	1) Мордва и великоруссы показаны вме- сте.
	м.	—	695	697	985	229	—	1371	
	ж.	—	719	740	986	360	—	1336	
	вс.	1340	1414 ¹⁾	1437	1971	803	746	2707	
Нов. Чардым (Новокрещено).	д.	—	67	94	171	139	—	171	
	м.	—	357	351	512	484	—	604	
	ж.	—	375	383	477	465	—	604	
	вс.	700	732	734	989	949	932	1208	
Каргалейка.	д.	—	63	115	193	182	—	245	
	м.	—	425	385	598	657	—	861	
	ж.	—	468	441	591	596	—	803	
	вс.	735	893	826	1189	1253	1200	1664	
Сосновка.	д.	—	66	114	194	184	—	231	
	м.	—	435	435	552	581	—	787	
	ж.	—	408	482	474	529	—	741	
	вс.	905	843	917	1026	1110	1093	1528	
Нов. Захаркино.	д.	—	38	—	135	157	—	187	
	м.	—	296	—	480	572	—	703	
	ж.	—	305	—	441	528	—	706	
	вс.	572	601	—	921	1100	1113	1409	
Хут. Маяк.	д.	—	—	—	12	18	—	25	
	м.	—	—	—	58	76	—	110	
	ж.	—	—	—	58	69	—	102	
	вс.	—	—	—	116	145	161	212	
Залетовка выс.	д.	—	—	—	17	20	—	26	
Ново-Савкинский.	м.	—	—	—	50	61	—	86	
	ж.	—	—	—	52	65	—	89	
	вс.	—	—	—	102	126	—	175	
Нов. Карлыган.	д.	—	—	—	—	—	—	16	
	м.	—	—	—	—	—	—	48	
	ж.	—	—	—	—	—	—	46	
	вс.	—	—	—	—	—	—	94	
х. Колки.	д.	—	—	—	—	—	—	42	
	м.	—	—	—	—	—	—	67	
	ж.	—	—	—	—	—	—	76	
	вс.	—	—	—	—	—	—	143	

Наименование селений.	Наименование источников.								Примечание.
	Кеппен 1858 г.	Хревизия 1858 г.	Артемьев 1859 г.	Перепись 1884 г.	Перепись 1894 г.	Перепись 1897 г.	Перепись 1911 г.		
Хуг. Куст.	д.	—	—	—	—	—	—	11	
	м.	—	—	—	—	—	—	17	
	ж.	—	—	—	—	—	—	22	
	вс.	—	—	—	—	—	—	39	
Тарасовка.	д.	—	32	54	96	85	—	98	
	м.	—	216	216	291	299	—	363	
	ж.	—	225	225	269	338	—	374	
	вс.	432	441	441	560	637	582	737	
Белая Гора.	д.	—	44	81	134	137	—	212	1) Показаны как чуваши. 2) Мордва, чуваши и татары показаны вместе.
	м.	—	248	248	348	417	—	587	
	ж.	—	232	232	13	10	—	676	3) Числитель—чеваши и татары.
	вс.	4221)	480 ²⁾	480 ¹⁾	718	832	5821)	12631)	4) То же.
Ст. Лопатка.	д.	—	49	80	130	130	—	195	1) Мордва и великоруссы показаны вместе.
	м.	—	256	254	352	329	—	644	
	ж.	—	232	290	334	66	—	655	2) То же.
	вс.	—	5481)	544	686 ²⁾	317	798	1299	
Итого.	д.	—	2796	4041	7009	7253	—	9488	
	м.	—	15436	15366	22102	25017	—	32976	
	ж.	—	15910	16286	21804	24762	—	33224	
	вс.	27760	31346	31652	43906	49779	47412	66202	
Всего, согласно показаниям автомоб.	д.	—	2659	3704	6289	6275	—	8386	Курсивом отмечено население, показанное великорусским.
ров.	м.	—	14877	14183	20184	21970	—	29598	
	ж.	—	15342	15050	19668	21657	—	29548	
	вс.	27760	30219	29233	39852	43627	44219	59146	Жирным шрифтом отмечено татарское население.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ▲ - ЭРЗЯ
- - МОЖША.
- - ЭРЗЯ и МОЖША.
- - МОРДВА и РУССКИЕ.
- ◆ - МОРДВА и ЧУВАШИ.
- - МОРДВА и ТАТАРЫ.

К вопросу о русских заимствованиях в мордовском языке.

(Опыт исследования по материалам „Саратовского Этнографического Сборника“ 1922 г.)

Излишне распространяться о той колоссальной роли, какую играют словарные заимствования в жизни языка любого народа. Достаточно указать лишь, что нет в мире такой страны, может быть, даже такого уголка, где бы звучала человеческая речь, совершенно свободная от каких бы то ни было чуждых влияний.

Заимствует обыкновенно менее культурный народ у более культурного, при чем, конечно, в небольшой степени бывает и обратно.

Мордовский язык, интересующий нас в данной работе, имеет громадное количество заимствований из русского. Однако, до сих пор элементы русского языка в мордовском почти не привлекали внимания ученых. В то время как по вопросу о лексикальных взаимоотношениях русских славян и западных финнов существует целая литература,—здесь достаточно назвать лишь капитальные исследования Weske (1890), Mikkoli (1894), Mecklein'a (1913) и Kalim'ы (1915),—проблема о роли русского влияния в жизни мордовского языка затрагивалась лингвистами лишь по случайным поводам и притом всегда крайне поверхностно. Исключение составляет небольшая, но чрезвычайно ценная работа проф. Д. В. Бубриха „К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях“, напечатанная, как автореферат доклада в I выпуске „Бюллетеня Лоикфун“ от 30/I—1929 г. Здесь автор разрешает вопрос в общей постановке, констатируя два отдельных пути проникновения русских заимствований в эрзянскую и мокшанскую речь. В эрзянской речи Д. В. Бубрих устанавливает „в общем“ северо-великорусское влияние, а в мокшанской—южно-великорусское, при чем начало русско-мордовских языковых соприкосновений относит приблизительно к XIII веку, допуская возможность русского воздействия на мордовскую речь к концу до-татарского исторического периода.

Наша скромная задача заключается не в выявлении всей картины русского половодья в мордовской лексике, а в указании одной только, в известном смысле, случайной его струи—в мордовских текстах „Саратовского Этнографического Сборника“, вышедшего в 1922 году под редакцией проф. Б. М. Соколова. В поле нашего исследования попадают, собственно, говоры 4 селений бывш. Петровского у. (Синенькие, Мачкасы, Савкино и Ново-Савкинский выселок) и 3 б. Хвалынского у. (Барановка, Старая Лебежайка и Чувашская Кулатка), да и то лишь постольку, поскольку они отрази-

лись в записях вышеупомянутого сборника. Все перечисленные селения представляют собой или чисто эрзянские, или смешанные эрзянско-мокшанские говоры (напр., С. Лебежайка) с преобладанием, однако, эрзянского элемента.

Несколько существенных оговорок необходимо сделать в самом начале.

Прежде всего, „Сарат. Этногр. Сборник“ содержит в себе довольно трудный и не вполне благодарный материал для специально лингвистических операций. Будучи очень ценным в этнографическом отношении, этот сборник не лишен, к сожалению, недочетов в области фонетической транскрипции. Правда, издатель мордовских текстов сборника М. Т. Маркелов стремился дать по возможности научную транскрипцию, но, в силу независящих от него внешних условий типографского порядка, ему „поневоле“, как он признается, пришлось прибегнуть к „условной русской транскрипции“ (231 стр. сб.). По замечанию самого М. Т. Маркелова, условность принятой им русской транскрипции „слишком велика, а может быть отчасти и произвольна“ (*ibid.*).

Ввиду того, что говоры, представленные в „Сарат. Этногр. Сборнике“, практически хорошо знакомы и нам, мы решаемся отметить некоторые, наиболее важные случаи неточной записи.

Средненёбное а (а) очень условно обозначается в сборнике через э и, нам кажется, в большинстве случаев смешивается с средненёбным среднего ряда ы́э и просто с э в положении послетвердых согласных (сравнить, напр., маркеловское а (э) в словах добрэйнесъ, крестэзя, поклоннэть и др.). Для трех разных звуков (а, ы́э, э) имеется, таким образом, один фонетический знак - э (а).

Мягкость консонантов часто остается необозначенной. В этом отношении транскрипция сборника грешит обычными неточностями русской орфографии.

Ряд других недочетов отмечен самим М. Т. Маркеловым в комментарии „К изданию мордовских материалов“ (стр. 231—233).

Если считать за аксиому, что для лингвиста правильная запись говора является воздухом, которым он дышит, то нетрудно себе представить всю серьезность и ответственность положения исследователя, обратившегося к мордовским материалам в записях „Сарат. Этногр. Сборника“.

Вторая оговорка—по построению нашей работы. Не желая углубляться в лингвистические дебри, мы ограничиваем себя строго определенными рамками словаря, фонетики, морфологии и отчасти семантики русских заимствований.

Пользуюсь случаем выразить глубокую и искреннюю благодарность моим руководителям: проф. Г. Я Ильинскому, проф. Г. Г. Дингесу, доц. А. С. Мадуеву, а также проф. Д. В. Бубриху—за весьма ценные советы и указания.

I. Словарь.

При первом взгляде на мордовские тексты „Сарат. Этногр. Сборника“ вы невольно обратите внимание на массу слов, заимствованных из русского языка. Во всем сборнике, на протяжении приблизительно 40 страниц печатного мордовского текста, нами зареги-стрировано свыше 428 таких слов, выражавших отдельные понятия, предметы, названия и вообще высказывания, при чем сюда не вклю-

чаются, конечно, повторения одних и тех же слов. В систематизированном виде русские заимствования в мордовском (эрзянском) по „Сарат. Этногр. Сборнику“ распадаются на 5 следующих отделов: 1) природа, 2) человек, 3) материальная культура, 4) социально-духовная культура¹⁾ и 5) слова формального значения. По количественному принципу расположение отделов было бы несколько иное: самым большим оказался бы 4-й („социально-духовная культура“—209 заимствованных слов), на втором месте 3-й („материальная культура“—99 заимствований), на третьем и четвертом—два приблизительно равных 5-й („слова формального значения—44 или несколько более заимствований) и 1-й („природа“—44 заимствования) и, наконец, на пятом месте—самый малочисленный отдел 2-й („человек“—32 названия). Само собою разумеется, что никаких общих и окончательных выводов на основании приведенного цифрового соотношения между различными отделами мы не имеем права делать, в силу случайности, недостаточности и ограниченности собранного в соколовском сборнике материала, который ни в коей мере не отражает всей полноты картины русских заимствований в мордовском.

Перейдем к конкретному содержанию каждого отдела.

Первый отдел—природа—может быть подразделен, в свою очередь, на рубрики: а) время, б) мертвая природа, с) растения и д) животные. Подотдел „время“ включает в себя 8 слов: 1) врема²⁾ время, стр. 96 „Сар. Этн. Сб.“; 2) остатка времаньтъ остаток времени, 110; 3) пора пора, 91; 4) год год. ibid.; 5) пельгод полгода, 112; 6) недл'а неделя, 109; нядлиня неделька 204; 7) котанядлянь шестинедельный, 136; 8) пяця пятница (назв. дня недели), 202. Как видно из перечня, для обозначения общих и частных понятий времени саратовская эрзя широко использовала русские названия³⁾.

Мертвая природа представлена в сборнике 18-ю русскими заимствованиями различного значения: 1) ольны́й свет вольный свет, 99, 182; 2) сторона сторона; кона сторонань дж'ачумниньк? „какая сторона—ваше рождение?“, 188⁴⁾; 3) бок бок сторона; тона бокса „на том боку, на той стороне“, 111; 4) след след, 190; 5) луга луг, 192; 6) берекъ берег, 106; 7) куц'а куча, 154; 8) мелка кяянья мелкий камешек, 192; 9) песок песок, 196; 10) пуль пыль, 174; 11) навоз навоз; 182; 12) зор'а,

1) Первая часть вводимого нами сложного термина „социально-духовная культура“ имеет в данном случае лишь ограниченно-условное значение и вызвана исключительно необходимостью как-то обозначить то, что обычно не включается в понятие т. наз. „духовной культуры“, т. е. социально-политический строй общества, а также племенные, родовые и семейные отношения. Словом „социально“ мы здесь вовсе не хотим сказать, что материальная и духовная культуры суть антисоциальные явления. Это было бы неверно с научно марксистской точки зрения.

2) Транскрипция везде сохраняется нами маркеловская.

3) Время, понимаемое как особая логическая категория мышления, могло бы быть выделено в совершенно самостоятельный отдел; но ввиду конкретности понимания простым народом и, в частности, в текстах соколовского сборника даже наиболее общих понятий времени, позволительно было отнести последнее к природе, так как в основе конкретного понимания времени лежат природные явления (вращение земли вокруг солнца, сутки, день, ночь и т. д. и т. п.).

4) дж дж, нь = н, ' = (знак мягкости согласной)—в переводе с маркеловской транскрипции на общепринятую фонетическую.

зореня заря, зоренька, 137; 13) туман, туманнэ (уменыш. ф.) туман, 186; 14) роса роса; 168; 15) росаима покрываться росой; 166; 16) пар пар, 92; 17) живой вядьня живая водица, 190; 18) пророб прорубь, 106.

Подотдел „растения“ насчитывает в „Сарат. Этногр. Сборнике“ 9 слов, заимствованных из русского: 1) корен корень, 216¹⁾; макынь листка маковый лист, 176; 3) макынь дзветка маковый цветок, *ibid.*; 4) московынь д'з'ет'ака московский цветок, 224²⁾; 5) горнилов цвет'а бубенец—цветок, 200; 6) ягуда ягода, 159; 7) капста капуста, 96; 8) колоз колос, 106; 9) лёнынь льняной,-ая,-ое, *ibid.*

Таким образом в растениях мы видим заимствованные названия частей, рода, а также вида некоторых *культурных*—обращаем на это внимание—растений. Последнее обстоятельство не может считаться случайным, так как для обозначения некультурных, диких растений у мордвы имеется достаточное количество своих, не-заимствованных слов. Весьма возможно поэтому, что названия перечисленных выше культурных растений перешли к мордве от русских или через русских вместе с самими этими растениями. Впрочем, не исключена и другая возможность,—что теперешняя в значительной степени русифицировавшаяся мордва позабыла свои родные соответствующие обозначения.

Четвертая рубрика отдела „природа“—животные—содержит, как и растения, 9 русских заимствований: 1) жаба жаба, 100; 2) птиця птица, 154; 3) утка утка, 206; утя, уткинесь—ласкат. уменыш. формы, 198, 194; 4) зверь зверь, 154; 5) стадыня стадо, 170; 6) скотена скотина, 155; вяся скотенанда чавнында „всю скотину свою побил“, 155; 7) бука бык, 91; 8) баран баран, *ibid.*; 9) верблюд верблюд, 168. В этой рубрике имеется, следовательно, одно название земноводного животного, одно родовое и одно видовое понятие птицы, одно родовое понятие дикого животного и два собирательно родовых и три видовых понятия домашних животных³⁾.

Обратимся теперь к рассмотрению 2-го отдела русских заимствований в „Сарат. Этногр. Сборнике“—человек. Для удобства разобъем этот отдел на две части: а) физическая природа человека и б) его психические состояния и переживания. В первой колонке, куда мы, между прочим, относим и названия болезней иувечий, у нас будет 16 заимствований: 1) жизня, жизнясь, жизнь, 200; 2) баба бабась женщина (баба), 131; 3) седый баба седая бабушка, старуха, 224; 4) тела тело, 202; 5) лиц'а лицо, 105; 6) бородушка моя—заимствование целого выражения, 224; 7) плеченемь плечи мои, 188⁴⁾; 8) грудь грудь, 137; 9) бока бок, 131; 10) конелка колено, 137; 11) руки ноги долги, одежда коротка—заимствование без всяких изменений, 224; 12)

¹⁾ В сборнике корен употреблено в метафорическом смысле: мастьринъ гляис, ух авакай, монь гореннем „в шир неба, ух матушка,—мои корни“, 216.

²⁾ Метафорический эпитет к слову уръва сноха.

³⁾ Культурные растения и животные могут быть отнесены также к отделу „материальная культура“ (полеводство, огородничество, садоводство, скотоводство и т. д.).

⁴⁾ Употребляется ли данное заимствованное слово в ед. числе, не знаю; в сб. формы ед. числа нет.

устав стан, осанка; уставынь ваныма „смотреть на стан“, 112; 13) походка походка, 206; 14) горбун горбун, 220; 15) богатырь богатырь, 154, 16) зараза зараза, 98. Среди качественной пестроты подотдела „физическая природа человека“ выделяется компактная масса заимствованных названий частей тела, во главе с общим понятием „тело“.

Вторая половина отдела „человек“—*психические состояния и переживания*—содержит столько же (16) русских заимствований, что и первая. Вот перечень этих заимствований: 1) думамо думать, 132; 2) вя думниса думийнись в одну думу думющая, 111; 3) помн'ама помнить, 109; 4) толк толк; ёфтак тянда толк „скажи ему толк“, 200; 5) радувакшныма радоваться, 159; 6) скучна скучно, 113; 7) надеіама надеяться, 131; 8) жал'ама жалеть, 192; 9) ол'а воля, свобода; ол'ас „на свободу, на волю“, 208; 10) чисть счастье, 106; 11) ут'аскав (правильнее было бы уц'аскав) счастливый, 216; 12) безчастный несчастливый, *ibid.*; 13) доволь вдоволь, 109; 14) тъфу тъфу; коськеза, маштыза, коськя чуфтс, тъфу! „чтобы высокла (про жабу при ворожбе), уничтожилась, в сухое дерево, тъфу!“ 100; 15) горя горе, 109; 16) радысты радость, *ibid.*.

Область чувства доминирует над прочими в заимствованиях подотдела „психические состояния и переживания человека“. Любопытно отметить заимствование таких общих понятий, как „думать“, „помнить“, „счастье“, „воля“, „толк“.

Перейдем к 3-му отделу русских заимствований, который носит у нас название *материальная культура*. Детальное содержание этого отдела раскрывается из подразделения на нижеследующие рубрики.

А) Селение (4 заимств.):

- 1) ульц'а улица, 106; 2) проволка край край переулка, 218; 3) куринка курмыш, 204 ¹⁾ 4) окольц'а околица, 111.

В) Жилище и постройки (18 заимств.):

- 1) угул угол, 99; 2) пецика печка, 190; 3) мостена мостина (половица), 180; 4) косяк косяк, 111; 5) матиц'а матица (перекладина), 109; 6) потолок потолок, 172; 7) цюлан чулан, 110; 8) орта (ед. ч.) ворота, 180 ²⁾; 9) орта столба воротный столб, 136; 10) муралиный орта столба муравленый воротный столб, 200; 11) орта доска воротная доска, *ibid.*; 12) орта пята пята ворот, *ibid.*; 13) плетень плетень, 155; 14) колеіа кол, 96 ³⁾; 15) конешна конюшня, 112; 16) скотный гуда скотный дом, 174; 17) баня, бания баня, банька, 172; 18) пожар пожар, 162.

¹⁾ Более точный перевод слова „куринка“, по-моему, не „курмыш“, а „куренъ“; мордовское „куринка“ и есть, собственно, видоизмененное русское „куренъ“, которое в Нижегородской губ. означает (по словарю В. Даля) „три избы и более в одной связи, куче; избы стоят гнездом, по две; куренем, кучкою“.

²⁾ А. А. Шахматов, считая слово „орт“ русским заимствованием, ссылается на мнение проф. J. Mikkola, что „эрзянское орта „ворота“ можно обяснить из русской формы *vorota*, перешедшей в *vorata* с редуцированной по законам мордовской фонетики гласной в неначальном слоге“ (А. А. Шахматов.—К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. „Изв. И. А. Н.“. 1911. VI серия, № 9. стр. 708. прим. № 1).

³⁾ Ср. с русским кольё ср. собир. колья (сл. В. Даля).

C) Одежда (14 заимств.):

1) одежда одежда, 109; 2) обр'ад, мн. ч. обр'адт одежда (наряд женский), 109; 3) наряд наряд, 176; 4) наряжяма наряжаться, 176; 5) чуба шуба, 206; 6) бола пола, 166; 7) праздничный руця праздничная „руця“ (женск. одежда) 72; 8) печальный руця печальная руця, *ibid.*; 9) запон запон, 176; 10) кушак кушак, 73; 11) шялинъ гушак шалевый кушак, 178; 12) хрес ведьмя покупная лента, на которой висит крест деревянный, надеваемый свахой во время свадьбы, 73; 13) лакумка сумочка, заменяющая карманы (лакомка), *ibid.*; 14) кисет кисет, 110.

D) Обувь (4 заимств.):

1) ступн'a лапоть, отличающийся от других формой и назначением, 80; 2) колоша галоша, 204; 3) башмак, башмакысь башмак, 176; цюлка чулок, *ibid.*

E) Головные уборы (5 заимств.):

1) чапка шапка, 110; шапканя – уменьш. ф., 184¹⁾; 2) олосникъ-шлыган²⁾ старый тип головного убора, почти не сохранившийся (ср. russk. „волосник“), 75; 3) сорока (*панга*) головной убор, надеваемый исключительно замужними женщинами (прожившими замужем не менее одного года), 72³⁾; 4) горниторовы фата „горниторовая“ (вероятно, гарнитуровая) фата, 180; 5) лента (*пр'a сюкс*) девичий головной убор, 75.

F) Украшения (6 заимств.):

1) мишара парча широкими лентами или нитями, нашиваемая на головных уборах, руциях и др. частях одежды,—признак богатства, 79⁴⁾; 2) блесткят маленькие медные кружочки, употребляемые, наряду с бисером, для украшения панги-головного убора, *ibid.*⁵⁾; 3) човалиянъ решотка нитка бисерного кружева на головном уборе, *ibid.*; 4) кружалат плетенье из шерстяных ниток, которое нашивается вместо вышивки на частях одежды, 78⁶⁾; 5) кольца кольцо, 176; 6) галанъ лапка гусиная лапка (род узора на вышивке панара-рубахи), 77.

1) Слово „чапка“ нельзя считать особым образованием, тождественным с польским *czapka*, во-первых, потому, что замена русского звука *ч* обычное явление в эрзянском языке (ср. чуба „шуба“, чиновой *чара* „шинованное колесо“ (206, 208), во-вторых, по наблюдениям диалектолога А. С. Мадуева, не только в русских говорах б. б. Петровского и Хвалынского у. у., но и в соседних формах „чапка“ совершенно не встречается.

2) В сб., вероятно, по опечатке ослоникъ-шлыган, 75.

3) Ср. русское „сорока“—головной бабий убор (арх., ниж., астр., урал., ряз., тул., орл., вор., тмб.),—по В. Далю.

4) Ср. русское (из арабского) „мишура“—„поддельное швейное золото и серебро“ (А. Преображенский.—Этимолог. словарь. Стр. 540).

5) Ср. по Далю: „блестка—точка, употребляемая в золотошвейных работах сплющенная пронизь“.

6) Ср. по „Справочн. сл.“ А. Н. Чудинова: „кружало-дощечка с дырочками разной величины, для разделения крупного жемчуга от мелкого (нвг., орл., твр.)“.

G) Пища (7 заимств.):

- 1) пиштя пища, 91; 2) закускин'а (уменыш.) закусочка 204;
- 3) каша каша, 91; 4) пирожки пирожки, 105; 5) калац'а калач, 196; здобны й сдобный, *ibid.*; 8) неварена іагуда невареная ягода, 224.

H) Напитки (5 заимств.):

- 1) брага брага, 109; 2) ведра брага ведро браги, 112; 3) вина вино, 109; 4) четверть вина четверть вина, *ibid.*; 5) пива пиво, 103.

I) Домашняя утварь (15 заимств.):

- 1) Столъ стол, 110; 2) столешнекъ скатерть, 176; 3) постель постель, 182; 4) тарка край край постели, 176; 5) утканъ бухынь ацама подстилка из утиного пуху, 206; 6) кошма кошма, 162; 7) лавсинъ крюка крючок от зыбки, 176; 8) ватула ватола, 105; 9) боцъка бочка, 109; 10) котел котел, 154; 11) немецень гукшун немецкий кувшин, 196; 12) стопка стопка, 188; 13) ц'арка чарка, *ibid.*, 14) ухват ухват, 98; 15) мешок мешок, 105.

J) Перевозочные средства (5 заимств.):

- 1) повоска повозка, 184; 2) чиновой чара шинованое колесо, 218); 3) збруй сбруя, 178; 4) черкесский зедла черкасское седло, 196; 5) вожд'а вожжа, 110.

K) Промысла и ремесла (14 заимств.):

- 1) мельнец'а мельница, 162; 2) поленц'ама вырубать, 166); 3) дрантязь дрантязь на драни (в других формах, по нашим наблюдениям, не употребляется; дрантязь дрантязь... лазнувли-мимъ „на драни... расщепал бы меня“), 216¹⁾); 4) д'огодъ деготь, 104²⁾; 5) лыки-трошки лыки (*трошки*—синоним лык) 218; 6) охотникъ охотник, 154; 7) охота охота, *ibid.*; 8) снасть снасть, *ibid.*; 9) борзый биня борзая собака, 202; 10) супрятка супрядка, 184; 11) гребушка гребень (от прялки), 178; 12) покрой и бокрой (после звонк. согл.) покрой (в портн. рем.), 218; 13) шолконъ зуря шёлковая нитка; шолконъ зуря пясында „шелковая нитка на конце (иглы)“, *ibid.*; 14) шорничама шорничать, 109.

L) Земледелие (2 заимств.):

- 1) сока соха, 208; 2) сокама пахать, *ibid.*.

О чём говорят нам заимствованные слова материальной культуры? Указывают ли они с несомненностью на невысокий уровень материальной культуры у мордвы, которая называет чужими словами такие скромные материальные понятия, как столб, доска, крючок, мешок и т. п.? Сказать это мы не имеем права, так как очень многие из вышеперечисленных слов до сих пор бытуют у мордвы в виде

¹⁾ Я делаю сближение с следующими значениями русского слова „дрань“ (по Далю): „дрань ж. дранье ср. собр.—колотые сосновые дощечки в сажень длины для кровель; дрань—лучина для решечения деревянных стен под штукатурку“.

²⁾ В сб., по-моему, неточно дегодъ (дегодень микшнима „продавать деготь“, 104).

своих эрзянских дублетов (напр., лаз „доска“, понгафтума „крючок“ и т. д.).

Следует отметить, что среди заимствованных русских слов материальной культуры в мордовских текстах „Сарат. Этногр. Сборника“ не встретилось ни одного, взятого из области высокой техники. Характерно, тем не менее, заимствование слов, означающих украшения довольно незаурядного качества: *мишура*, *гарнитур*, *фата* и некоторые другие. Обращает на себя внимание также заимствование родовых понятий: *пища*, *одежда*, *охота* и т. п.

От слов материальной культуры перейдем к рассмотрению русских заимствований в области социально-духовной культуры (4-й отдел принятой нами классификации). Все качественное разнообразие этого самого многочисленного по сборнику отдела может быть сведено к нижеследующим подотделам и рубрикам.

А) Административное устройство (3 заимств.):

- 1) губерн'a губерния, 188; 2) уезды нись уезд (собств., уменьш. уездец), 180; 3) округ округ (округа), 180.

В) Финансы (4 заимств.):

- 1) казань ловный счетчик денег (казны), 216; 2) грошня грош (правильнее—грошик: грошня—форма уменьш.), 174; 3) копейка копейка, 188; 4) полуушка полушка ($\frac{1}{2}$ к.), 103¹⁾.

С) Суд и преступление (6 заимств.):

- 1) судия судья, 192; 2) суд'ама·ряд'ама судить-рядить, 109; 3) вор вор, 194; 4) вор'атаман вор атаман, *ibid.*; 5) душа-губиць душегубец, 190; 6) згубама сгубить, 192.

Д) Армия (10 заимств.):

- 1) солдатства солдатчина (в сб. солдатство), 200; 2) некрутства некрутчина, *ibid.*; 3) солдат, 188; 4) солдатка солдатка, 194; 5) шпорэня шпора (морд. ф.—уменьш.), 196; 6) булатный бяйль булатный нож, *ibid.*; 7) татарынь жбага татарская шпага, 178; 8) пушкань гачама пушечный дым, 192; 9) полк полк, 188; 10) война, войнась война, 131.

Е) Торговля и товары (10 заимств.):

- 1) торговама торговать, 172; 2) нажувама наживаться, *ibid.*; 3) долг долг, *ibid.*; 4) лавка лавка, 204; 5) базар базар, *ibid.*; 6) ярмынка ярмарка, 202; 7) товар товар, 160; 8) кумач кумач, 204; 9) шолк шёлк, 196; 10) парца парча, *ibid.*²⁾.

F) Меры (2 заимств.):

- 1) аршин аршин, 188; 2) осьмина осьмина; осьмина ёамкст „осьмина пшена“, 190³⁾.

¹⁾ В сб. полуушка (вместе с копейка) употребляется в плясовой песне, выполняемой при обряде „пивас каимо“ (бросание в пиво): „Делиедо копейка, дилиедо полуушка“, 103.

²⁾ Оба слова (шёлк и парча) употреблены в метонимическом выражении шолкса-парцийса якить „в шелку-парче ходят“, 196.

³⁾ Некоторые меры времени были уже указаны нами в п/отделе „время“ (см. стр. 3).

G) Сословные и классовые отношения (9 заимств.):

- 1) бедный бедный; тонь ёфнетядызы пекъ бедныiat „го ворят, ты очень беден, 202; 2) бурлак бурлак, *ibid.*; 5) хрестьянка крестьянка, 178; 4) ямщик ямщик, 154; 5) купецъ купец 160; 6) боар барин, 184; 7) боара ва барыня, сударыня, 177; 8) боара ва свахиня барыня-сваха, 130; 9) боара виня барышня, 109.

H) Племенные отношения (1 заимств.):

- 1) народ народ, 138.

I) Родовые отношения (3 заимств.):

- 1) родн'a родня, 109; 2) родн'a-шабра родня шабры 131.; 3) чужой чужой; чужойс „в чужие люди“, 190.

J) Семейные отношения (22 заимств.):

- 1) аят-бабат стариk со старухой, 159; 2) дедасъ деду'шка, 108; 3) бабиня бабушка, 224; бабакасъ тоже, 105; бабушасъ тоже, 109; 4) тятька отец (тятька), 190; 5) тятушасъ горумушасъ батюшка горемычный, 111¹); 6) матушка матушка²); 7) корьменецъка съ кормилица (мать), 137; 8) горьмакасъ горемычная (мать), 190; 9) корьмайсъ кормилец (так называет (зват. ф. корьмай) молодая своего мужа при свекре, боясь старших), 108); 10) козяйка жена, 154, 174; 11) ба ба жена, 222; 12) грудинъ ботяй грудной ребенок (сосущий грудь), 192; 13) брат брат, 162; 14) роднэйнимъ родненький (мой) 168³); 15) ародной эйдъ неродное дитя, 170; 16) женихисъ жених, 109; 17) невеста невеста, 111; 18) девка девушка, девка (в смысле „старая дева“), 176; 19) сватысъ сват, 109; 20) сватанъ (*панга*) сватнина („панга“—головн. уб.), 75; 21) свахиня (уменьш. ф.) сваха, 130; 22) сваханъ (*панга*) свахина („панга“), 75.

Многочисленные заимствования в области семейных отношений представляют собой чрезвычайно любопытный факт, говорящий об очень сильном русском влиянии: не следует забывать, что мордва (и эрзя и мокша) обладает, наряду с заимствованиями, богатейшими собственными средствами для обозначения тончайших степеней родства, не находящих соответствующего отражения в русском языке.

K) БЫТ (42 заимств.):

а) Личные взаимоотношения (25 з.):

- 1) гость гость, 105; 2) гост'a гостья, *ibid.*; 3) лупушка лапушка, *ibid.*; 4) хорошинька хорошенъкий, 220; 5) дорожинъка дорогой, 218; 6) поклоннэ (уменьш.) поклон, 184); 7) пасиба спасибо, 92; 8) прошт'a ма прощаться, 188); 9) прост'a ма прощать, 138; 10) ступай, 184⁴); 11) ужа (ужо), по-

¹) Русская суффиксация позволяет считать тятюш'a заимствованием, при чём мягк. ш, м. б. указывает на давность заимствования.

²) В сб. переносное значение: карга-сарга-матушка „журавль-утка-матушка“ (обращение при обряде „опахивания“), 98.

³) В сб.—по отношению к брату, 168.

⁴) Заимств. только в форме повелит. накл.

стой, погоди; у жуда погодите 160; у шка погоди-ка, 129; у жыдыша погодите, 188; 12) на возьми, на, 190; 13) стречаіама встречать, 184; 14) приметама примечать, замечать, 166, 206; 15) неема-рядима увидеть-заметить¹⁾; 16) искувама спрашивать (узнавать), 178²⁾; 17) дай дай 105; 18) пеняц'ама жаловаться (пенять), 128; 19) досад'ама досадить, 113; 20) покордама оскорблять, 113; 21) силуй-милуй (нареч.) силой-милой (лаской), 178; ругательства: 22) сука сука, 208; 22) курва курва, 190; 24) злодей злодейка, ibid.; 25) дурак дурак, 204.

б) Игры и пляски:

1) Роштованъ гуда Рождественский дом, 103, 180; ад'ака, алгай, Роштованъ гудув, ад'ака, іалгай, киштимя кудув „пойдем-ка, подруга, в Рождественский дом, пойдем-ка, подруга, в плясовой дом“ 180³⁾.

в) Обряды нерелигиозного характера (11 заимств.):

1) свадьба свадьба, 109; 2) лад'ама ладить, сходиться, сговариваться (при сватании, ibid.; 3) кладка кладка (на свадьбе), 109; 4) гуляяма гулять (на свадьбе), ibid.; 5) бетлема запутывать (узлы на лапотных оборах,—про невесту), 111⁴⁾; 6) венчама руця венчальная (подвенечная) руця, 72; 7) провод'ама провожать (на свадьбе), 112; 8) провод'ама проводник (ibid.), 184; 9) запятн'ак запятник, ibid.; 10) наряжанъ ломатъ ряженые, 112; 11) гроп гроп, 194.

г) Varia (5 заимств.):

1) деркафтыма сдернуть, 182; 2) гад'ама замарать (испачкать), 174; 3) бац бац; бац мешокс „бац в мешок“, 105; 4) угад'ама (угодить), выйти (как следует), 176⁵⁾; 5) удалась удалась, (вышла), 176 (в друг. форм., по нашим наблюдениям, неупотребляется⁵⁾).

Л) РЕЛИГИЯ (40 заимств.):

а) Христианская религия (22 з.):

1) чуда чудо; мянь дж'уда что за чудо (154); 2) трисподн'ась преисподняя, 132; 3) столоверец старовер, 190; 4) поп поп, 91; 5) церькова церковь, 112; 6) обедн'а обедня, 200; 7) заутерн'а заутреня, ibid.); 8) служама молебен служить молебен, 91; 9) молетва молитва, 95; 10) свеча, све-

¹⁾ Ср. выражения: неема ряд'ама „увидеть-заметить“ и суд'ама-рядама судить-рядить“ (привед. выше на стр. 8).

²⁾ Или из русского искушать—испытывать, изведывать (Даль), или из еще более древней формы искати, ишоу, искоу—гл. искать, спрашивать, просить, расспрашивать и т. д. (Слов. др.-сл. яз. под ред. А. В. Старчевского. СПБ. 1899). М. пр., Mikkola гл. искать считает заимств. из русск. и в зап.-финск. яз. См. у нас стр. 14.

³⁾ В Роштованъ гуда выполнялися всевозможные игры, а также некоторые игры-обряды нерелигиозного характера (см. 103 стр. „Сар. Этн. Сб.“).

⁴⁾ Ср. русское „пеглять“—путать в прямом и в переносном значении—плутать; пётлить—вязать иглою или сеть“ (у В. Даля).

⁵⁾ Чачумада МитяньГул'а удалась, касумада боїравась у гад'авсь „рождением Дмитриева Куля (Акулина) удалась и по росту сударыня вышла“, 176.

чения (уменьш.) свеча, 194); 11) баславама благословлять, 111; 12) баславка благословение, *ibid.*; 13) обрад обряд, 109); 14) крестама перекрестить, 112; 15) венчама венчаться, *ibid.*; 16) поменка и поменкат (ед. и мн. ч.) поминки, 135, 136; 17) великий бост великий пост, 107. Праздники: 18) роштова рождество, 105; 19) троиц'a троица, 91; 20) Хролань д'ж'и Фролов день, *ibid.*; 21) праздникъ праздник, *ibid.*; 22) празнувама праздновать, *ibid.*.

б) Мифологические верования и обряды (18 заимств.):

1) коръменецъ (паз) кормилец (бог), 131¹); 2) окольц'a ваный вялинъ паз бог, хранитель села, постоянно пребывающий у околицы, 97; 3) бания-авушка-матушка-банная женщина-матушка, 92; 4) Іага-баба баба-Яга, 160; 5) Кролка Фрол (Фролка), 95²); 6) Потешка Потешка, *ibid.*²); 7) Бела бабанъ д'з'ераза старухи Беловой сын, *ibid.*²); 8) паксянь бравайтъ выправившие поле (первые засельники), 95; 9) каляды коляды (колядование, колядн. песня), 105; 10) „пивас каіамо“—„бросание в пиво“ (календарный обряд, выполняемый за неделю до р. Х.), 103; 11) буканъ озкс бычий „молян“, 93; 12) „Бабанъ гаша“—„бабья каша“ (языческий праздник), 91; 13) покштат бабат родители-старухи (обращение к покойницам-старухам на поминках), 135; 14) орожба ворожба, 98; 15) орожиама ворожить, 104; 16) вядун ведун, 112; 17) черъкстама зачертить, 98³); 18) водица—красна девица, 99⁴).

Как видно из простого перечня, в заимствованиях из области христианской религии преобладают понятия и предметы внешнего обрядового культа. Что же касается мифологических верований и обрядов, то здесь мы видим в общем, за немногими исключениями (напр., калада „коляды“), заимствование не новых понятий, верований и обрядов, а только приспособление (иногда частичное) русских слов для обозначения явлений, по всей вероятности, существовавших у мордвы помимо русского влияния („бабанъ гаша“, „пивас каіамо“, паксянь бравайтъ, бания-авушка-матушка и т. д.).

М) Этические понятия (5 заимств.):

1) правда правда, 200; 2) кривда-правда кривда-правда, *ibid.*; 3) слава, славиня (уменьш. ф.) слава, славушка, 131; 4) гречный гречный,-ая,-ое, 188; 5) лихъи ломанъ лихой человек, 200.

Н) Эстетические понятия (1 заимств.):

1) добрэйнесь прекрасный (красивый), 220.

О) Народное творчество (1 заимств.):

1) побаска побасенка, 188.

¹) Корменецъ в сб. является эпитетом к языческому божеству „вере паз“.

²) Паксянь бравайтъ Кролка, Потешка, Бела бабанъ д'з'ераза, озныда кисыныкъ, Выправившие поле (первые засельники) Фрол, Потешка, старухи Беловой сын, молитесь за нас“, 95.

³) Слово это употребляется при „ворожбе для срезывания (изгнания) заразы“, 98, 99.

⁴) Употребл. при „ворожбе от трахомы“, 99, 100.

Р) Собственные имена (51 заимств.):

а) Имена людей (34 заимств.):

- 1) **Анка** ¹⁾ Анна, 220; 2) **Вавилка** Вавила, 226; 3) **Васька** Васька, 204; 4) **Гриша** Гриша, *ibid.*; 5) **Ден'a** Денис, 222; 6) **Дуброва** Дуброва, 168; 7) **Дун'a** Дуня, 220; 8) **Егорь** (Егорь) Егор, 154; 6) **Илюшка** Илюшка, 194; 10) **Катя**, Катюша, Катеринуша Катя, Катюша, Катеринушка, 191; 11) **Леска** (Лёска) Александр, 222; 12) **Люкшамка** Люкшамка, 186 ²⁾; 13) **Малка** Маланья, 222; 14) **Мар'a**, **Машун'a** Марья, Машуня, 107, 198; 15) **Мат'a**, **Матря** Матрёна, 204, 206; 16) **Мит'a** Митя, 162; 17) **Над'a** Надя, 99; 18) **Наста** Настасья, 222; 19) **Ната** Ната (Наталья), 206; 20) **Окулена** Акулина, 162; **Куля**—уменьш. от Окулена, 174, 176; 21) **Ола** Оля (Ольга), 220; 22) **Олда** Евдокия 135; 23) **Олёна**, **Оленка** Олёна, Аленушка, 135, 194; 24) **Полагея** Пелагея, 172; 25) **Пронька** Пронька, 109; 26) **Проска** Прасковья, 220; 27) **Самсон** Самсон, 218; 28) **Сережинька** Сереженька, *ibid.*; 29) **Сема**, **Семоша** и **Зема**, Земаша (после звонк. согласн.) Сёма, Сёмуша (в сб. Семаша), 206; Семён (точнее было бы Сем'он (*Sem'jon*) Семен, 198; 30) **Танюша** Танюша, 202; 31) **Тиш'a** Тиша, женск. имя от русского Тихон в уменьш.-ласкат. ф.: Тиши патята ил'a мольт'a, ил'a мол't'a Тиши аватя „не ходи к старшей сестре своей Тиши, не ходи к матери Тиши“, 174; 32) **Тюма** Тимофей, 218; 33) **Ул'aна**, Ул'aша Ульяна, 222, 172; 34) **Лакув** Яков, 135.

б) Фамилии (7 заимств.):

- 1) **? Голев** Голева; чачумада... Голев удалась „по рождению... Голева удалась“, 180; 2) **? Лютова** Лютова, 182; 3) **Проненькат** Пронины, 109; 4) **Иванынь** Матрясь Иванова Матрена, 204; 5) **Илюшянь** Гриша Ильин Гриша, 204; 6) **Кандрань** Олда Кондратьева Евдокия, 220; 7) **Филькань** Дюма Филиппов Тимофей, 218 ³⁾.

в) Этнографические названия (3 заимств.):

- 1) **мордовка** мордовка; горнилофка **мордовка** „бубенец-мордовка“ 224; 2)? **татар** татарин, 154; 3)? **ногай** ногаец, 166, 172.

г) Географические названия (7 заимств.):

- 1) **Баран латка** Бараний овраг, 93 ⁴⁾; 2) **Савка вялись** Савкино (село) 112; 3) **Сининкасъ** Синенъкие, *ibid.*; 4) **Лопати-**на Лопатино (село), 224; 5) **Саратув** Саратов, 198; 6)? **Яикъ** Яик; Яикъ мастырнес... в „Яик-землю“..., 194; 7) **Китай** Китай, 196.

Какие выводы напрашиваются по поводу только что перечисленных заимствований у мордвы в области социально-духовной культуры?

¹⁾ Жирное н=н (задненёбн. носов. н), по маркеловской транскрипции.

²⁾ Из русского „люкша“. См. дальше у нас на стр. 20 и 33

³⁾ Последние четыре фамилии могут быть приняты и за отчества, особенно если это старые заимствования, так как в старину фамилий не было,

⁴⁾ Название оврага в селе Савкине, б. Петровского у. (см. стр. 73 „Сар-Этногр. Сборника“).

Эта категория заимствований в два с лишним раза превосходит заимствования по материальной культуре и составляет приблизительно половину всех русских заимствований на страницах „Сарат. Этногр. Сборника“. Никаких общих выводов сделать отсюда, конечно, не представляется возможным по вполне понятным и изложенным нами раньше причинам (случайность и неполнота собранного в сборнике материала). Интересно отметить, что внутри данного отдела заимствований первое по количеству место занимают собственные имена (51 заимств.), второе—бытовые слова (42 заимств.), третье—религиозные термины (40 заимств.), четвертое—семейные отношения (22 з.) и последнее—родовые отношения (3 заимств.), племенные (1 заимств.), эстетические понятия и фольклор (по 1 заимствованию). С любопытным явлением мы сталкиваемся в собственных именах: с одной стороны, встречаются оригинальные имена, не имеющиеся, повидимому, у русских (Люкшамка, Потешка), а с другой—русское имя мужчины (Тихон) попадает у мордвы к женщине. Последнее обстоятельство не должно нас особенно удивлять, так как, по авторитетному свидетельству проф. А. А. Гераклитова, у мордвы подобные казусы зафиксированы в официальных документах. В. „Ревизских сказках“ за 1762-й год мы найдем, напр., мордовское мужское имя Аньутка, а женское Костька (Коська—от Константин) и т. п.

Нам осталось рассмотреть заимствованные слова, имеющие чисто формальное значение. Вот их список (44 заимств.): 1) каждый, 91; 2) самый, самы самый; викшники самы покши винас „(мы) вышивали до самого большого вина“, 110; 3) та та (мест.); та бородушка моя, заимств. цел. выраж., 226; 4) цела целый; цела куц'я чавнысь нумул „целую кучу набил зайцев“, 154; 5) первой первый, 174; 6) вот, вона, вана, вунак вот, 109; 98, 154; 7) вот и вот и; вот и пара „вот и хорошо“, 109; 8) аз-р'я не зря (не даром), 109; 9) лу чи лучше, 216; 10) больши больше, 137; 11) скорей скорей, 109; 12) нель з'я нельзя, 112; 13) только, толька только, 96, 155; 14) сётки все-таки, 111; 15) кругом, гругом (после звонк. согл.) кругом; вялинь гругом „кругом села“ 98; 16) р'адс подряд; пурныть р'адс сюра „соберут подряд хлеба, 91; р'адс-р'адс рядом (в ряд); р'адс-р'адс путэ іармакт „рядом кладет деньги“, 110; 17) на ружи наружи, 224; 18) бокас на (около, подле, возле, у, при), предлог (морд. после лог) навоз бокас ёрдэя „на навоз бросил“, 182¹); 19) и и (союз), 106; 20) уж и уж и; уж и гулясть „уж и гуляли“, 110; 21) да да, утв. част., также союз „и“ и „но“; лама содэнь, да стуфувстъ „много знала, да (но) забыла“; кетсында кисет іармакт да кячя „в руках у него кисет да (и) ковш“, 110; 22) ежли ежели, 106; 23) ежли толька если (ежели) только, 106; 24) али или, ibid.; 25) коли коли (если), 111; 26), хуть, хушь, куть хоть, хотя, 202, 154; 27) шты что (союз), ibid.; 28) штоли что ли, ibid.; 29) может, можа может быть, 202; 30) тожа тоже, 112; 31) эшшо еще, 106; 32) а-а, но, 112; 33) аней уж, а теперь уж, ibid.; 34) бу, ба бы (част.); ист'ак ба „так бы“, 109; кога бу как бы, 159; 35) бути то (част.); когда бути как-то, 96;—если; бути матиц'я алув озат „если под матицу сядешь“, 109, Син.; бута будто, 110; 36) жа же (част.); ко-

¹⁾ В сб. бокас переводится через предлог „на“, по-моему, не совсем точно. Ср. с шахматовским бока, бокас „у, при“: k'i bokas el'd'i vasyjas, „у дороги ожеребилась кобыла“ (А. А. Шахматов—Морд. Этн. Сб. 1910, стр. 808).

да жа „как же“, 109: 37) уж уж (част.), 112; а ней уж „а теперь уж“, *ibid.* (см. выше № 33); уж пожалуй „уж пожалуй“, 109); 38) ну ну, *ibid.*; ну, ну—ну, ну 154; 39) ну а—ну а; ну а майля „ну а потом“, 128; 40) ну што жа ну что же, 220; 41) ведь ведь (част.), 109; 42) ведь вунак ведь вот, *ibid.*; 43)? ка ка (гл. част.) ст’ака „встанька“ и т. п., 111, 112 и др.; 44) то то (союз), 109.

В перечне заимствованных слов с формальным значением мы видим наречия, союзы, местоимения, частицы и один только предлог (морд. послелог) бокас „возле, подле“, да и то образованный из русского существительного. Между прочим, этот предлог является единственным, заимствованным из русского и для шахматовского „Мордовского Этнографического Сборника“ (1910)¹⁾. Уместно задать вопрос, почему эрзя б. Петровского, Хвалынского и Саратовского (у А. А. Шахматова) у. у. обошлась без заимствования из русского предлогов? Ответ может быть только один:—значит, не ощущалось нужды в таком заимствовании. Действительно, мы должны констатировать тот факт, что мордовский язык чрезвычайно богат средствами для выражения разнообразнейших отношений между предметами мысли. Этот язык, благодаря удивительно развитым формам склонения (насчитывается до 14 падежей), позволяет себе роскошь обходиться без предлогов (недостатка в которых, м. пр., тоже не наблюдается) в очень длинном ряде случаев, когда русский, напр., язык вынужден прибегнуть к их помощи.

После обзора русских заимствований в мордовском по „Сарат. Этногр. Сборнику“ нам невольно хочется сделать сопоставление с известным трудом проф. Joos. J. Mikkola „Berührungen zwischen den westfinnischen Sprachen. I. Slawische Lehwörter in den westfinnischen Sprachen“. Helsingfors. 1894. Оказывается, что 75 из всех указанных нами русских заимствований в мордовских текстах соколовского сборника и проф. Mikkola отмечены как русские заимствования²⁾ в западно-финских языках. Эти совпадающие заимствования следующие: баба, башмак, благословить, богатырь, бок, борода (в сокол. сб. „бородушка“), братан (в сб. „брат.“), вино, вода (в сб. „водица“—в выражении „водица-красна девица“), вожжа, ворота, вор, год, гость, грех (в сб. „грешный“), дёготь, дума, думать, жалеть, жених, заря и зорька, зброя, искать (в сб. искувама „спрашивать, разузнавать“), капуста, каша, калоша, кольцо, копейка, котел, край, крест, кувшин, купец, курва, кушак, ладить, лента, лента, лён (в сб. „льняной“), лицо, луг, народ, неделя, охота, охотник, пар, песок, печь, пиво, пирог (в сб. „пирожки“), пола, полк, поп, пост, пух, род (в сб. „родня“, рождество, ряд (в сб. „рядом“, „в ряд“), служить, солдат, сорока, со-

1) См. там стр. 808—810.

2) Безусловно, прав А. А. Шахматов, а вслед за ним и Д. В. Бубрих, „что древнейшие славянские заимствования в прибалтийско-финских языках не могут быть названы русскими, а должны быть названы праславянскими. Русская речь перед нами только там, где налицо признаки русской речи. А признаков русской речи в древнейших славянских заимствованиях в прибалтийско-финских языках нет: в них нет еще русского полногласия (финское *karsta* при русск. *короста*, финское *palettina* при русск. *полотно*, финск. *talitta* при русск. *долото*, финск. *värttää* при русск. *вертено* и т. п.), неи еще русской утраты носовых гласных (финск. *suntia* или *suntio* при русск. *судии*, эст. *und* при русск. *уда*), нет еще преобразования *t'* в *c'* (финск. *kaatio* при русск. *диал. гачи*)“. (Д. В. Бубрих.—Финноугорское языкознание в СССР.—Ст. в „Финноугорском Сборнике“ Академии Наук СССР, Ленинград, 1928, стр. 118 (примечание № 5).

ха, спасибо, судить, судья, товар, толк, троица, туман, улица, чарка, шапка¹), шёлк, шуба, Яга (в сб. „баба-Яга“), ярмарка².

Сделав обзор заимствованных из русского мордовских слов, попытаемся разрешить проблему давности заимствования: какие из перечисленных нами слов являются словами давнего, глубокого заимствования и какие—недавнего, неглубокого? Вопрос этот труден и сложен. Во-первых, в лингвистической литературе совершенно нет ни хорошего, ни плохого мордовского словаря иностранных слов, в котором бы определялась эпоха заимствования тех или иных, в том числе и русских, слов. Во-вторых, на ряду с усвоенными русскими имеет одинаково распространенное и законное обращение немалое количество своих кровных эрзянских слов. Ходят как бы две равного достоинства языковые монеты: мордовская и русская, но на русской монете почему-то, как нарочно, не оттиснут год выхода в свет. Луч света проливают от части на затронутый нами вопрос работы J. J. Mikkoli, A. A. Шахматова и особенно Д. В. Бубриха. Два первых ученых, на основании исследования лексического состава финских языков, а также некоторых культурно-исторических соображений о древнейших взаимоотношениях славян и финнов (Шахматов), пришли к выводу, что в языке поволжских финнов (мордвы и черемис) нельзя искать сколько-нибудь древних славянских элементов. „Вряд ли даже“, говорит А. А. Шахматов, „можно указать, например, в мордовском языке такие заимствования из русского языка, которые возводились бы к эпохе общерусского прайзыка; между тем, те же языки (поволжских финнов) подверглись, несомненно, в очень старое время влиянию иранских языков, а мордовский обнаруживает довольно значительное число заимствований из языков балтийских. Спрашивается, от чего же зависит отсутствие в поволжских финских языках заимствований из общеславянского прайзыка при наличии заимствований в них из языков иранских (скифо-сарматских) и балтийских (литво-латышских)?—Конечно,—отвечает Шахматов—от того, что славяне в эпоху, предшествовавшую их распадению (в эпоху существования общеславянского прайзыка), не соприкасались в своих жительствах с поволжскими финнами, между тем как балтийцы (литво-латыши) и иранцы (скифо-сарматы) были исконными соседями этих финнов“ (А. А. Шахматов.—К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. „Известия И. А. Н.“ 1911. № 9, стр. 707—708).

Д. В. Бубрих в упомянутой уже нами в предисловии работе „К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях“ устанавливает довольно определенно момент начала русского воздействия на мордовскую речь. Это был, по его мнению, приблизительно XIII век или возможно, конец до-татарского исторического периода. Основанием для такого утверждения служит у Д. В. Бубриха то обстоятельство, что, по его наблюдениям, в мордовском языке (в русских заимствованиях) ясно различается „в общем“ северо-великорусское оканье и другие северо-великорусские явления в эрзянском и южно-великорусское оканье и другие южно-великорусские явления в мокшанском наречии. При этом некоторые общемокшанские случаи типа *soka* „соха“ и *orta* „ворота“, сохраняющие оканье вместо ожидаемого аканья, позволяют Д. В. Бубриху предположить южно-великорусское

¹) Сопост. с нашим примечанием на стр. 6.

²) См. стр. 188—192 вышеупомянутой работы J. J. Mikkola.

воздействие на мокшанскую речь до эпохи возникновения южно-великорусского аканья, т.-е. приблизительно до XIV века (следовательно,— приблизительно XIII века).

Исследованные нами русские заимствования в мордовском по материалам „Саратовского Этногр. Сборника“ как будто бы не противоречат основным положениям А. А. Шахматова, J. J. Mikkoli¹ и (см., м. пр. статью, помещенную в „Finnisch Ugrische Forschungen“, I, 1, 114, где проф. J. Mikkola утверждает, „что в мордовском языке нет старых заимствований из славянского, точнее из русского языка“¹), а также Д. В. Бубриха. Тем не менее, дальше общего положения об отсутствии в интересующих нас эрзянских говорах б. Петровского и Хвалынского у. у. очень глубоких, древних заимствований из русского языка мы, к сожалению, в данный момент, по недостаточной изученности вопроса, итти не можем. Говорить здесь о возможности сколько-нибудь точно обозначенных хронологических границ и прикреплении тех или иных слов хотя бы даже к определенным столетиям не приходится. Мы не можем согласиться с мнением проф. Г. А. Ильинского,² который пытается отнести русские заимствования в мордовском, отразившиеся в „Сарат. Этногр. Сборнике“, к эпохе до XIII века,—на том основании, что в них „лишь крайне слабо отразились“ возникшие в этом столетии в русском языке „явления аканья и диспалатализации е после мягких согласных“. Аргументация Г. А. Ильинского не может быть подтверждена данными русской диалектогеографии. В пределах б. Саратовской губ., как известно, встречаются и северно-великорусские, и средне-великорусские, и южно-великорусские говоры. Что же касается б. Хвалынского и Петровского у., к которым принадлежат представленные в сборнике мордовские села,³ то русское население первого (по наблюдениям члена Моск. Диалектол. Ком. А. С. Мадуева) сплошь северно-великорусское, оказывающее, а во втором мы имеем переходные от с.-в.-р. к ю.-в.-р. аканья средне-великорусские говоры, по всей вероятности, позднейшего образования, ибо до сих пор тут встречаются деревни, где старики ещеокают, в то время как молодежь акает (но не наоборот). Следовательно, отсутствие аканья в русских заимствованиях у эрзи б. Хвалынского у. есть, повидимому, явление перманентное, закономерное и, может быть,—в этом нет ничего удивительного—вчерашнего дня, а в б. Петровском у. оно может служить самое большее лишь признаком относительной давности заимствований, вовсе не обязательно восходящей к эпохе до XIII века. Наконец, аканье (или аканье) в русских заимствованиях могло возникнуть уже самостоятельно, помимо русского влияния, на родной эрзянской почве, так как указанные явления столь же свойственны мордовским говорам, как и русским, и иногда могут не совпадать. Я позволю здесь себе сослаться на примечание № 95 к „Очерку русской диалектологии“ М. Д. К., где сказано: „Любопытно отметить, что в то время, как чисто русское на-

¹) Выдержка из цитированной выше статьи А. А. Шахматова, стр. 708, примеч. № 1.

²) высказанным в письменном отзыве на нашу дипломную работу „Русские заимствования в мордовских текстах „Сарат. Этногр. Сборника“ 1922 г.“, защищенному в 1926 году.

³) В Соколовском сборнике имеются материалы по мордовским селам и других у. у. б. Саратовской губ., но эрзянские тексты относятся только к указанным в предисловии и приложении (гл. V) 7 селениям б. Петровского и Хвалынского у. у.

селение в. части Ардатовск. у. акает, мордва (в этой части уезда — эрзя), окруженнная со всех сторон р. поселениями, говоря по-русски, окает. *Дурново, Кр. от¹⁾*. Значит, случаи несовпадения русского и мордовского аканья и оканья имеют, повидимому, место в других губерниях и не могут быть, по крайней мере, исключены и для Саратовской мордовы²⁾. В итоге критерий слабого аканья (при оканье) для определения давности русских заимствований у эрзи б. Хвалынского и Петровского у. у. должен быть признан ненадежным.

Спорным также, по нашему мнению, остается для разрешения проблемы и критерий слабости отражения в русских заимствованиях у мордовы явления русской диспалатализации в после мягких согласных. Заключение по данному факту о давности (до XIII века, по приведенному выше мнению проф. Г. А. Ильинского) тех или иных русских заимствований в эрзянском следует признать недостаточно обоснованным. Пожалуй, скорее и лучше всего отмеченное явление может быть об'яснено действием законов мордовской фонетики, эрзянского чередования гласных и согласных, не совпадающего с русским. Слабое отражение в русских заимствованиях у мордовы диспалатализации в после мягких согласных как раз, может быть, говорит только о большой устойчивости законов эрзянской гармонии гласных и их взаимоотношений с согласными и в гораздо меньшей степени о глубокой давности заимствований.

В русских заимствованиях у эрзи б. Хвалынского и Петровского у. мы наблюдаем во многих случаях цоканье, выражющееся в замене русских „ц“ и „ч“ мягким „ц“ например: цюлан, ц'арка, цюлка, боцька, калац'а, пецька, гольц'а, матиц'а, ульц'а, окольц'а, пяця, купець, кумаць и т. д. Может быть, здесь, перед нами случаи старого заимствования? Сказать с определенностью повидимому, невозможно, приняв во внимание соседство цокающих до настоящего времени северо-великорусских говоров в б. Хвалынском у. и средне-великорусских в б. Петровском, где также до сих пор еще есть цокающие и нецокающие говоры. На основании цоканья можно говорить лишь, пожалуй, да и то со значительными оговорками, об относительной давности соответствующих русских заимствований, так как звук ц в данных русских говорах³⁾ бывает большею частью твердым, но иногда средним между мягкими ц и ч, а также мягким или же смешиивается⁴⁾.

Таким образом, при определении давности русских заимствований в эрзянских говорах на основании оканья (при слабом аканье) и цоканья б. Хвалынский и Петровский у. у. оказываются едва ли не самыми сбивчивыми и трудными районами.

Дело в необычайной степени осложняется и запутывается еще тем обстоятельством, что мы ни на минуту не должны забывать о сравнительно поздней колонизации названных уездов, как и всего

1)— Труды Московск. Диалект. Ком. Опыт диалектологич. карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Москва. 1915. Стр. 97.

2) Мы разумеем, конечно, случаи несовпадения аканья и оканья исключительно в русских заимствованиях.

3) По наблюдениям диалектолога А. С. Мадуева.

4) Ср. с утверждением А. А. Шахматова относительно сухо карбулацкого и оркинского говоров, что „мягкое с, заменяют, между прочим, русские ц и ч в более старых заимствованиях: cád, cárka, cás“ и т. д. („Морд. Этногр. Сборник“, стр. 741).

вообще Саратовского края. Не только мордовское, но и русское население появляется здесь, как известно, очень недавно—всего лет 200—300—400 тому назад. Следовательно, если у эрзи б. Хвалынского и Петровского у. у. предполагать старые заимствования из русского языка, особенно восходящие к эпохе до XIII века, то нужно знать территории, откуда эта эрзя пришла, в соседстве с каким русским населением там жила и какое языковое влияние она испытала. Может быть, эрзя была окружена в тех местах такими же точно русскими говорами, что и теперь в пределах двух вышеназванных уездов? Это вполне допустимо и возможно, и так оно, вероятно, и было, судя по данным истории мордвы. Тогда что же явится в наших руках надежным критерием для определения давности тех или иных русских заимствований у мордвы, если фонетические признаки (оканье, слабое аканье, цоканье) и там, и тут будут почти или совершенно одинаковыми? Ответ ясен сам по себе, не требуя комментариев.

Нечего и говорить, конечно, о большинстве заимствованных слов с какими-либо другими признаками, когда ни фонетический, ни культурно-исторический критерий не может быть использован для установления давности заимствования их из русского языка (напр., пива, вина, стада и т. д.). Здесь лучше всего отказаться от решения вопроса до более благоприятного момента.

Однако, у нас имеются основания относить к сравнительно старым заимствованиям одну категорию слов, именно христианские (и нехристианские) имена и фамилии (собственно, отчества, так как фамилий раньше не было—их заменяли отчества). Крещение мордвы в общероссийском масштабе произошло в 40-х и 50-х годах XVIII столетия. Казалось бы, что тут-то и должны были появиться у мордвы русские христианские имена, или, позже, основной поток их должен был влиться в этот именно исторический момент.

Но подобный взгляд не соответствовал бы действительности. В доказательство мы позволим себе сослаться опять на авторитетное указание проф. А. А. Гераклита, который сообщил нам, что почти все (можно сказать, даже все) общеупотребительные христианские имена встречаются у мордвы в официальных документах гораздо ранее христианизации, примерно с XVI века. С принятием христианства происходили (во многих случаях) лишь замены одних христианских имен другими: напр., какой-нибудь мордвин, называвшийся до крещения Игнатием, „по святом крещении“ получал имя Андрея, Алексей—Павла, или даже еще лучше: язычник Григорий Васильев после крещения становился Степаном Никитиным¹⁾.

Не подлежит сомнению, что и названия многих христианских праздников (напр., троица „троица“, роштова „рождество“), а также, может быть, некоторых предметов и понятий религиозного культа (церькова, поменката и т. п.) перешли к мордве еще до ее христианизации. После же принятия христианства русские религиозные термины не стали встречать уже никаких препятствий для своего проникновения в мордовскую среду.

Следует выделить особо, в виду большого интереса, вопрос о давности заимствования из русского слов с формальным значением.

¹⁾ Последний случай засвидетельствован в „Ревизской сказке З-й ревизии по Узинскому стану, Пензенского у., 1762 г.“.

Некоторые из этих слов (напр., лучи, больши, на [не предлог]) могут быть заменены коренными мордовскими словами (седе пара, седе лама, сайть или саикъ). Но большинство настолько вошли в плоть и кровь эрзянской речи, что та не знает соответствующих им своих эквивалентов. При таком положении соблазнительно приклеить к ним ярлык старого заимствования из русского, но, нам кажется, в данном случае нужна особенная осторожность, и пока основательно не изучены древние (относительно) мордовские памятники, а также не решен окончательно вопрос об асиндентичности в уgro-финской группе языков, лучше воздержаться от легкого способа разрешения проблемы.

После того как мы рассмотрели, какие русские слова и когда приблизительно проникли в эрзянскую речь, мы не можем пройти мимо вопроса, по каким же путям совершалось заимствование: по каналу русского народного языка или же по каналу литературного русского языка, с которым мордва знакомилась, напр., в начальной школе. Как известно, школа является вообще хорошим проводником литературного языка в толщу народных масс. Там, где есть школа, сглаживаются постепенно в той или иной степени особенности местных говоров, по крайней мере, в устах школьников. Следовательно, аргумент нельзя отрицать и у мордвы всей важности влияния фактора школы на процесс проникновения русских заимствований. Ведь не нужно забывать, что до революции языком преподавания в мордовской школе был не родной язык учащихся, а так называемый „государственный“ русский язык. Еще и теперь в этом отношении дело обстоит не вполне благополучно. Однако, несмотря на всю теоретическую убедительность нашей предпосылки, мы вынуждены признать довольно слабое влияние языка школы в конкретных говорах саратовской эрзи, исследуемых нами по записям М. Т. Маркелова. Прежде всего ни на минуту не следует упускать из виду, что самые школы у мордвы (конечно, с „великодержавным“ русским языком преподавания) появились совсем недавно, лет 50—60 тому назад, и при том в необычайно минимальном масштабе, так как царское правительство не имело особенной охоты раскошелиться на просвещение „инородцев“. Если мы будем исходить из фонетических признаков заимствованных слов, то последние самым решительным образом приведут нас к совершенно другому источнику русского влияния, именно к северно-великорусским окающим и цокающим народным говорам и отчасти к переходным от с.—в.—р. к ю.—в.—р. акающим средне-великорусским говорам.

Отсюда оканье (при слабом аканье), случаи цоканья и другие явления вышеназванных народных говоров в русских заимствованиях у эрзи б. Хвалинского и Петровского у.у.

К таким результатам приводит лингвистический анализ. Примеры излишни, так как ими является абсолютное большинство прошедших перед нами слов при классификации их на отделы и под-отделы.

II. Семантика.

От словаря заимствований естественно перекинуть логический мост к их семантике. Спрашивается, осталось ли без изменения значение заимствованных русских слов в мордовском, или же на новой почве они приобрели и новое семантическое окружение, новое осмы-

сление. Повторяем, что данный вопрос затрагивается нами не во всей своей широте, а лишь отчасти, вскользь, попутно с словарем. Как общее правило, русское значение сохраняется в абсолютном большинстве случаев. На 428 заимствований в „Сарат. Этногр. Сборнике“ падает не свыше одного десятка более или менее значительных отклонений в сфере мордовской семантики, по сравнению с русской. Сосредоточим свое внимание на этих отклонениях. Одно, именно приобретение русским мужским именем (Тихон) значения женского в мордовском осмыслинии, было нами уже отмечено несколько раньше¹⁾.

В нехристианских собственных именах русского происхождения мы также имеем дело с видоизменением значения: в русском эти слова (Потешка, Дуброва, Люкшамка, т.-е. люкша, левша) могли и не означать собственных имен.

Интересна, далее, замена этического оттенка эстетическим русского слова „добрый“ (в отношении к человеку): добрэй не съ Мар‘а (стр. 220 сб.) переводится не „добрая Мария“, а „прекрасная (в смысле „красивая“) Мария“; иного значения в отношении к человеку слово „добрый“ в мордовском, насколько нам известно, не имеет²⁾, тогда как в русском, наоборот, „добрый человек“ не означает „красивый человек“.

Заимствованное прилагательное „счастливый“ (уцаскав, 112) получает свое осмыслиние в мордовском не от русского „счастье“, но от русского „участь“ (судьба, рок, жребий, доля); ни одно же из русских прилагательных, произведенных от „участь“ (участный, участливый и т. д.) не употребляется в значении „счастливый“.

В русском языке слово „устав“ и даже „установка“, конечно, не означает „осанку“, „стан“; в мордовском же, наряду с совпадающими русскими осмыслиниями (в соколовском сборнике случайно незасвидетельствованными), слово устав имеет значение именно „осанки“, „стана“ (стр. 112 сб.).

В одной эрзянской песне русское прилагательное „милый“, под влиянием непосредственно соседящего с ним (предшествующего) и также заимствованного наречия силуй „силой“, у мордвы превратилось, по законам внутренней поэтической рифмовки, в новообразование милуй „милой“ (т.-е. лаской), аналогичное силуй, но не свойственное русскому языку: Силуй—милуй, іалган‘акай, сынь монь даргимизъ „Силой—милой (лаской), подруженька, меня вытащили“ (178, 179 стр. сб.).

В другой мордовской песне, очень старинной (Вирь д‘жириса Эрзянь д‘зерась пянькъ кярясь „На опушке леса парень—Эрзя дрова рубил“, 166, 167), мы находим глагол поленцясь „вырубал“, кашевой, безусловно, нужно производить от russk. сущ. „полено“: Вирь д‘жириса Мокшонь алясь поленцясь „На опушке леса молодец Мокша вырубал“ (дрова,—повидимому, складывал в поленницы), ibid.

Любопытное видоизменение значения получил русский глагол „рядить“ в выражении Ки неезя—ряди зя? „Кто увидел—заметил?“ (184); здесь, т. обр., „рядить“ означает „заметить“, что вовсе не совпадает с „договариваться, нанимать“ или „править“ (древнерусское

¹⁾ См. стр. 12.

²⁾ Речь все время идет только об эрзянских говорах б. Хвалынского и Петровского у.у., представленных в соколовском сборнике.

„рядити“) — основными значениями русского глагола „рядить“ (см. „Этимологич. словарь русск. языка“ А. Преображенского, вып. II, стр. 240). Сочетание *неема* — ряд'ама „увидеть—заметить“, очевидно, построено по способу суд'ама — ряд'ама „судить—рядить“, — другого русского заимствования, в котором семантическая оправа глагола „рядить“ осталась неповрежденной, без изменения.

Некоторое, если можно так выразиться, усиление значения, по сравнению с русским оригиналом, мы наблюдаем в заимствованном глаголе покордама „оскорблять“ (113). Русское „покориться с кем“, соответствующее мордовскому покордама, означает лишь „посчитаться, побраниться, попрекнуть, попенять друг другу“ (см. в сл. В. Даля). Возможен, впрочем, в данном случае неточный перевод в соколовском сборнике гл. покордама на русский.

Укажем, наконец, еще на одно семантическое превращение. Русское существительное „бок“, будучи заимствовано мордвою во всех своих основных значениях, стало обращаться на мордовском языковом рынке с дополнительным значением предлога (морд. послелога) на (около, возле, подле, у, при)¹⁾.

III. Фонетика.

Заимствованные слова обыкновенно применяются к произношению своих слов, т.-е. на них распространяются звуковые законы асимилирующего их языка, действующие в момент или эпоху заимствования.

В какой же фонетический костюм переоделись русские слова, усвоенные мордвою и, к сожалению, недостаточно точно, в смысле транскрипции, передаваемые на страницах „Саратовского Этногр. Сборника“?

Прежде всего, не может не броситься в глаза (при чтении вслух знающими эрзянский язык) своеобразная, непохожая на русскую расстановка ударений в заимствованных словах. Мы должны оговориться, что в сборнике никаких вообще ударений нет (этого мы и не можем требовать, поскольку основные задачи сборника не лингвистические, а этнографические), и возбуждение вопроса об ударениях принадлежит, собственно, исключительно нашей инициативе. Имеем ли мы право это делать? Поскольку говоры исследуемых эрзянских сел практически хорошо знакомы и нам, думается, в известной мере, имеем. Тем не менее, желая быть возможно более осторожными, мы не беремся расставить ударения в каждом конкретном случае, в каждом отдельном слове, а собираемся изложить лишь основные правила ударения для названных говоров. Нам кажется, большого научного преступления мы здесь не сделаем, выйдя несколько за пределы фактических данных, сообщаемых сборником.

Как правило, ударение в эрзянском в подавляющем большинстве случаев является оттянутым на начальный первый слог. Отступления могут встретиться лишь в индивидуальном произношении и, главным образом, в связной речи, когда соседство других слов влияет на характер ударения в слове, произносимом несколько иначе в несвязной речи. В пятисложных словах ударение переносится на срединный слог, напр.: горнитбрóвый, душагубицинь; во многих четырехсложных словах довольно отчетливо слышатся, пови-

¹⁾ См. у нас на стр. 13.

димому, два ударения: главное и побочное, напр.: кáла ц'áда, кóнелkáва, пóвоскáнда и т. д. Относительно ударения необходимо заметить еще, что резкого различия, как в русском, между слогом ударяемым и неударяемым в мордовском не существует, и, в конечном счете, в живом произношении любой слог может стать ударным и неударным. Это замечание относится одинаково как к своим, так и к заимствованным русским и нерусским словам.

Другое фонетическое явление более тонкого свойства мы осмысливаемся констатировать едва ли не впервые: по крайней мере, ни у Шахматова в его „Мордовском Этногр. Сборнике“, ни у Маркелова в соколовском сборнике мы не найдем о нем никакого намека. Дело касается темпа мордовской речи,¹⁾ при чем этот темп будет абсолютно одинаков и в своих, и в заимствованных словах. По сравнению с русской речью, темп мордовской, на наш слух, если только он нас не обманывает, должен быть признан значительно более замедленным, как бы несколько растянутым. Индивидуальные отклонения в сторону учащения темпа нами, конечно, не отрицаются, но они, кажется нам, не являются характерными для типичного эрзянского произношения, в общем неторопливо-певучего и в той или иной степени растянутого. Мы не можем дать пока удовлетворительного об'яснения указываемого нами явления, но самый факт некоторой замедленности темпа мордовской речи, по сравнению с русской, считаем небезынтересным отметить.

Остановимся теперь на рассмотрении судьбы гласных и согласных звуков в заимствованных из русского эрзянских словах.

Гласные звуки претерпели значительные изменения, особенно в положении без ударения (в русской огласовке).

Гласный **а**, бывший в исходном русском слове под ударением, почти не изменил своего звукового облика и на мордовской почве, став лишь, повидимому, ненапряженным в тех случаях, где он в русском был напряженным (напр., в лакумка, матушка, лапушка, бабушай). Напряженное **а** (среднее или нижнее по образованию), кажется, вообще не свойственно исследуемым эрзянским говорам, так же как и изученным А. А. Шахматовым сухокарбулацкому и оркинскому говорам б. Саратовского у., о чём он вскользь упоминает на стр. 721 своего „Мордовского Этногр. Сборника“. Причина здесь кроется, может быть, отчасти в несколько замедленном темпе мордовской артикуляции, стирающем резкие границы между долгими и короткими, ударными и неударными, а также напряженными и ненапряженными звуками. Исключение из правила о неизменяемости гласного **а**, находившегося под ударением в русской огласовке, представляют по соколовскому сборнику два заимствованных слова: лупушка, означающее „лапушка“ (вместо **а**, таким образом, **у**) и бонинивъ „в баню“ (**о** вместо **а**). Однако эти же слова рядом передаются с правильной огласовкой русского **а**: лапушка, банинъ.

Русское **а** в слове неударном, звучащее в современном литературном произношении как **ы**, **ыэ** или **а**, в мордовском заимствовании имеет, повидимому, почти совершенно такую же огласовку (судя, по крайней мере, по передаче Маркелова), как и **а** под ударением

¹⁾ Само собою разумеется, что мы говорим только об известных нам эрзянских говорах.

(скотена, одежда, Дуброва). Сходство в передаче а без удара и под ударением в эрзянских говорах, попавших на страницы „Сарат. Этногр. Сборника“, думается, не случайно. Иногда, впрочем, как редкое исключение, неударное русское а заменяется звуками ө, ы, или совсем исчезает (напр., Окулена, Куля „Акулина“, ярмынка „ярмарка“).

Гласный ө в заимствованных из русского словах, как и а, почти всегда имеет, если не ошибаемся, ненапряженный оттенок, стойственный качествам мордовского ө, которое может быть напряженным лишь в индивидуальном произношении¹⁾ Русское ө, находящееся под ударением в русском произношении, остается большою частью без изменений и в эрзянской огласовке заимствованного слова (гроп, здобный, Ол'а). Но когда русское ударяемое ө приходится на последний слог (напр., винö (вина) и аналогичные случаи), тогда оно заменяется звуком а,—вследствие оттянутости ударения на начальные слоги слова.

Безударное же русское ө звучит в эрзянском произношении так же, как и русское ө под удвоением (потолок, торговама, погонщик, повоска). Иногда только русское ө без удара заменяется звуком у: напр. в слове угул „угол“ (вероятно, под влиянием предшествующего слога с у), В некоторых случаях безударное ө совсем выпадает (напр. в проволка „переулок“).

Принимая, далее, во внимание наблюдения А. А. Шахматова над родственными исследуемым в настоящей работе сухокарабулакским и оркинским говорами, а также на основании наших собственных наблюдений над говором села Новой Яксарки (б. Кузнецкого у., Сарат. губ.), лучше всего изученным нами, мы решаемся с некоторой оговоркой утверждать, что в неначальном слоге безударное, а равно и ударное ө в заимствованных словах не так редко передвигается из заднего ряда в средний, превращаясь т. обр., в ó (потолóк, прорób, повоска и т. п.).

Гласный у под ударением, в противоположность а и ө, в заимствованных из русского мордовских словах, повидимому, насколько позволяют судить наши собственные наблюдения над представленными в сборнике эрзянскими говорами, сохраняет, а м. быть даже и приобретает напряженный оттенок (угул, луга). И в положении без удара (в русской огласовке) гласный у в мордовском произношении звучит, на наш взгляд, напряженно (судия, дурак, туманнэ, ступай).

В сборнике зарегистрирован еще случай перехода русского у в ы в слове окрыгынть (180), вероятно, под влиянием последующего слога с ы.

Иногда гласный у совершенно выпадает в заимствованных из русского мордовских словах: напр., „капста“, вместо „капуста“.

Русский гласный и, довольно устойчиво в общем держащийся и в заимствованных из русского эрзянских словах, иногда переходит в мордовском произношении в э. Это бывает в тех случаях, когда перед слогом с и в заимствованном слове стоит слог с э (напр., мельнеч'а) или слог с ө или у (скотена, поменкат, молетва, корьменець, Окулена). В подобном положении закон

¹⁾ Ср. с шахматовскими наблюдениями над данным звуком (см. стр. 723 и 724 „Мордовск. Этногр. Сборника“).

дели; в сокол. сб.—в одном только слове (других не встретилось вообще) врема, записанном один раз, повидимому, ошибочно как время (159 стр.), на ряду с правильными врема (стр. 96 и др.).

Русское глухое фрикативное х в некоторых заимствованных словах передается у эрзи через глух. фрикат. к: козаяка „хозяйка“, куть „х оть“ и т. п. В большинстве же случаев русское х остается без изменения в мордовских словах, заимствованных из русского. По мнению А. А. Шахматова, звук х, между прочим, известен только в русских заимствованиях („Морд. Этногр. Сб.“, стр. 740), являясь, таким образом, в мордовском языке звуком вообще заимствованным из русского, чужим по происхождению.

Звонкие шумные согласные (б, г, д, ж, з), по наблюдениям того же А. А. Шахматова (стр. 743 „Морд. Этногр. Сб.“), в начале слов могут быть почти всегда рассматриваемы, как признак заимствования из русского (или еще татарского). В своих, мордовских словах звонкие согласные встречаются очень редко в начале слова. В конце слов звонкость согласных, утрачивающаяся в русском произношении, наоборот, как правило, весьма часто сохраняется в заимствованных из русского эрзянских словах соколовского сборника; напр.: город, пророб, обр'ад и т. д. В подобных случаях влияет аналогия в произношении тех мордовских слов (напр. сараз, сэдь, ведь), которые сохраняют на конце звонкую согласную.

Глухие шумные согласные, находящиеся в абсолютном исходе русского слова, в мордовском произношении, по аналогии с судьбою звонких в подобном положении, имеют некоторую тенденцию переходить в звонкие. Отсюда колоз вместо колос, д'огодъ вместо д'оготь и т. д. Это явление, однако, в исследуемых говорах сравнительно редкое.

Зубное русское н в заимствованных из русского эрзянских словах „Сарат. Этногр. Сборника“, в положении перед средненебными и задненебными, становится иногда само средненебным и задненебным. Примеры: Оленка, Анка, судинька („рассудите“).

Русское ш перед гласными в начале слова обыкновенно передается в мордовском произношении через ч (под влиянием такой же замены в собственных эрзянских словах); пример: чапка вместо шапка, чиновой вм. шиновой, чуба вм. шуба. Тем не менее на ряду с чапка мы встречаем в сборнике шапканя (уменьш.)¹⁾; слово „шелк“ произносится не чолк, а правильно шолк; также „шаль“ не превращается в чаль, а произносится с сохранением ш—ш'аль (здесь мы слышим, кроме того, мягкое ш, что, однако, не указывает на старое заимствование).

Русское ч иногда заменяется палатализованным звуком ц (пецька, цюлка, цюлан), что не является, однако, специфически эрзянским явлением, а может быть рассматриваемо лишь как указание на заимствование из какого-либо северно-великорусского цокающего говора или даже, возможно, средне-великорусского на с.-в.-р. основе, в котором цоканье или было, или есть (постепенно убывая и исчезая). В других случаях мы имеем русское ч в мордовских заимствованиях без изменения (напр., чуда, чуйойс т. д.)

¹⁾ Шапканяст саикшнызы „поскидали шапки“, 184.

После звонкой согласной аффриката ч превращается в аффрикату д ж (повидимому, мягкую), напр.: мянь д ж'уда „что за чудо“, 154; асайнисэ Дарюшань д ж'ужойня „не берет Дарюшу к чужим“, 190.

Русское твердое ц, подобно ч, заменяется мягким, палатализованным ц в словах, заимствованных эрзею, повидимому, из русских цокающих говоров: Троиц‘а, пяця („пятница“), окольця, ульця и др.

Русское щ (долгое, мягкое) в заимствованном слове „пища“ произносится как шт‘ (или шт‘): пишт‘а (у М. Т. Маркелова пишт‘а, собств. пиштяньть (вин. пад.), (91). В другом заимствованном слове „счастье“ мягкое долгое щ перешло в ч: чисть (106).

Русское долгое ж в заимствованном „вожжи“ передано через сочетание жд (жд‘): вождят (110). Есть ли это указание на старое заимствование,—решить трудно, так как сочетание жд известно и в коренных эрзянских словах (напр., чожданя „легкий“).

Звучание русских плавных л и р не претерпевает сколько-нибудь значительных изменений при прохождении через мордовскую фонетическую лабораторию. Может быть, если принять во внимание наблюдения А. А. Шахматова над сухокарбулацким и оркинским говорами¹⁾, родственными исследуемым нами, следует признать, что эти р и л в положении перед т и т‘, отчасти и н (особенно после выпадения следовавшего за р—т) превращаются в глухие г и т (звертня и т. п.)²⁾. Транскрипцией соколовского сборника глухие („шопотные“) р и т, однако, не отмечены. Выделяется еще мягкое л, вместо твердого, в заимствованном из русского столъ „стол“ (110). Трудно решить определенно, почему здесь л палатализовалось: повлияли ли русские формы „столик“, „столный“, „столник“ и т. п., или же какие-либо свои эрзянские аналогии, тем более, что рядом со словом столъ употребительно (в сб. не встретившееся) престол и перестол (предмет религиозного культа), где л твердое, непалатализованное.

До сих пор мы говорили об отдельных согласных звуках, подвергшихся тому или иному фонетическому изменению в заимствованных из русского мордовских словах. Но и целые группы согласных претерпели различные изменения. Так, вместо сп находим п в начале слова пасиба „спасибо“; пр превратилось в тр в слове трисподни³⁾ „в преисподнюю“ (132); цв изменилось в цили дз и дзв (после звонкой согласной предыдущего слова): цет‘а, дз'ет‘ака, дзветка „цветок“ (200, 224, 176).

Замечательная метаморфоза произошла с серединой заимствованного слова „рождество“ (назв. праздника). Переодевшись в эрзянское платье, „рождество“ предстало пред нами как роштова (105): звонкое сочетание жд превратилось в глухое шт, гласная ё и группа согласных выпали совершенно, но зато вместо них вставлен звук ө и, наконец, финальное ө перешло в а. Оговариваемся, однако, что форма „роштова“ легко может быть обяснена из северно-ве-

1) Наши собственные наблюдения в данном отношении требуют еще проверки.

2) См. стр. 748 шахматовского сборника.

3) По наблюдениям проф. Г. Г. Дингеса, тр вместо пр в слове „преисподняя“ встречается и в русских народных говорах, но в словарях указания на это нам не удалось разыскать.

ликорусского „роштво“¹⁾, но так как это заимствование следует считать, без сомнения, довольно старым, то нет ничего удивительного в том, что роштова могло образоваться из более отдаленных форм „рожьство“, „рожъство“ (см. „Словарь др. сл. языка“ под редакцией А. В. Старчевского. СПБ. 1899.) или, наконец, „рождество“, (помимо более распространенной, чем даже „роштво“, народной формы „рожество“, близкой к „рождество“). Итак, предположим для эрзянского „роштова“ самую отдаленную русскую форму „рождество“. Как „роштова“ могло получиться из „рождество“? Легче всего объяснить замену конечного 0 звуком а: ударение в слове „рождество“ должно было переместиться в эрзянском, по общему правилу, на первый слог; 0 под ударением стало, таким образом, безударным и перешло в а, по фонетическому закону, общему с хорошо известным нам русским²⁾; получилось „рождество“. Далее выпадает звук д, так как этот звук в русском народном говоре, влияющем на мордовское произношение, вовсе не слышится („ръжество“). В результате имеем „рожества“. Настает очередь за гласным е (э), довольно неустойчивым в русском произношении („ръжъство“): е (э) тоже выпадает, Стало у нас „рожства“. Трудное сочетание подряд четырех согласных жств не могло оставаться терпимым для мордовского уха и должно было так или иначе разрядиться. Сокращается в жств звук с; получаем „рожтва“. Звонкое ж перед глухим т теряет свою звучность и превращается в глухое ш. „Рожтва“ заменилось „роштва“. Отсюда уже один шаг до конечного пункта видоизменения. Необычный для мордвы комплекс из трех согласных штв разрывается вставкой между ними гласного 0 (0 именно, а не э (э), вследствие твердости предшествовавшего т и наличия звука 0 в предыдущем слоге,—один из видов эрзянской гармонии гласных). „Роштва“ стало „роштова“ из исходного русского „рождество“. Повторяем, что мы намеренно осложнили дело, чтобы показать, как могло получиться роштова из самой отдаленной русской формы „рождество“. Наиболее вероятно, однако, по нашему мнению, выводить мордовское роштова из с.-в.-р. „роштво“.

Между прочим, вставки гласных между согласными в начале и середине заимствованных слов являются такими же характерными особенностями мордовской фонетики, как и пропуск гласных в некоторых положениях между согласными. Останавливаться подробно на деталях данного явления мы не будем. Позволим себе лишь привести некоторые примеры: капста „капуста“ (пропущено у) черкесский „черкасский“ (проп. а), заутерня „заутреня“ (вставлено е (э) между т и р и пропущено (ө) после р,—своебразная перестановка гласного звука).

В заимствованном имени „Семен“, которое в эрзянском звучит Сем'ion (Сем'jon), мы наблюдаем обычную замену русского сочетания мягкая губная+О сочетанием мягкая губная+j+O³⁾.

¹⁾ См. А. Преображенский.—„Этимологический Словарь русск. языка“, вып. II, стр. 208.

²⁾ По верному наблюдению проф. Д. В. Бубриха „в мордовском языке заканчивающее основу а в русских заимствованиях может быть субSTITУцией любого русского гласного“ (см. упоминавшийся уже нами автореферат доклада проф. Д. В. Бубриха „К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях“ в I вып. „Бюллетеня ЛОИКФУН“ от 30/I 1929 г., стр. 4, п. 1).

³⁾ Ср., например, в словах м'ют. мед“, ов'jos или ав'jos „овес“ и т. п., которые мордва употребляет, говоря по-русски.

Наш краткий обзор изменения судьбы гласных и согласных звуков в заимствованных из русского мордовских словах имел бы значительный пробел, если бы мы оставили в тени выдающееся явление ассимиляции. Уподобление гласных и согласных звуков составляет могучий закон эрзянской фонетики и чрезвычайно широко распространено, как в форме прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции.

Рассмотрим отдельно случаи прогрессивной и регрессивной ассимиляции в русских заимствованиях в мордовском по „Сарат. Этногр. Сборнику“.

Прогрессивная ассимиляция встречается в сборнике в полной и неполной форме: а) переднее И, иногда и заднее А переходит в заимствованных из русского мордовских словах в Э (Е в транскрипции М. Т. Маркелова) среднего под'ема под влиянием предшествующего слога с Э или О напр: мельнец'а „мельница“, коръменецъ „кормилец“, свечены (вм. ожидаемого свечания) „свеча (свечечка)“, плеченемъ „плечи мои“, Проненькат „Пронины“, поменкат „поминки“, скотена „скотина“, мостенат „мостины“ и т. д.; б) Иногда О, реже и переходит в У под влиянием предшествующего слога с У или наоборот: У переходит в О, под влиянием предшествующего слога с О,—напр.: угул „угол“, кукшун „кувшин“, пророб „прорубь“ и т. п. Г) под влиянием предшествующего И звук К в русском суффиксе НИК превращается в мордовский огласовке из твердого в мягкий, из задненебного в средненебный: олосникъ „волосник“, охотникъ „охотник“ и т. д.

Регрессивная ассимиляция в полной форме наблюдается в следующих заимствованных из русского мордовских словах: луушка „лапушка“, баратт (вм. барант) „бараны“ (91), также вядутт (вм. вядунт) „ведуны“ (112 стр. сб.), далее—окрыгыньть из ожидаемого округыньть (род—вин. п, 180) и некотор. др.

Особенно многочисленны случаи *неполной прогрессивной ассимиляции*, заключающиеся в большинстве в том, что глухая согласная и группа глухих согласных в начале слова переходят в соответствующие звонкие в положении за звонкой согласной, а также за Й (i или j). Примеры: Бабань гаша (вм. каша), татарынь жбага (вм. шпага), солдатынь болк (вм. полк), оймань бецька (вм. пецька), Филкань Дюма (вм. Тюма от русского „Тимофей“), великий бост (вм. пост), черкесский зедла (вм. седла) и т. д.—масса аналогичных случаев неполной прогрессивной ассимиляции, которые мы можем зарегистрировать в заимствованных из русского эрзянских словах соколовского сборника.

Отмечаемый нами закон неполной прогрессивной ассимиляции действует лишь в связном, беспаузном произношении, но как только два подобных слова разделены паузой, глухая согласная второго слова вновь восстанавливается, и ассимиляция исчезает.

Что касается обратного процесса—диссимиляции, или расподобления звуков, то в мордовских текстах „Саратовского Этнографич. Сборника“ случаи последнего для русских заимствований нам не встретились.

Удалось подметить лишь две *перестановки*, из которых одна, впрочем, может быть подвергнута сомнению, вследствие, возможно, неправильно напечатанного слова: 1) конелка (из русского „ко-

лено“) и ослоникъ „олосник“, 75 (сомнительный случай, так как рядом встречается более точное и правильное, на наш взгляд, олосникъ).

IV. Морфология.

Переходим к последней части нашего исследования—морфологии русских заимствований в мордовском (эрзянском) *).

Перед нами стоит задача проследить, в каких же формах заимствуются мордвою русские слова и как они потом изменяются, т.-е. склоняются и спрягаются. Оговариваемся, что мы не будем уклоняться в тончайшие детали склонения и спряжения заимствованных слов, а постараемся выявить их принципы.

В отношении имен существительных мы приходим к убеждению, что исходной формой их заимствования должен считаться не один, а два падежа: обычно, в большинстве случаев, именительный, но очень часто и родительный. При этом многие существительные, которые с первого взгляда кажутся заимствованными из формы русского родительного падежа, при ближайшем анализе могут быть признаны заимствованными из формы русского именительного. Под данной категорией мы разумеем существительные (двухсложные и более), образованные из русских существительных, оканчивающихся, безразлично, на ударное или неударное **о**: вина „вино“, стада „стадо“, пива „пиво“, ведра „ведро“, роштова „рождество“ и т. д. и т. д. Это **о** на мордовской почве, в силу оттянутости ударения к началу слова, неизбежно должно превратиться в **а**, по фонетическому закону, общему с хорошо нам известным русским. Тогда разница между русским родительным и именительным падежами в мордовской огласовке стирается окончательно, и мы с одинаковым правом можем утверждать, что исходной формой заимствования в этих существительных может быть и русский родительный, и русский именительный падеж, скорее даже все-таки именительный, так как абсолютно большинство слов заимствуется из формы русского именительного падежа, который довольно осознательно прощупывается при всех перипетиях склонения. Однако, некоторые слова, подобные остатка—„остаток“, цюлка—„чулок“, луга—„луг“, бука—„бык“, столба—„столб“ и т. д., без очевидной натяжки не могут быть производимы из формы русского именительного падежа: конечно **а** здесь слишком ярко выступает, как признак родительного падежа, и, естественно, заставляет предполагать наличие именно этого падежа в качестве исходной формы заимствования в мордовском существительном. Правда, можно сделать еще одно чрезвычайно смелое предположение, что, по крайней мере, в некоторых из категории вышеуказанных существительных пред нами не русский родительный, а, может быть, именительный падеж. Если бы мы были твердо уверены в том, что в мордовском языке есть заимствования из древнерусского языка, восходящие к той поре его жизни, когда в устах русских людей звучал еще, как полноправный звук, впоследствии исчезнувший из произношения гласный Ъ, то наша задача тем самым наполовину была бы облегчена. Теоретически мы с большой долей вероятности могли бы тогда допустить, что этот иррациональный, неопределенной огласовки гласный звук именительного падежа

*) В пределах, разумеется, фактического материала, заключенного в „Сарат. Этногр. Сборнике“.

стал передаваться в мордовском как **а**, подобно теперешней эрзянской передаче конечных безударных русских **а** и **о**, которые, как известно, в современном литературном русском языке (так же как в многочисленных говорах народного) произносятся с оттенком, недалеко отстоящим от исчезнувшего ера (**à** и **ы³**, или **ъ**). Но наши знания о давности русских заимствований в мордовском пока еще слишком неопределены; поэтому и высказанное нами гипотетическое предположение иначе не может и не должно рассматриваться, как, именно, только предположение, гипотеза. Последняя же введена здесь единственно и исключительно с тою лишь целью, чтобы возможно полнее исчерпать все возражения и доказательства *от противного*, направленные против принципа наличия в качестве исходной формы русского родительного, а не именительного падежа в известной группе заимствованных существительных в эрзянском.

Итак, формы именительного и родительного падежа (может быть, иногда еще винительного,—в тех случаях, когда он сходен по форме с именительным или родительным)¹⁾—вот, по нашему мнению, стержневые морфологические принципы заимствования имен существительных из русского в мордовском (по материалам, конечно, только *«Сарат. Этногр. Сборника»*). Именительный или родительный падеж (иногда, быть может, вместо того или другого, сходный с ними по форме винительный), при чем вместе с русской основой и формальной принадлежностью, становится новой, непроизводной основой в эрзянском языке, к которой присоединяются уже чисто мордовские словоизменительные элементы при склонении.

Изменений по родам мордовский язык не знает (ни в существительных, ни в прилагательных, ни в местоимениях и ни в глаголах). Каждое заимствованное существительное склоняется (совершенно так же, как и незаимствованное) по всем возможным формам эрзянского склонения: *неопределенной* и *определенной*, *притяжательной*, так наз. *первичной* и *вторичной*²⁾. В нашу задачу, повторяем, не может входить детальное ознакомление со всеми видами эрзянского склонения хотя бы даже заимствованных слов. Это завело бы нас чрезвычайно далеко, но, главное, отвлекло бы в сторону от основного пути наших суждений. Для наших целей достаточно привести образец хотя бы неопределенной и определенной формы склонения одного какого-либо заимствованного из русского существительного. Окончания определенной формы склонения принимают слова, получившие в речи значение определенных, уже известных слушателю лиц или предметов. Возьмем заимствованное слово *окольцá*—«околица». Просклоняем его сначала по неопределенному склонению. В ед. числе у нас будет 13 падежей (при чем имена, обозначающие лица, могут образовывать еще особую звательную форму на *ai* и *kai*). Имени-

¹⁾ Нет оснований преувеличивать роли винительного падежа, как исходной формы заимствования из русского имен существительных: подавляющее большинство последних, при чем относящихся как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам, заимствуется обычно в форме именительного и реже родительного падежа; что же касается винительного, то в некоторых случаях он может быть признаваем только по формальным соображениям, т.-е. по внешнему сходству с именительным или родительным падежом.

²⁾ По терминологии проф. Д. В. Бубриха, который, как нам известно, под первичной разумеет обычную форму склонения, а под вторичной—такую, когда в функции номинатива единств числа неопределенного ряда выступает любая косвенная форма первичного склонения или любое наречие.

тельный падеж неопределенного склонения остается в морфологическом смысле без изменения, по сравнению с русским,—о к о л ъ ц'а.

- 2) Род. (genitivus) о к о л ъ ц'а нъ „околицы“.
- 3) Дат. (dativus) о к о л ъ ц'а н и нъ „околице“.
- 4) Отлож. (ablativus) о к о л ъ ц'а д а „околицы“.
- 5) Вмест. (inessivus) о к о л ъ ц'а с а „на околице“.
- 6) Вынос. (elativus) о к о л ъ ц'а с т а „с или из околицы“.
- 7) Вносит. (illativus) о к о л ъ ц'а с „до околицы“.
- 8) Проносит. (prolativus) о к о л ъ ц'а в а „через околицу, околицей“.
- 9) Переносит. (translativus) о к о л ъ ц'а к с „околицей, как околица“.
- 10) Из'ательный (caritivus) о к о л ъ ц'а ф т у м а „без околицы“.
- 11) Приносит. (lativus) о к о л ъ ц'а в „на околицу“.
- 12) Сравнит. (comparativus) о к о л ъ ц'а ш к а „с околицой“.
- 13) Совмест. (comitativus) о к о л ъ ц'а н и къ „с околицей“.

Множ. число имеет только 5 падежей:¹⁾

- 1) Имен. (nominativus) о к о л ъ ц'а т „околицы“.
- 2) Родит. (genitivus) о к о л ъ ц'а т н и нъ „околиц“.
- 3) Дат. (dativus) о к о л ъ ц'а т н и н и нъ „околицам“.
- 4) Отлож. (ablativus) о к о л ъ ц'а т н и д а „околиц“.
- 5) Проносит. (prolativus) о к о л ъ ц'а т н и в а „через околицы“.

Определенное склонение в ед. числе содержит 9 падежей, во множественном, как и неопределенное, 5.

Склоняем слово о к о л ъ ц'а по определенному склонению.

- 1) Nominativus о к о л ъ ц'а съ „околица-то (вон эта, определенная)“.
- 2) Genitivus—accusativus²⁾ о к о л ъ ц'а нъ тъ.
- 3) Dativus о к о л ъ ц'а н т и нъ.
- 4) Ablativus о к о л ъ ц'а д а нъ тъ.
- 5) Inessivus о к о л ъ ц'а съ нъ тъ.
- 6) Elativus о к о л ъ ц'а с т и нъ тъ.
- 7) Prolativus о к о л ъ ц'а в а нъ тъ.
- 8) Caritivus о к о л ъ ц'а ф т у м у нъ тъ.
- 9) Comparativus о к о л ъ ц'а ш к а нъ тъ.

Примечание. Вместо падежей ед. числа вносительного и приносительного в определенном склонении употребляется дательный.

Множ. число.

- 1) Nominativus о к о л ъ ц'а т н э и о к о л ъ ц'а т н я.
- 2) Genitivus-accusativus о к о л ъ ц'а т н и нъ.
- 3) Dativus о к о л ъ ц'а т н и н и нъ.
- 4) Ablativus о к о л ъ ц'а т н и д а.
- 5) Prolativus о к о л ъ ц'а т н и в а.

¹⁾ Другие падежи мн. числа могут быть образованы при помощи послелогов (как в неопределенном, так и определенном склонении, формы которых начинают с родительного падежа совпадают друг с другом).

²⁾ А. А. Шахматов, у которого мы заимствовали терминологию падежей не находит, между прочим, в мордовском языке *винительного* падежа, что, по нашему мнению, не совсем основательно, так как морфологическое сходство этих двух падежей еще не дает повода к отрицанию существования одного из них (*винительного*). Следует заметить, однако, что родит.-винит. падеж имеется лишь в определенном склонении; в неопределенном же—винит. падеж совпадает с *именительным*.

Не все, конечно, заимствованные из русского существительные склоняются совершенно так же, как окольц'a. По образцу окольц'a могут склоняться только существительные с основой на а (не изменяющейся, как мы видели, и в косвенных падежах). Существительные же с другими основами имеют в склонении соответствующие особенности. Останавливаться на них подробно неходит в нашу задачу. Нам важно доказать лишь самый принцип, что заимствованные из русского существительные склоняются в мордовском по-своему, по-эрзянски. Мало того, может быть даже не все падежи заимствованных из русского существительных и притом на одну основу, хотя бы на ту же основу а, могли попасть на страницы мордовских записей исследуемого сборника. Пусть так. Для нас гораздо важнее отметить, нет ли каких-либо исключений из общего правила склонения заимствованных из русского существительных, нет ли таких случаев, когда на мордовскую почву пересажены целиком чуждые ей русские формы, и не склоняются ли некоторые заимствованные существительные не по-эрзянски, а по-русски. В мордовских текстах „Сар. Этногр. Сборника“ нам не встретилось подобных резких исключений. Правда, есть четыре-пять форм, с корнем, так сказать, выхваченных из русской земли, но эти формы не дали побегов на чужой родине и стоят здесь, как одинокие и безлистственные деревья; они даже не гнутся, когда на них налетает ветер взаимоотношений с другими словами. Короче—они не склоняются, и употребление их ограничено одним только падежом,—в других падежах их уже не употребляют. Существительные эти, встретившиеся нам в сборнике, следующие: лыки (им. п. мн. ч.) в выражении лыки-трошки (сионим лык, 218), пирожки в обрядовой песне-коляде (105), водица-красна девица (при ворожбе, 99), бородушка моя (226) и рукноги долги,—одежа коротка (228) в плясовой песне.

Укажем еще несколько особенностей в словообразовании заимствованных из русского эрзянских существительных.

А. О рифмованной форме „милуй“ в песенном выражении силуий-милуй „силой-милой (лаской)“ нами уже было сказано в главе семантики (см. стр. 20).

Б. Суффикс ник перешел в никъ (напр., в охотникъ, олосникъ) по закону мордовской фонетики, требующему смягчения задненёбных и губных в конце слова в положении после передних глсных; при этом задненёбные становятся средненёбными¹⁾.

С. Суффиксы итв, иц, ин перешли в етв, ец, ен в положении после предшествующего слога с о или е (молетва, мельнец'a, мостенат)¹⁾. Таков закон мордовского чередования гласных. Исключение представляют три слова: осьмина (вм. ожид. осьмена), охотникъ (вм. охотникъ) и олосникъ (вм. олосникъ)¹⁾.

Д. В существительных „солдатчина“, и „некрутчина“ суффикс чин заменился другим русским суффиксом ств, но значение слов осталось без изменения: солдатства, некрутства. Замену одного русского суффикса другим (ени=к, ен'=инк) мы видим также в словах баславка „благословение“, куринка „куренъ (курмыш)“.

Е. В некоторых существительных мы обнаруживаем в именительном падеже только русский суффикс при мордовской основе и иногда еще плюс дополнительном мордовском суффиксе. Сюда должны быть

1) См. об этом же у нас на стр. 28.

отнесены слова ав-ушк-а и ав-уш-яй, означающие „матушка“. В обоих случаях корень ав, безусловно, не русский; но в первом суффикс ушк целиком русский, а во втором, наряду с русским уш, находим эрзянский яй (суф. зват. пад.). Иногда бывает наоборот: из русского заимствуется лишь корень слова, к которому прикрепляется мордовский суффикс,—напр., баб-иня „бабушка“, корым-аза „кормилец (его, ее)“ и т. д. Особый случай, по нашему мнению, мы имеем в собств. им. Люкша мка, где, наряду с новым осмыслением (см. у нас стр. 12 и 20) заимствованного слова „люкша“, приходится констатировать новое словообразование при посредстве заимствованного же из русского суффикса мка (по образцу „Фомка“, „Сёмка“, „Ерёмка“ и т. п.).

F. Уместно, может быть, заметить, что большинство собственных имен заимствуется из русского в ласкательно-уменьшительной форме, об'яснение чего нужно искать, повидимому, в общей эмоциональной струе, пронизывающей все записи мордовских текстов „Сар. Этногр. Сборника“.

Заимствованные прилагательные склоняются совершенно одинаково с прилагательными незаимствованными. Принцип их склонения следующий. Употребляемые в качестве определения прилагательные вовсе не склоняются: в подобном сочетании подвергаются изменениям только определяемые слова. Когда же прилагательные не являются атрибутами, то склонение их ничем не отличается от склонения имен существительных.

Так же склоняются заимствованные числительные (первой) и местоимения (каждый, самы). При этом местоимение самый иногда может встретиться и в форме самы, без краткой й; напр.: викшинникъ самы покш винас „мы вышивали до самого большого вина“ (110). Указанное обстоятельство, может быть, говорит, м. прочим, за давность заимствования местоимения самы из краткой русской формы „самъ“ (с ером).

Таким образом, русские существительные, прилагательные, местоимения и числительные, заимствованные мордвою, склоняются у себя не по-русски, а по-своему, по-эрзянски. Формы же эрзянского склонения необычайно развиты и коренным образом отличаются от русского. Одно и то же слово (заимствованное и незаимствованное) может склоняться и по определенной, и по неопределенной, и по притяжательной (б отд. видов) формам т. называемого первичного, т.е. обычного склонения (по вновь вводимой терминологии проф. Д. В. Бубриха¹⁾), и кроме того по т. наз. вторичному склонению, когда „в функции номинатива ед. числа неопределенного ряда выступает любая косвенная форма первичного склонения или любое наречие“¹⁾. Наши примеры с окольц'а „околица“ далеко, следовательно, не исчерпали всех возможных форм склонения этого и любого другого заимствованного слова в эрзянском языке. Но для данной работы, повторяем, не важны тончайшие детали, а имеет значение лишь указание самого принципа склонения в мордовском заимствованных слов из русского языка.

¹⁾ Д. В. Бубрих. „Тексты по эрзянскому говору села Луньги. (Из материалов мордовской экспедиции 1928 года)“. См. „Морфологический справочник к текстам“. (Работа подготовлена к печати. Была доложена на I Всесоюзной Мордовской Языковой и Методической Конференции в августе 1928 года). Также—Д. В. Бубрих „Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки“ (готовая, но пока еще не напечатанная книга).

Замечательно, далее, что все русские существительные, прилагательные, местоимения и числительные—словом, все склоняемые формы, будучи заимствованы мордвой, не только у нее склоняются по всем сложнейшим типам мордовского склонения, но и *спрягаются*, как настоящие глаголы. Это редчайшее явление в области языка в высокой степени свойственно эрзянскому (конечно, и мокшанскому¹⁾). Здесь все склоняемые формы, заимствованные и незаимствованные, русские и мордовские, одновременно могут *спрягаться*, подобно полноправным глаголам. Границы между склонением и спряжением в мордовском стираются окончательно. Склонение и спряжение здесь—взаимно проникающие друг друга диалектические противоположности. Принцип спряжения в мордовском склоняемых форм заключается в том, что эти формы приобретают обычные глагольные окончания, присоединяемые к той или иной склоняемой основе по агглютинативному способу, свойственному финноугорским языкам. Однако, из всех финноугорских языков спряжение склоняемых форм, насколько нам известно, свойственно только мордовскому.²⁾ В научной литературе до последнего времени указываемое нами явление не отмечалось, или же ему уделялось недостаточно внимания. Пожалуй, один только А. А. Шахматов посвятил ему вскользь немного меньше одной страницы в своем „Мордовском Этногр. Сборнике“ 1910 г. (см. там стр. 826). По его наблюдениям³⁾, „глагольные окончания—ap,—at,—tana (t'ana),—tada (—t'ada) в наст. времени,—lin,—l'it',—l',—l'in'ik,—l'ide,—l't в прош. времени употребляются в соединении с существительными, прилагательными, местоимениями и наречиями в виде связки“. (Приведены соответствующие примеры). И далее: „Соединение—l' с отглагольным существительным на—ta образует безличный оборот для выражения желательного наклонения: mo'lema l'det' (надо бы тебе идти)... и. т. д.“. Знаменитому лингвисту удалось отметить лишь некоторые факты, относящиеся к интересующему нас явлению. Только новое поколение русских финноугроведов, начиная с И. Г. Черапкина, Д. В. Бубриха, И. Я. Бондякова, А. П. Рябова и кончая нами, подошло вплотную к этому так называемому „вторичному“ спряжению⁴⁾ (по терминологии Д. В. Бубриха), в противоположность „первичному“, т. е. обычному спряжению глаголов, хорошо известному и достаточно разработанному в научной литературе по мордовскому языку. Что касается конкретных примеров спряжения склоняемых форм среди русских заимствований в мордовском по материалам „Саратовского Этнографического Сборника“, то мы позволим себе не останавливаться на них, так как в задачу данной работы не входит углубление в детали, а лишь указание принципов склонения и спряжения заимствованных слов.

Тем не менее, рассмотрим несколько подробнее спряжение заимствованных из русского глаголов.

В маркеловских текстах соколовского сборника отсутствуют буквальные заимствования из русского в области глагольных образований, за исключением двух застывших форм повелительного наклонения: *ступай* „ступай“ и *дай* „дай“ (105, 184), которые никаким

¹⁾ Везде мы стараемся говорить только об эрзянском, не желая выходить за пределы „Сарат. Этногр. Сборника“, заключающего в себе эрзянские тексты.

²⁾ Известно еще в самоедском, примыкающем к финноугорской группе.

³⁾ над сухокарабулакским и оркинским говорами, б. Саратовского у.

⁴⁾ Соответствующие работы, насколько нам известно, пока еще не были опубликованы в печати.

далнейшим изменениям в мордовском уже не подвергаются (могут быть еще лишь во множ. ч.), других форм, как в русском, не имея. Таковые заимствования, правда, немногочисленные, по нашим наблюдениям, встречаются и бытуют в живых мордовских говорах; поскольку, однако, мы ограничены формальными рамками сборника, говорить о них не входит в нашу непосредственную задачу.

Как же все-таки спрягаются по-эрзянски влившиеся из русского глаголы, иными словами, что делается с русскими глагольными окончаниями?

Заимствованные из русского глаголы „Сарат. Этногр. Сборника“ всецело подчиняются правилам мордовского спряжения. Русские глагольные окончания или совсем, или частично исчезают, заменяясь и дополняясь своими, эрзянскими. Проверим это на инфинитивах глаголов: *празнувама* „празновать“, *наряжама* „наряжаться“, *баславама* „благословлять“, *служама* „служить“, *торговама* „торговать“, *пеняц'ама* „жаловаться, пенять“ и т. д.

Подобно склонению, в мордовском существует два вида спряжения: *неопределенное*, без определенного об'екта, и *определенное*, когда при соответствующих глаголах есть известный об'ект, выраженный или в форме местоимения, или существительного. При этом нужно заметить, что некоторые глаголы могут спрягаться и по определенному, и по неопределенному спряжению, другие же только по неопределенному. Спрягаются по двум спряжениям заимствованные глаголы действительного залога, при которых возможен об'ект, и по неопределенному—все остальные глаголы. Мы приведем для удобства образец спряжения какого-либо заимствованного глагола действительного залога, спрягающегося, т. обр., по двум спряжениям. Возьмем довольно часто встречающийся в сборнике глагол *баславама* „благословлять“. Проспрягаем его сначала в главных формах по неопределенному спряжению.

Настоящее время из'явительного наклонения:

1 л. ед. ч. баславан	„благословляю“	1 мн. ч. баславатана
2 " баслават		2 " баславатада
3 " баславе, беславя		3 " баславить.

Желательное накл. настоящего времени:

1 ед. ч. баславазан	„чтобы я благословил“	1 мн. ч. баславастана
	(теперь, в наст. момент)	
2 " баславазат		2 " баславастада
3 " баславаза		3 " баславаст.

Условн. накл. наст. времени (со значением будущего):

1 ед. ч. баславань'дар'ан	„если я благословляю,—благословлю“
2 " баславань'дар'ат	
3 " баславань'дар'ай	
1 мн. ч. баславань'ар'атана	
2 " баславань'ар'атада	
3 " баславань'ар'айть	

Прошедшее время из'явительного наклонения:

1 ед. ч. баславинъ	„я благословил“	1 мн. ч. баславинникъ
2 " баславить		2 " баславиде, баславидя
3 " баславась		3 " баславас'ть

Желат. накл. прошедшего времени:

1 ед. ч. баславаксылинъ „я благословил бы“	1 мн. ч. баславаксылиникъ
2 „ „ баславаксылить	2 „ „ баславаксылиде (-дя)
3 „ „ баславаксыль	3 „ „ баславаксыльть

Примечание. Желательное наклонение прош. вр. употребляется и с заимствованной из русского частичкой „бы“, перешедшей в эрзянском в бу (реже ба¹), которая может стоять и перед глагольной формой и после нее; напр.: мон бу баславаксылинъ и мон баславаксылинъ бу „я бы благословил“ и „я благословил бы“.

Условн. наклонение прошедшего времени:

1 ед. ч. баславалиньд'ар'а „если бы я благословил“	1 мн. ч. баславалинид'ар'а
2 „ „ баславалитъд'ар'а	2 мн. ч. баславалид'ар'а
3 „ „ баславальд'ар'а	3 мн. ч. баславальтъд'ар'а.

Сослаг. накл. со значением прошедшего и настоящего времени:

1 ед. ч. баславалинь „я бы благословил“	1 мн. ч. баславалиникъ
2 „ „ баславалитъ	2 „ „ баславалиде(-дя)
3 „ „ баславаль	3 „ „ баславальть.

Причастие настоящего времени:

2 формы: 1-я баславай, 2-я баславиц'а.

Причастие прошедшего времени:

3 формы: 1-я баславанъ (имеет значение страдательное—„благословленный“), 2-я: баславазъ (имеет значение страд. и среднее; в данном случае (вне контекста) значение среднее, и форму „баславазъ“ можно рассматривать, как деепричастие („благословляя“); 3-я форма: баславафъ, баславаф, имеет страд. значение—„благословленный“).

Примечание. Склоняются причастия так же, как и прилагательные, т.-е. при отсутствии атрибутивного значения—как существительные, а при атрибутивном значении остаются без изменения (склоняются в таких случаях существительные, к которым причастия относятся).

Деепричастие с отрицанием:

Апак баславая „не благословляя“.

Инфинитив и супин:

баславама и баславамс, при чем формы эти в эрзянском подвергаются изменению по падежам: баславамс, баславамста, баславамда, баславамга, баславамса²).

1) Ист'ак ба „так бы“ (стр. 109 сокол. сб.).

2) Ср. у А. Шахматова, стр. 826—827 „Морд. Этногр. Сб.“.

Спряжение определенное.

Здесь различаются шесть разрядов глагольных форм, в зависимости от шести возможных об'ектов: 1) об'екта в 1 л. ед. ч., 2) об'екта во 2 л. ед. ч., 3) об'екта в 3 л. ед. ч.—или в форме того или иного существительного в ед. ч. в форме определенного склонения, 4) об'екта в 1 л. мн. ч., 5) об'екта во 2 л. мн., 6) об'екта в 3 л. мн.—или в форме того или иного существительного во мн. ч. в форме определенного склонения.

Проспрашиваем теперь глагол баславама по главнейшим формам определенного спряжения.

Настоящее время из'явит. накл. (со знач. будущ. вр.).

Об'ект в 1 л. ед. ч.

2 ед. баславасамак „ты меня благословляешь,—благословишь“.

3 „ баславасамам „он меня благословляет,—благословит“.

Мн. 2 баславасамизъ „вы меня благословляете,—благословите“.

3 баславасамизъ „они меня благословляют,—благословят“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

Ед. 2 баславасамизъ „ты нас благословляешь,—благословишь“.

3 баславасамизъ „он нас благословляёт,—благословит“.

Мн. 2 баславасамизъ „вы нас благословляете,—благословите“.

3 баславасамизъ „они нас благословляют,—благословят“.

Об'ект во 2 л. ед. ч.

Ед. 1 баславатан „я тебя благословляю—бялагословлю“.

3 баславаганзат „он тебя благословляет,—благословит“.

Мн. 1 баславатидызъ „мы тебя благословляем,—благословим“.

3 баславатадызъ „они тебя благословляют,—благословят“.

Об'ект во 2 л. мн. ч.

Ед. 1 баславатадызъ „я вас благословляю,—благословлю“.

3 баславатадызъ „он вас благословляет,—благословит“.

Мн. 1 баславатадызъ „мы вас благословляем,—блатословим“.

3 баславатадызъ „они вас благословляют,—благословят“.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

Ед. 1 баславасан „я его благословляю,—благословлю“.

2 баславасат „ты его благословляешь,—благословишь“.

3 баславасы „он его благословляет,—благословит“.

Мн. 1 баславасыникъ „мы его благословляем,—благословим“.

2 баславасыньк¹⁾ „вы его благословляете,—благословите“.

3 баславасызызъ „они его благословляют,—благословят“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

Ед. 1 баславасыны „я их благословляю,—благословлю“.

2 баславасыть „ты их благословляешь,—благословишь“.

3 баславасыньзе(—зя) „он их благословляет,—благословит“.

Мн. 1 баславасыникъ „мы их благословляем,—благословим“.

¹⁾ Курсивное н означает, применительно к маркеловской транскрипции н (носовое средненебное н).

2 баславасынъкъ „вы их благословляете,—благословите“.

3 баславасызъ „они их благословляют,—благословят“.

Повелительное наклонение.

Об'ект в 1 л. ед. ч.

Ед. 2 баславамак „благослови меня“ Мн. 2 баславамизъ-ка „благословите меня“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

Ед. 2 баславамизъ-ка „благослови нас“. Мн. 2 баславамизъ-ка „благословите нас“.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

Ед. 2 баславак, баславикъ „благослови его“. Мн. 2 баславанъкъ, баславинъкъ благословите его“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

Ед. 2 баславить „благослови их“. Мн. 2 баславинъкъ „благословите их“.

Условное накл. наст. времени (со значением также будущего).

Об'ект в 1 л. ед. ч.

2 Ед. баславаньд'ар'асамак „если ты меня благословляешь,—благословишь“.

3 „ баславаньд'ар'асамам „если он меня благословляет,—благословит“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

2 и 3 ед. и мн. ч. баславаньд'ар'асамизъ „если ты нас благословляешь,—благословишь“ и т. д.

Об'ект во 2 л. ед. ч.

1 ед. баславаньд'ар'атан „если я тебя благословляю,—благословлю“.

1 мн. баславаньд'ар'атадызы „если мы тебя благословляем,—благословим“.

3 ед. баславаньд'ар'атанзат „если он тебя благословляет,—благословит“.

3 мн. баславаньд'ар'атадызы „если они тебя благословляют,—благословят“.

Об'ект во 2 л. мн. ч.

1 и 3 ед. и мн. ч. баславаньд'ар'атадызы „если я вас благословляю,—благословлю и т. д.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

Ед. 1 баславаньд'ар'аса(н) „если я его благословляю,—благословлю“.

2 баславаньд'ар'асак „если ты его благословляешь,—благословишь“.

3 баславаньд'ар'асы „если он его благословляет,—благословит“.

Мн. 1 баславаньд'ар'асыникъ „если мы его благословляем,—благословим“.

2 баславаньд'ар'асынъкъ „если вы его благословляете,—благословите“.

3 баславаньд'ар'асызъ „если они его благословляют,—благословят“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

- Ед. 1 баславанъд'ар'асынъ „если я их благословляю,—благословлю“.
2 баславанъд'ар'асыть „если ты их благословляешь,—благословиши“.
3 баславанъд'ар'асынъзе (—зя) „если он их благословляет,—благословит“.
Мн. 1 баславанъд'ар'асыничь „если мы их благословляем,—благословим“.
2 баславанъд'ар'асынъкъ „если вы их благословляете,—благословите“.
3 баславанъд'ар'асызы „если они их благословляют,—благословят“.

Прошедшее время.

Об'ект в 1 л. ед. ч.

- Ед. 2 баславимикиь „ты меня благословил“. Мн. 2 баславимизъ(къ)
вы меня благословили“.
3 баславимимъ „он меня благословил“. Мн. 3 баславимизъ „они
меня благословили“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

- 2 и 3 ед. и мн. ч. баславимизъ „ты нас благословил“ и т. д.

Об'ект во 2 л. ед. ч.

- Ед. 1 баславитинъ „я тебя благословил“. Мн. 1 баславидизъ „мы тебя
благословили“.
3 баславинъзить „он тебя благословил“. Мн. 3 баславидизъ „они
тебя благословили“.

Об'ект во 2 л. мн. ч.

- 1 и 3 ед. и мн. ч. баславидизъ „я вас благословил“ и т. д.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

- Ед. 1 баславиня „я его благословил“. Мн. 1 баславиникъ „мы его
благословили“.
2 баславикъ „ты его благословил“. Мн. 2 баславинъкъ „вы его
благословили“.
3. баславизе(я) „он его благословил“. Мн. 3 баславизъ „они его bla-
гословили“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

- Ед. 1 баславинъ „я их благословил“. Мн. 1 баславиникъ „мы их bla-
гословили“.
2 баславить „ты их благословил“. Мн. 2 баславинъкъ „вы их
благословили“.
3 баславинъзе(я) „он их благословил“. Мн. 3 „баславизъ „они их
благословили“.

Желательное накл. прошедшего времени.

Об'ект в 1 л. ед. ч.

- Ед. 2 баславалимикиь „благословил бы ты меня“. Мн. 2 баславали-
мизъ „благословили бы вы меня“.
3 баславалимимъ „благословил бы он меня“. Мн. 3 баславали-
мизъ „благословили бы они меня“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

2 и 3 ед. и мн. ч. баславалимизъ „благословил бы ты нас“ и т. д.

Об'ект во 2 л. ед. ч.

Ед. 1 баславалитинъ „благословил бы я тебя“. Мн. 1 баславалидизъ „благословили бы мы тебя“.

3 баславалиньзить „благословил бы он тебя“. Мн. 3 баславалидизъ „благословили бы они тебя“.

Об'ект во 2 л. мн. ч.

1 и 3 ед. и мн. ч. баславалидизъ „благословил бы я вас“ и т. д.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

Ед. 1 баславалин‘а „благословил бы я его“. Мн. 1 баславалинчикъ „благословили бы мы его“.

2 баславалить „благословил бы ты его“. Мн. 2 баславалинькъ „благословили бы вы его“.

3 баславализ(е)я „благословил бы он его“. Мн. 3 баславализъ „благословили бы они его“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

Ед. 1 баславалинъ „благословил бы я их“. Мн. 1 баславалинчикъ „благословили бы мы их“.

2 баславалить „благословил бы ты их“. Мн. 2 баславалинькъ „благословили бы вы их“.

3 баславалиньз(е)я „благословил бы он их“. Мн. 3 баславализъ „благословили бы они их“.

Сослагательное наклонение прошедшего времени.

Об'ект в 1 л. ед. ч.

Ед. 1 баславаксылимиликъ „благословил было ты меня“.

3 баславаксылимимъ „благословил было он меня“.

Мн. 2 баславаксылимизъ „благословили было вы меня“.

3 баславаксылимизъ „благословили было они меня“.

Об'ект в 1 л. мн. ч.

2 и 3 ед. и мн. ч. баславаксылимизъ „благословил было ты нас“ и т. д.

Об'ект во 2 л. ед. ч.

Ед. 1 баславаксылитинъ „благословил было я тебя“.

3 баславаксылиниьзить „благословил было он тебя“.

Мн. 1 баславаксылидизъ „благословили было мы тебя“.

3 баславаксылидизъ „благословили было они тебя“.

Об'ект во 2 л. мн. ч.

Ед. 1 и 3 и мн. 1 и 3: баславаксылидизъ „благословил было я вас“ и т. д.

Об'ект в 3 л. ед. ч.

Ед. 1 баславаксылиния (—н‘а) „благословил было я его“.

2 баславаксыличикъ „благословил было ты его“.

3 баславаксылиз(е)я „благословил было он его“.

Мн. 1 баславаксылиникъ „благословили было мы его“.

2 баславаксылинькъ „благословили было вы его“.

3 баславаксылизъ „благословили было они его“.

Об'ект в 3 л. мн. ч.

Ед. 1 баславаксылини „благословил было я их“.

2 баславаксылить „благословил было ты их“.

3 баславаксылиньзе(я) „благословил было он их“.

Мн. 1 баславаксылиникъ „благословили было мы их“.

2 баславаксылинькъ „благословили было вы их“.

3 баславаксылизъ „благословили было они их“.

Условное наклонение прошедшего времени образуется из соединения форм сослагательного наклонения с частицей да'р'a или д'ар'ак: баславаксылимикъда'r'a(k) „благословил было ты меня“ и т. д.

Следует заметить по поводу определенного и неопределенного спряжений заимствованных глаголов, что они имеют еще все только что перечисленные формы в соединении с отрицанием. В определенном спряжении, напр., к формам настоящего времени из'явительного наклонения, наст. вр. условн. наклонения, а также сослагательного наклонения присоединяется отрицание **а**: абаславасан „я его не благословляю,—не благословлю“, абалсаваньд'ар'атан „если я тебя не благословляю,—не благословлю“, мон монь абаславаксылитинъ „я бы желал тебя не благословлять“ и т. д. и т. п. Все остальные наклонения настоящего времени, а также прошедшее время во всех его наклонениях образуются в определенном спряжении путем соединения глагольной основы с формами соответствующих вспомогательных глаголов, содержащих в себе и отрицание. Мы не будем, конечно, останавливаться на деталях отрицательных форм, как определенного, так и неопределенного спряжений. Это могло бы быть предметом специального исследования. Для нас в данный момент важно было лишь показать, какой сложной обработке подвергаются заимствованные из русского глаголы на эрзянской почве, как они подчиняются всем правилам мордовского спряжения, кстати сказать, необычайно богатого и развитого и ни в малейшей степени не исчерпанного нашими примерами. В приведенных выше образцах спряжения мы видим, между прочим, участие русской частицы „бы“ (бу, ба в мордовской огласовке) в образовании сослагательного наклонения со значением прошедшего и настоящего времени в неопределенном спряжении. Также русская частица „ка“ иногда появляется в формах повелительного наклонения (в наших образцах при об'екте в 1 л. ед. и мн. ч.: баславамилизъ-ка¹). Впрочем, можно думать, пожалуй, вместе с проф. Д. В. Бубрихом, что „ка“ могло образоваться в формах повелительного наклонения и без русского влияния (ср., напр., встречающиеся в записях Д. В. Бубриха по говору с. Луньги, Ардатовского у., формы повелительного наклонения полдик,—ка,—как,—каia,—каiак и т. п.).

Вот приблизительно все те крупные пятна, которые выступают на мордовско-русском участке глагольных изменений.

Глагол поленц'ама „вырубать“ (в сб. форма поленцясь „вырубал“, 116), ведущий свое происхождение не от русского глагола, а от сущест-

¹) В сокол. сб. засвидетельствована на стр. 111 форма баславамилизъ-ка „благословите-ка (меня)“.

вительного „полено“, в своем спряжении не представляет также никаких особенностей, отличных от нормы.

Специфически мордовское явление т. наз. „вторичного“ спряжения было уже нами отмечено на стр. 34. Следует добавить лишь, что не только все склоняемые формы, но, повидимому, и несклоняемые могут спрягаться в мордовском в едва ли ограниченной степени. Даже союзы и частички, не говоря уже о наречиях и предлогах, могут быть представлены спрягаемыми по „вторичному“ спряжению. И это—как в своих, так и в заимствованных русских словах.

То же самое, по нашим наблюдениям, можно сказать и относительно мордовского т. наз. „вторичного склонения“. Нет таких заимствованных и незаимствованных слов, которые в мордовском не могли бы склоняться или, по крайней мере, быть представленными, как склоняемые по „вторичному“ склонению (равно как и по „первичному“).

Склонение и спряжение в мордовском языке—диалектические противоположности, взаимно проникающие и переходящие друг в друга.

Клубок поставленных задач размотан нами, хотя, быть может, не до конца. К чему же в итоге мы приходим? Что было скрыто внутри клубка, и какая сердцевина в нем обнажилась?

Мы видели интереснейший процесс внедрения стихии русского языка в эрзянский. Глубже всего этот процесс зашел в области слова-варя. Целый поток русских слов влился в мордовскую речь, сделав ее способной выражать массу новых понятий материальной и социально-духовной культуры. Но на ряду с подобными словами мы наблюдаем немалочисленные заимствования из русского, не оправдываемые, пожалуй, с точки зрения самобытности мордовского языка. Мы имеем в виду поверхностные, неглубокие заимствования, для которых имеются соответствующие дублеты в своем эрзянском лексиконе, напр.: на ружи „наружи“ (более употребительно свое эрзянское слово „ушоса“), листкат „листья“ (макынь листкат, 176; охотнее говорят по мордовски лопат (макынь лопат, *ibid.*) и т. д. и т. п. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что в одном отношении мордовский язык не сделал почти ни одной позиции русскому соседу, это—на фронте предлогов; хотя и тут наметился небольшой частичный прорыв: сквозь эрзянские проволочные заграждения пробралось русское существительное „бок“ и стало играть в чужом лагере роль предлога (послелога) бока с „возле, около, подле, у, при“.

Мордовская фонетика русских заимствований оказалась гораздо устойчивее словаря. Эрзянская звуковая плотина дала меньше трещин, сквозь которые просочилась чуждая по качественному составу вода русского народного говора.

Наконец, наименьшим колебаниям подверглась морфологическая сторона заимствований. Формы склонения и спряжения у мордвы остаются в общем своими, эрзянскими, и в заимствованных из русского словах.

Что же касается семантики русских заимствований, вопроса, менее всего затронутого и разработанного нами, то мы остаемся пока при тех частных выводах и наблюдениях, к которым пришли на стр. 19-21 своего исследования.

Итоги и выводы.

1. Саратовский этнографический сборник" 1922 г. представляет собою довольно неблагодарный материал для совершенно точных лингвистических исследований, в силу, главным образом, имеющихся в нем недочетов в области фонетической транскрипции.

2. Наша задача была ограничена строго определенными рамками словаря, фонетики, морфологии и лишь отчасти, вскользь, попутно с лексикологией,—семантики русских заимствований в мордовском, по эрзянским текстам вышеназванного сборника.

3. Всего в сборнике насчитывается приблизительно свыше 428 заимствованных из русского мордовских слов, которые в систематизированном виде распадаются на 5 отделов: 1) природа, 2) человек, 3) материальная культура, 4) социально-духовная культура и 5) слова формального значения.

4. Первое по количеству заимствований место занимает отдел „социально-духовная культура“ (209 з.), второе—„материальная культура“ (99 з.), третье—„слова формального значения“ (свыше 44 з.), четвертое—„природа“ (44 з.) и пятое—„человек“ (32 з.). Никаких общих выводов отсюда делать, однако, нельзя, вследствие ограниченности, случайности и неполноты мордовского языкового материала, заключенного в исследуемом сборнике.

5. Внутри отдела „социально-духовная культура“ первое по количеству место занимают *собственные имена*. Среди последних встречается, между прочим, любопытное заимствование мужского христианского имени *Тиша* (уменьш.-ласкат. от *Тихон*), которое в мордовском осмыслиении превратилось в женское. Согласно авторитетному указанию-справке проф. А. А. Гераклитова, подобные и даже еще более любопытные казусы засвидетельствованы для мордвы в официальных исторических документах. В „Ревизских сказках“ З-й ревизии (1762 г.) мы находим, напр., мордовское мужское имя *Анютка*, а женское *Костька* (*Коська*) и т. п.

6. Вопрос о давности заимствования из русского эрзянских слов, особенно в конкретной обстановке исследуемых мордовских говоров б. Хвалынского и Петровского у.у., Саратовской губ., является трудным и сложным. J. J. Mikkola, А. А. Шахматов и Д. В. Бубрих считают, что в мордовском языке нет заимствований слишком старых, восходящих к эпохе общерусского праязыка или еще более древних. Русские заимствования в мордовском по материалам „Саратовского Этнографического Сборника“ как-будто бы не противоречат основным положениям Mikkoli, Шахматова и Бубриха.

7. Эти заимствования проникли в эрзянскую речь, повидимому, через северно-великорусские окающие народные говоры или же отчасти через переходные от с.-в.-р. к ю.-в.-р. акающие средне-великорусские говоры.

Влияние школы на процесс проникновения в эрзянскую речь русских заимствований отразилось незначительно (по материалам исследуемого сборника).

8. Как общее правило, в подавляющем большинстве случаев значение заимствованных слов мало или почти не изменилось в мордовском, по сравнению с русским. Имеется не свыше 1—1½ десятка исключений.

9. Заимствованные из русского слова переоделись в эрзянский фонетический костюм, значительно отличающийся от русского.

10. Бросается в глаза оттянутость мордовского (эрзянского) ударения к началу слова, обычно на первый слог, а также—некоторая замедленность темпа речи, по сравнению с русским. Индивидуальные отклонения в сторону учащения темпа этим, однако, не отличаются.

11. Отдельные гласные и согласные в заимствованных из русского мордовских словах претерпели довольно значительные изменения, сравнительно с их русской огласовкой. Группы согласных—то же.

12. Широко распространено явление прогрессивной и регрессивной ассимиляции (уподобления) звуков в заимствованных словах, по аналогии со своими кровно-эрзянскими, незаимствованными.

13. Примеров диссимиляции в мордовских текстах „Саратовского Этнографического Сборника“ не встретилось. Есть лишь одна—две перестановки согласных (в словах конелка „колено“ и ослоникъ „волосник“ (сомнит. случай), а также замена сочетания мягкая губная + о сочетанием мягкая губная + j + о (в слове Семіон „Семен“).

14. В морфологическом отношении заимствованные слова все-цело подчиняются правилам мордовского склонения и спряжения. Есть (в сборнике) всего лишь несколько застывших русских форм, которые тонут в эрзянском море морфологических явлений.

Мордовское склонение и спряжение (заимствованных и незаимствованных слов) не знает непереходящих границ: это—взаимно проникающие и переходящие друг в друга диалектические противоположности.

15. Обнаруживаются две исходных формы, как принцип заимствования из русского имен существительных: русский именительный (чаше) и родительный (реже) падежи (иногда, быть может, как исключение, и винительный, сходный по форме с именительным или родительным).

16. Различие между родами в заимствованных словах на мордовской почве исчезает вовсе.

17. Заимствованные существительные, по образцу своих, мордовских, склоняются по неопределенному, определенному, притяжательному (б. отд. видов) и так наз. „вторичному“ (по терминологии проф. Д. В. Бубриха) склонению (когда роль номинатива ед. числа неопределенного ряда играет любая косвенная форма „первичного“ (т. е. обычного) склонения или любое наречие).

„Вторичное“ склонение, хотя и известно в других финно-угорских языках, но там оно не выработалось в такую законченную систему, как в мордовском.

18. В области словообразования существительных могут быть отмечены следующие явления:

а) некоторые суффиксы русских существительных изменили свой звуковой облик в мордовской огласовке (ник, итв, иц, ин превратились в никъ, етв, ец, ен (охотникъ, молетва, мельнецъ, мостенъ)—по известным законам мордовской фонетики). Исключение представляют в сборнике, повидимому, три лишь слова: о сь мина (вместо ожидаемого о сь мена), а также о хотникъ (вм. охотнекъ) и о лосникъ (вм. ожид. о лоснекъ).

b) встречаются замены в заимствованных словах одних русских суффиксов другими, без изменения в значении слова (*чин=ств*, *ени=k*, *ен'=инк*: солдатства—„солдатчина“, баславка—„благословение“, куринка—„курень“ (курмыш) и т. д.);

c) в некоторых существительных мы обнаруживаем в имительном падеже только русский суффикс при мордовской основе и иногда еще плюс дополнительном мордовском суффиксе (напр., а в—ушк—a и а в—уш—яй „матушка“).

19. Склонение заимствованных прилагательных без аттрибутивного значения ничем не отличается от склонения существительных. Прилагательные же аттрибуты (определения) вовсе не склоняются. В последнем случае изменяется лишь определяемое слово.

20. Заимствованные местоимения *каждый* и *самый* (*самы*) а также числительное *первой* склоняются подобно прилагательным.

21. Замечательная особенность мордовского языка состоит в том, что все заимствованные (и незаимствованные) существительные, прилагательные, местоимения и числительные—словом, *все склоняемые формы* не только склоняются, но и спрягаются (по так наз. „вторичному“ спряжению—по терминологии проф. Д. В. Бубриха).

Из всех финно-угорских языков вторичное спряжение свойственно, между прочим, только мордовскому (но известно в самоедском, примыкающем к финно-угорским).

22. Заимствованные глаголы спрягаются по *неопределенному и определенному спряжению*, свойственному мордовскому языку.

23. Русская глагольная частица *бы* (в мордовской огласовке *бу*, *ба*) принимает участие в образовании сослагательного наклонения со значением прошедшего и настоящего времени (напр., *торговалинь бы*, *наряжалинь бы* etc.).

Также частица *ка*, если только считать ее русским заимствованием, а не своим, эрзянским образованием (по мнению проф. Д. В. Бубриха), появляется иногда в формах повелительного наклонения (*судинька* рассудите(*ка*), *баславама-ка* „благослови-ка меня“ и т. д.).

24. Не только русские заимствования (а также не заимствования) из области склоняемых форм, но и так наз. *неизменяемые* части речи в мордовском могут спрягаться „по вторичному“ спряжению (и одновременно склоняться по „первичному“ и „вторичному“ склонению).

25. В результате заимствований из русского наибольшее влияние русских элементов оказывается в области эрзянского словаря, меньше—фонетики и еще меньше—морфологии.

26. Вопрос семантики русских заимствований в мордовском (по материалам „Сарат. Этногр. Сборника“) затрагивался нами лишь вскользь, и поэтому каких-либо более или менее широких выводов по данному пункту мы делать не имеем права.

Список использованных пособий.

1. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.
1. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1910.
3. Словарь древнего славянского языка. Под редакцией А. В. Старчевского. Изд. А. С. Суворина. СПБ, 1899.

4. А. А. Шахматов. Мордовский Этнографический Сборник. СПБ, 1910.
5. С. К. Булич. Заимствованные слова и их значение для развития языка. (Оттиск из „Русского Филологического Вестника“ за 1886 г., т. XV).
6. И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
7. М. Фасмер. Смешение языков и заимствование в языке. (Приложение к „С.-Петербургские гимназия и реальное училище К. Мая в 1909—1910 учебном году“. СПБ, 1910).
8. Joos J. Mikkola. Berührungen zwischen der westfinnischen Sprachen. I. Slawische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1894.
9. М. Фасмер. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПБ. 1909.
10. Ф. Е. Корш. Отзыв о сочинении М. Фасмера: „Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. С.-Петербург. 1912 г.“
11. И. К. Б. Славянские элементы в новогреческом языке. Издание автора. С.-Петербург. 1912.
12. Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. 1910.
13. Dr. R. van der Meulen. De hollandische Zeen scheepstermen in het Russisch Amsterdam. 1909.
14. Ф. Е. Корш. Опыты обяснения заимствованных слов в русском языке. С.-Петербург, 1907.
15. Он же. О некоторых бытовых словах, заимствованных древними из так называемых урало-алтайских языков. С.-Петербург. 1912.
16. Д. Зеленин. Рецензия на „Северно-русские словарные заимствования из финского языка“ проф. А. Л. Погодина. 1904. (Отдельный оттиск из „Известий отделения русского языка и словесности И. А. Н.“, т. X (1905 г.), кн. 2-я, стр. 451-459, напечатанный в сентябре 1905 г.).
17. А. А. Шахматов. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях (2 статьи из „Известий И. А. Н.“ за май и июнь 1911 г., №№ 9 и 10).
18. Л. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании (Статья из тома I, вып. 1-2 „Языка и Литературы“, изд. Научно-исследовательского Института сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском Гос. Университете, стр. 1-19).
19. А. А. Гераклитов. Саратовская Мордва (к истории мордовской колонизации в Саратовском крае). (Статья из „Известий Краеведческого Института изучения Южно-Волжской области при Саратовском Государственном Университете“, т. I, 1926, стр. 137-155).
20. Труды Московской Диалектологической Комиссии. В. 5. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Москва. Синодальная типография. 1915.
21. Д. В. Бурбих. Финноугорское языкознание в СССР (статья „Финноугорском Сборнике“ Академии Наук СССР. Ленинград. 1928).

22. Он же. К вопросу о русско-мордовских языковых соприкосновениях. (Автореферат доклада, напечатанный в „Бюллетене Пойкун“, вып. I, от 30. I. 1929 г., стр. 3-5).

Примечание. По независящим от нас обстоятельствам, мы лишины были возможности использовать всю имеющуюся литературу о словарных заимствованиях. В частности, крайне важных для нашей работы трудов Weske (1890), Mecklein'a (1913) и Kalim'ы (1915), трактующих о лексикальных взаимоотношениях русских славян и западных финнов, в Саратове не оказалось.

V. Приложение.

Указатель заимствованных слов.

В нижеприлагаемом алфавитном словарике мы указываем селения, из которых каждое слово попало на страницы „Сарат. Этногр. Сборника“. Существительные, прилагательные, местоимения и числительные у нас стоят почти всегда в именительном падеже ¹⁾, а глаголы в инфинитиве. Наконец, отмечается нами принадлежность каждого слова к той или иной части речи, а также называются соответствующие страницы и строки последних, где приводимые слова встречаются в текстах ²⁾.

Принятые сокращения названий селений: Бар.—Барановка, Ст. Л.—Старая Лебежайка, Чув.К.—Чувашская Кулатка, (все 3—б. Хвалынского у.), Син.—Синенькие, Мчк.—Мачкасы, Сав.—Савкино и Н.-С.—Ново-Савкинский выселок (последние 4—б. Петровского у.).

A.

А союз а, но, 112, 1 св. и др., Син.

Аз р'а нар. не зря, не даром, 109, 19 св., Син.

Али союз или, 106, 17 св., Мчк.

А ней уж союз + част. а теперь уж, 112, 8 сн., Син.

Анка сущ. Анна, 220, 7 сн., Син.

А родной (эйдь) прил. неродное (дитя), 170, 16 сн., Син.

Аршин сущ. аршин, 188, 16 сн., Син.

Аят—бабат сущ. старик со старухой, 159, 20 св., Сав.

B.

Ба част. бы, 109, 20 сн., Син.

Баба сущ. женщина, баба, 131, 10 сн., Ст. Л.;—жена, 222, 14 св., Син.

Бабась сущ. бабушка, 105, 16 сн., Син.

Бабакась сущ. бабушка, 224, 17 св., Син.

„Бабань гаша“ сущ. „бабья Каша“ (языч. праздник), 91, 9 св., Син. См. Каша.

Бабиня сущ. бабушка, 224, 15 сн., Син.

Бабушась сущ. бабушка 109, 5 св., Син.

? Базар сущ. базар, 204, 4 св., Ст. Л.

Баня, баниня (уменьш.) сущ. баня, банька, 172., 19 сн., Син
Баня авушка—матушка сущ. банная женщина—матушка 92, 13 сн. Син.

Баран сущ. баран, 91, 18 сн. Син.

1) Иногда существительные стоят в родительном падеже, когда они даны в контексте с другими словами и играют роль русск. прилагательных.

2) Первая цифра обозначает страницу, а вторая строку сверху или снизу.

- Баран-латка Бараний овраг, 93, 1 св., Сав.
Баславама гл. благословлять, 111, 5 св., Син.
Баславка сущ. благословение, 111, 19 св., Син.
Бац межд. бац, 105, 3 св., Син.
Башмакысь сущ. башмак, 176, 8 св., Син.
Бедный прил. бедный, 202, 11 св., Син.
Безчастный прил. несчастливый, 216, 21 св., Бар.
Бела бабань д'зераза прил.+сущ. старухи Беловой
сын, 95, 3 сн., Мчк.
Берекъ сущ. берег, 106, 16 св., Мчк.
Бетлема гл. запутать, 111, 1 св., Син.
Блесткат сущ. маленькие медные кружочки, употребляемые,
наряду с бисером, для украшения панги—головного убора,
79, 8 св.
Богатырь сущ. богатырь, 154, 17 сн., Чув. К.
Боіар сущ. барин, 184, 19 сн., Ст. Л.
Боіара·свахинимъ сущ. барыня·сваха, 130, 7 св., Мчк.
Боіарвина сущ. барышня, 109, 2 сн., Син.
Бока сущ. бок, 131, 12 св., Мчк.
Бокас послел. на (возле, подле, у, при—наш перев.); навоз
бокас „на навоз“, 182, 14 сн., Ст. Л.
Бола сущ. пола, 166, 18 св., 170, 7 св., Мчк., Син.
Больши нар. больше, 137, 16 св., Син.
Борзый биня прил. борзая собака, 202, 13 сн., Ст. Л.
Бородушка моя сущ. мест. бородушка моя, 226, 9 св., Син.
Боцька сущ. бочка, 109, 7 св., Син.
Брага сущ. брага, 109, 7 св., Син.
Брат сущ. брат, 162, 8 св., Син.
Бу част. бы, 159, 14 сн., Сав.; см. ба.
Бука сущ. бык, 91, 18 сн., Син.
Букань озкс бычий „молян“, 93, 15 сн., (из архива
Щеглова).
Булатный бяйль прил. булатный нож, 196, 9 св., Син.
Бута част. будто, 110, 12 сн., Син.
Бути част. то; кода бути „как то“, 96, 7 сн., Син.;—союз
если; бути матица алув озат „если под матицу сядешь“
109, 20 св., Син.

В.

- Вавилка сущ. Вавила, 226, 7 св., Син.
Васъка сущ. Васъка, 204, 4 сн., Бар.
Ватула сущ. ватола 105, 21 св., Син.
Ведра брага сущ. ведро браги, 112, 18 сн., Син.
Ведь част. ведь. 109, 4 св., Син.
Ведь вунак част. ведь вот, 109, 4 св., Син.
Великий бост прил.+сущ. великий пост, 107, 14 св., Син.
Венчама гл. венчаться, 112, 7 св., Син.
Венчама руця прил. (инф.) венчальная, подвенечная „руця“
(платье), 72, 14 сн.
Верблюд сущ. верблюд, 166, 22 св., Мчк.
Вина сущ. вино, 109, 13 св., Син.
Водица—красна девица сущ. водица—красна девица,
99, 5 сн., Син.

Вожд'а сущ. вожжа, 110, 6 сн., Син.
Война, война сущ. война, 132, 7 св., Мчк.
Вона, вана част. вот, 154, 18 св., 98, 20 сн., Чув. К., Син.
Вор сущ. вор, 99, 12 св., 194, 3 св., Син., Мчк.
Вор атаман сущ. вор атаман, 194, 4 св., Мчк.
Вот част. вот, 109, 22 сн., Син. См. вона.
Вот и част. вот и, 109, 22 сн., Син.

Время, время сущ. время, 96, 8 сн., 159, 19 сн., Син.,
Сав.

Вунак част. вот, 109, 4 св., Син. См. вона, вот.

Вя думниса думийнись сущ.+прил. в одну думу дума-
ющая, 111, 5 сн., Син.

Вядун сущ. ведун, 112, 4 св. Син.

Г.

Гад'ама гл. замарать, испачкать, 174, 20 сн., Син.

Галань лапка сущ. гусиная лапка, 77, 19 сн.

? Голев сущ. Голова, 180, 1 св., Син.

Горбун сущ. горбун, 220, 5 сн., Син.

Горнилов цвет'ат сущ. бубенцы—цветы, 200, 3 сн., Син.

Горнилофка мордовка, сущ. бубенец—мордовка, 224, 8 сн.,
Син.

Горниторовый фата, прил.+сущ. „горниторовая“
(маркл. пер.) фата, 180, 16 св., Син.

Горьмакат (авкат) прил. (гл. вторичн. спр.) я твоя горе-
мычная (мать), 190, 16 св., Син.

Горя сущ. горе, 109, 10 сн., Син.

Гость сущ. гость, 105, 9 св., Син.

Гост'а сущ. гости, 105, 10 св., Син.

?

Гребушка сущ. гребень, 178, 13 св., Син.

Грешныи прил. грешный,—ая,—ое, 182, 21 сн., Син.

Гроп сущ. гроб, 194, 9 сн., Ст. Л.

Грошля сущ. грош, 174, 12 св. Син.

Грудинъ ботяй, сущ. сосущий грудь, грудной, 192, 12 св., Мчк.

Грудь сущ. грудь, 137, 17 св., Син.

Губерния сущ. губерния, 188, 19 сн., Син.

Гуляяма гл. гулять, 110, 12 св., Син.

Д.

Да част. да, также союз и, но, 109, 6 св., 110, 19 и 9 св., Син.

Дай гл. дай, 105, 16 сн., Син.

Дарюша сущ. Дарюща, 188, 1 сн., Син.

Девка сущ. девушка, девка, 176, 14 сн., Н.-С.

Дегодъ сущ. дёготь, 104, 16 св., Син.

Дедасъ сущ. дедушка, 108, 1 св., Син.

Ден'а сущ. Денис, 222, 14 св., Син.

Деркафтыма гл. сдернуть, 182, 11 св., Син.

Добрейнесь прил. прекрасный (красивый), 220, 11 сн., Бар.

Доволь нар. вдоволь, 109, 7 св., Син.

Долк сущ. долг, 172, 23 св., Син.

Дорожинъка прил. дорогой, 218, 10 св., Бар.

Досад'ама гл. досаждать, 113, 13 св., Син.

Доска сущ. доска, 200, 13 сн., Син.

Дрантязь—дрантязь нар. на драни, 216, 17 св., Бар.

Дуброва сущ. Дуброва (собств. имя), 168, 14 св., Мчк.

Думамо гл. думать, 132, 1 св., Ст. Л.

Дун'а сущ. Дуня, 220, 3 сн., Син.

Дурак, сущ. дурак, 204, 11 сн., Бар.

Душагубиць сущ. душегубец, 190, 11 сн., Син.

Е.

Ежли союз ежели, 106, 12 сн., Син.,

Ежли только союз+част. ежели только, 106, 20 сн., Син.

Егоръ сущ. Егор, 154, 9 сн., Чув. К.

Ж.

Жа част. же; истя жа; так же, 106, 19 св., 109, 20 св., Син.

Жаба сущ. жаба, 100, 11 св., Син.

Жал'ама гл. жалеть, 192, 15 св., Син.

Живой вядыня прил. живая водица, 190, 17 св., Син.

Женихъ сущ. жених, 109, 21 сн., Син.

Жизня, жизнясь сущ. жизнь, 200, 21 св., Син.

З.

Закускин'а сущ. закуска, 204, 13 сн., Бар.

Запон сущ. запон, 176, 11 св., Син.

Запятн'ак сущ. запятник, 184, 23 сн., Ст. Л.

Зараза сущ. зараза, 98, 2 сн., Син.

Заутерня сущ. заутреня, 200, 8 сн., Син.

Збруй сущ. сбруя, 178, 22 св., Син.

Зверь сущ. зверь, 154, 17 св., Чув. К.

Згубама гл. сгубить, 192, 17 св., Син.

Здобный прил. сдобный, 196, 14 св., Син.

Злодей сущ. злодейка, 190, 19 сн., Син.

Зоря, зореня (уменьш.) сущ. заря, зоренька, 137, 2 сн., Син.

И.

И союз и, 106, 14 св. и др., Син.. См. да.

Иванынь Матрясь сущ. Иванова Матрена, 204, 8 св.
Ст. Л.

Илюшка, Илька сущ. Илюшка, Илюша, 194, 20, 32 св.
Ст. Л.

Илюшань Гриша сущ. Ильин Гриша, 204, 11 сн.,
Бар.

Искувама гл. спрашивать, искать, разыскивать, разузнавать
178, 4 св., Н.-С.

І.

Іага-бабасъ сущ. баба-яга, 160, 1 св., Сав.

Іакув сущ. Яков, 135, 16 сн., Син.,

Іамщик сущ. ямщик, 154, 12 сн., Чув. К.

Іармынка сущ. ярмарка, 202, 4 св., Син.

К.

- ?**Ка част.** ка; ст'ака, азь-ка, „встань-ка, сходи-ка“, 112, 20 св., Син.
Каждый мест. каждый. 91, 2 сн., Син.
Казна ловный сущ. счетчик денег (казны), 216, 19 св., Бар.
Калац'а сущ. калач, 196, 20 св., Син.
Коляда сущ. колядка (колядование, колядная песня), 105, 2 св., Син.
Кандрань Олда сущ. Кондратьева Евдокия, 220, 16 св., Бар.
Капста сущ. капуста, 96, 17 св., Мчк.
Карга—сярга—**матушка** сущ. журавль—утка—матушка, 98, 19—20 св., (из архива Щеглова).
Катеринуша, **Катюша**, **Катя** сущ. Катеринушка, Катюша, Катя, 191, 14 сн. Син.
Каша сущ. каша, 91, 1 сн., Син. См. **Бабань гаша**.
Кисет сущ. кисет 110, 18—19 св., Син.
Китай мастьыр сущ. китайская страна, земля, 196, 19 св., Син.
Кладка сущ. кладка (на свадьбе), 109, 14 сн., Син.
Козаяйка сущ. жена, 154, 14 св., 174, 6 св., Чув. К., Син.
См. **баба**.
Колея сущ. кол., 96, 14 св., Мчк.
Коли союз если, коли, 111, 18 св., Син.
Колоз сущ. колос, 106, 20 сн., Мчк.
Колоша сущ. галоша, 204, 13 св., Ст. Л.
Кольца сущ. кольцо, 176, 6 сн. Н.-С.
Конелка сущ. колено 137, 14 св., 190, 5 сн., Син.
Конешна сущ. конюшня, 112, 13 св., Син.
Копейка сущ. копейка, 188, 17 сн., Син.
Кор'ен сущ. корень, 216, 7 св., Бар.
Корьмаись сущ. кормилец (в сб. зват. ф. **кормай**); так называет молодая своего мужа при свекре, боясь старших, 108, 19 сн., Син.
Корьменец (паз) сущ. кормилец (бог) 131, 3 св., Син.
Корьменецъка сущ. кормилица (мать), 137 12 св., Син.
Котаниядлянь (из морд. **кота**+русс. неделя) прил. шести- недельный, 136, 11 сн. Син.
Котел сущ. котел 154, 21 св., Чув. К.
Кошма сущ. кошма, 162, 22 св., Син.
Крестама гл. перекрестить, 112, 3 св., Син.
Кривда-правда сущ. кривда-правда, 99, 14 св., Син.
Кролка сущ. Фрол, 95, 3 сн., Мчк.
Кругом нар. кругом, 98, 1 сн., Син.
Кружалат сущ. плетение из шерстяных ниток, которое нашивается вместо вышивки на частях одежды, 78, 7 св.
Крюка сущ. крючок, 176, 20 св., Син.
Куля сущ. Куля (Акуля), 174, 2 сн., Син.
Кумачь сущ. кумач, 204, 8 св., Ст. Л.
Купецъ сущ. купец, 160, 21 св., Сав.
Курва сущ. курва 190, 18 сн., Син.
Куришка сущ. курмыш (курень), 204, 17 сн., Син.
Куть союз. хоть, хотя, 154, 18 св., чув. К. См. **Хуть**, хушъ
Куз'а сущ. кучка, 154, 1 сн., Чув. К.
Кушак сущ. кушак, 73, 19 сн.

Б,

- Лав'ка сущ. лавка, 204, 5 св., Ст. Л.
Ладама гл. ладить. сходиться, сговариваться, 109, 13 сн., Син.
Какумка с ущ. сумочка, заменяющая карманы (лакомка), 73,
19 св.
Лента сущ. лента (девичий головной убор), 75, 10 сн.
Леска сущ. Александр, 222, 2 св., Син.
Лёныгнь прил. льняной, 106, 17 сн., Мчк.
Лиц'a сущ. лицо, 105, 12 св. Син.
Лих'ый ломань прил. лихой человек, 200, 19 св. Син.
Лопатина сущ. Лопатино (село), 224, 11 сн., Син.
Луга сущ. луг, 192, 22 сн. Син.
Лупу шка-лапушка сущ. лупушка-лапушка (маркел. пер.).
105, 17 сн., Син.
Лучи нар. лучше, 216, 6 св., Бар.
Лыки—трошки (синоним лык) сущ. лыки, 218, 4 сн., Бар.
Люкшамка сущ. Люкшамка, 186, 16 св., Ст. Л.
Лютова сущ. Лютова (фамил.), 182, 16 сн., Син.

М.

- Макынь дзветка сущ. маковый цветок, 176, 7 сн.
Н.—С.
Маынь листка сущ. маковый лист, 176, 8 сн., Н.-С.
Малка сущ. Маланья, 222, 17 сн., Син.
Мар'a сущ. Марья, 107, 20 св., Син.
Матиц'a сущ. матица, 109, 14 св., Син.
Мат'a сущ. Матрена, 206, 2 св. Син.
Машуня сущ. Машуня, 198, 7 сн., Син.
Мелка кывыня прил. мелкий камешек, 192, 7 сн., Син.
Мешок сущ. мешок, 105, 3 св., Син.
Мельнец'a сущ. мельница 162, 13 св., Син.
Мит'a сущ. Митя, 162, 19 св., Син.
Мишара сущ. парча широкими лентами или нитями, нашибаемая на головных уборах, руцях и др. частях одежды,—
признак богатства, 79, 21, сн.
Можа, может част. может быть, 202, 5 св., Син.
Молетва сущ. молитва, 95, 9 сн., Мчк.
Московынь дз'ет'ака сущ. московский цветок, 224, 6 сн.,
Син. См. макынь дзветка.
Мостенат сущ. мостины, 180, 20 сн., Син.
Муралиный орта столба прил.+сущ. муравленый воротный столб, 200, 16 сн. Син.

Н

- На гл. част. возьми, на; на живой вядьня... „на живой водицы“,
190, 17 св., Син.
Навоз сущ. навоз, 182, 14 сн., Ст. Л.
Надеіама гл. надеяться, 131, 9 сн., Ст. Л.
Надя сущ. Надя, 99, 2 сн., Син.
Нажувама гл. наживаться, 172, 20 сн., Син.
Народ сущ. народ, 138, 6 св., Син.
Наружи нар. наружи, 224, 12 св., Син.

Наряд сущ. наряд, 176, 12 св., Син.
Наряжама гл. наряжаться, 180, 18 св., Син.
Наряжань ломать прил. ряженые 112, 10 св., Син.
Наста, сущ. Настасья, 222, 6 св., Син.
Ната сущ. Ната (Наталья, Natasha), 206, 2 св., Син.
Неварена јагуда прил. + сущ. невареная ягода, 224, 2 св., Син.
Невеста сущ. невеста, 111, 8 св., Син.
Недл'a, сущ. неделя, 109, 8 сн., Син.
Неема-рядима гл. увидеть заметить, 184, 9 св. Ст. Л.
Некрутства сущ. некрутчина, 200, 2 св., Син.
Нельз'a част. нельзя, 112, 2 сн., Син.
Немецень-гукшу н сущ. немецкий кувшин, 196, 8 св.,
Син.
Ногай сущ. ногаец (в сб. ногай), 166, 12 св., Мчк.
Ну част. ну, 109, 11 сн., Син.; ну, ну = ну, ну; 159, 12
сн., Сав.
Ну а майле част. + союз ну а потом, 113, 15 сн., Син.
Ну што жа част. ну что же, 220, 11 св., Бар.
Нядлиня, (уменьш.) сущ. неделя (неделька), 204, 5 сн., Бар.
См. недл'a.

О.

Обедн'a сущ. обедня, 200, 9 сн., Син.
Обр'ад сущ. одежда, 109, 7 сн., Син.
Окольц'a сущ. околица, 111, 14 сн., Син.
Окольц'a ваный вялинь паз сущ. бог, хранитель села,
постоянно пребывающий у околицы, 97, 6 св.,
Окулена сущ. Акулина, 162, 12 св., Син. См. Куля.
Окрыг сущ. округ, 180, 7 св., Син.
Олда сущ. Евдокия, 135, 15 сн., Син.
Олёна, Оленка сущ. Олёна, Аленушка, 135, 15 сн., 194,
14 сн., Син., Ст. Л.
Олосникъ сущ. старый тип головного убора, почти не
сохранившийся (волосник), 75, 17 сн.
Ольный свет прил. + сущ. вольный свет, 182, 4 св., Син.
Ол'a сущ. воля, свобода, 208, 3 сн., Син.
Ол'a сущ. Ольга (Оля), 220, 5 сн., Син.
Орожба сущ. ворожба, 98, 8 сн., Син.
Орожијама гл. ворожить, 104, 14 сн., Син.
Орта сущ. ворота 176, 15 св., Н.-С.
Орта доска сущ. воротная доска, 200, 15 сн., Син.
Орта пята сущ. воротная пята, 200, 14 сн., Син.
Орта столба сущ. воротный столб, 136, 7 сн., Син.
Остатка врема сущ. остаток времени, 110, 10 св., Син.
Осъмина сущ. осьмина, 190, 7 св., Син.
От част. вот, 109, 9 св., 154, 14 св., Син., Чув. К. См. вот,
вона, она, вунак.
Охота сущ. охота, 154, 13 св., Чув. К.
Охотникъ сущ. охотник, 154, 13 св., Чув. К.

П.

Паксянь бравайть прич. выправившие поле (первые засель-
ники), 95, 5 сн., Мчк.

- Пар сущ. пар, 92, 9 сн., Син.
Парц'а сущ. парча, 196, 19 сн., Син.
Пасиба нар. спасибо, 92, 12 сн., Син.
Пельгод сущ. полгода, 112, 1 сн., Син.
Пеняц'ама гл. жаловаться (пенять), 128, 3 сн., Мчк.
Первой числ. первый, 176, 1 св., Син.
Песок сущ. песок, 196, 4 сн., Син.
Пецика сущ. печка, 190, 6 св., Син.
Печальный руця прил. печальная руця, 72, 21 сн.
Пива сущ. пиво, 103, 2 св., Сав.
Пивас каіамо сущ. „бросание в пиво“ (календарный обряд. выполн. за неделю до р. Х.), 103, 2 св., Сав.
Пирожки, сущ. пирожки, 105, 16 сн., Син.
Пиштя сущ. пища, 91, 2 сн., Син.
Плетень сущ. плетень, 155, 2 св., Чув. К.
Плеченемь сущ. плечи (мои), 188, 14 сн., Син.
Побаска, сущ. побасенка, 188, 16 св., Ст. Л.
По воска сущ. повозка, 184, 19 св., Ст. Л.
Пожар сущ.. пожар, 162, 21 св., Син.
Поклон сущ. поклон, 184, 15 сн., Ст. Л.
Покордама, гл. оскорблять, 113, 12 св., Син.
Покшт'ат—бабат сущ. родители—старухи (обращение к покойницам-старухам на поминках), 135, 18 сн., Син. Ср. сатят-бабат.
Полагея сущ. Пелагея, 172, 2 сн., Син.
Поленц'ама гл. вырубать, 166, 4 св., Мчк.
Полк сущ. полк, 188, 17 св., Син.
Полушка сущ. полуушка ($\frac{1}{2}$ к) 103, 15 сн., Сав.
Поменка(т) сущ. поминки, 135, 19 сн., Син.
Помн'ама гл. помнить, 109, 5 св., Син.
Поп сущ. поп, 91, 3 сн., Син.
Пора сущ. пора (время) 91, 19 св., 112, 4 св., Син.
Постель сущ. постель, 182, 17 сн., Ст. Л.
Потешка сущ. Потешка, 95, 3 сн., Мчк.
Потолок сущ. потолок, 172, 5 сн., Син.
Походка сущ. походка, 206, 4 св., Син.
Правда сущ. правда, 200, 9 св., Син.
Празникъ сущ. праздник, 91, 18 св., Син.
Празнишны й руця прил. праздничная руця (ж. одежда), 72, 8 св.
Празнувама гл. праздновать, 91, 18—19 св., Син.
Приметама гл. примечать, 166, 20 св., 206, 9 св., Мчк.
Син.
Проводн'ак сущ. проводник 184, 23 св., Ст. Л.
Провожама гл. провожать, 112, 7 св., Син.
Проволка край сущ. край переулка, 218, 15 св., Бар.
Проненъкат прил. Пронины (фамил.), 109, 13 св., Син.
Пронька сущ. Пронька, 109, 21 сн., Син.
Пророб сущ. прорубь, 106, 16 св., Мчк.
Проска сущ. Прасковья, 220, 9 сн., Син.
Прост'ама гл. простить, 138, 9 св., Син.
Прошт'ама гл. прощаться, 188, 5 св., Ст. Л.
Птиц'а сущ. птица, 154, 17 св., Чув. К.

Пуль, пульня (уменьш.) сущ. пыль, 136, 11 сн., 174, 21 сн.
Син.

Пушкань (гачама) сущ. пушечный (дым), 192, 8 сн., Син.
Пяця сущ. пятница, 202, 3 св., Син.

Р.

Радувакшны ма гл. радоваться, 159, 25 сн., Сав.

Радысть сущ. радость, 109, 9 сн., Син.

Роднэйнимъ прил. родненъкий (мой), 168, 21 св., Мчк.

Родн'а сущ. родня, 109, 11 сн., Син.

Родн'а—шабра сущ. родня—шабры, 131, 8 св., Мчк.

Роса сущ. роса, 168, 11 сн., Мчк.

Росаима гл. покрываться росой, 166, 10 св., Мчк.

Роштова сущ. рождество (праздн.), 105, 5 св., Син.

Роштованъ гуда сущ. Рождественский дом, 103, 10 сн.,
Сав.

Руки-ноги долги, одежа коротка заимств. целого выражения, 224, 5—4 сн., Син.

Р'адс нар. подряд, 91, Син.; р'адс—р'адс рядом, рядышком, 110, 21 сн., Син.

С.

Савка вялись сущ. Савкино (село), 112, 20 сн., Син.

Самсон сущ. Самсон, 218, 8 св., Бар.

Самы, (самы й) мест. самый, 110, 11 св., Син.

Саратув сущ. Саратов, 198, 3 сн., Син.

Свадьба сущ. свадьба, 109, 2 св., Син.

Сват сущ. сват, 109, 15 сн., Син.

Сватанъ (панга) сущ. сватнина („панга“—головн. уб.), 75,
20 сн.

Свахния (уменьш.) сущ. сваха, 130, 7 св., Син.

Свеча, свечены (уменьш.) сущ. свеча, 194, 9 св., Мчк.,
176, 5 св.

Седый бабасъ прил.—сущ. седая баба, 224, 14 сн., Син.

Сема, Семоша сущ. Сема, Семаша (Семуша), 206, 1 сн.,
Син.

Семіон сущ. Семен, 198, 9 сн., Син.

Сережинъка сущ. Сереженька, 218, 9 св., Бар.

Сётки част. все-таки, 111, 4 св., Син.

Силуй-милуй нар. силой—милой (лаской), 178, 3 сн., Син.

Сининкасъ сущ. Синенькие (село), 112, 19 св., Син.

Скорей нар. скорей, 109, 16 св., Син.

Скотена сущ. скотина, 155, 2 св., Чув. К.

Скотный гуда прил. скотный дом, 174, 19 сн., Син.

Скушна, нар. скучно, 113, 2 св., Син.

Слава, славиня (уменьш.) сущ. слава, 131, 9,6 св., Мчк.

След сущ. след, 190, 18 св., Син.

Служама молебен гл.—сущ. служить молебен, 91, 3 сн., Син.

Снасть сущ. снасть, 154, 21 св. Чув. К.

Сока сущ. соха, 208, 6 св., Син.

Сокама гл. пахать, 208, 5 сн., Син.

Солдат сущ. солдат, 188, 12 сн., Син.

Солдатка сущ. солдатка, 194, 11 сн., Ст. Л.

- Солдатства сущ. солдатчина (в сб. солдатство), 200, 1 св., Син.
- Сорока (панга) сущ. головной убор, надеваемый исключительно замужними женщинами (прожившими замужем не менее одного года), 72, 6 сн.
- Стадыня сущ. стадо, 170, 20 св., Син.
- Столешнекъ сущ. скатерть, 176, 4 св., Син.
- Столоверецъ сущ. старовер, 190, 10 сн., Син.
- Столь сущ. стол, 110, 13—14 св., Син.
- Стопка сущ. стопка, 188, 13 св., Син.
- Сторона сущ. сторона, 188, 22 св., Син.
- Стречайма гл. встречать, 184, 8 сн., Ст. Л.
- Ступай гл. ступай, 184, 4 сн., Ст. Л.
- Ступн'а сущ. лапоть, отличающийся от других типов формой и назначением, 80, 9 сн.
- Суд'ама гл. судить, 200, 10 св., Син.
- Суд'ама—рядима. гл.—судить-рядить, 109, 16 сн., Син.
- Ср. с. неема—рядима.
- Судия сущ. судья, 192, 7 св., Син.
- Сука сущ. сука, 208, 4 св., Син.
- Супрятка сущ. супрядка, 184, 1 сн., Ст. Л.

Т.

- Тамест. та; та бородушка моя, заимств. целое выражение, 226, 3 сн., Син.
- Танюша сущ. Танюша, 202, 6 св., Син.
- Тарка край сущ. край постели, 176, 6 св., Син.
- ? Татар сущ. татарин, 178, 4 сн., Син.
- Татарынь жбага сущ. татарская шпага, 178, 23—24 св. Син.
- Тела сущ. тело, 202, 17 сн., Ст. Л.
- Тиш'а сущ. Тиша (женск. имя), 174, 10 св., Син.
- То союзн. част. то, 109, 20 св., Син.
- Товар сущ. товар, 160, 20 сн., Сав.
- Тожа союз тоже, 112, 14 св., Син.
- Толька, только част. только, 155, 1 св., 96, 8 сн., Чув. К., Мчк.
- Торговама гл. торговать, 172, 21 сн., Син.
- Трисподн'ась сущ. преисподняя; три сподни война афтуе „в преисподнюю не уходит война“. 132. 7 св., Ск. Л.
- Троиц'а сущ. троица (назв. праздн.), 91, 19 св., Син.
- Туман, туманнэ (уменьш.) сущ. туман, 186, 15, 16 сн., Ст. Л.
- ТЬФУ межд. тьфу, 100, 13 св. Син.
- Тятька сущ. отец (тятька), 190, 2 св., Син.
- Тяточка сущ. — горьмушась сущ. батюшка горемычный, 111, 10 св., Син.

У.

- Угад'ама гл. угодить (выйти, как следует), 176, 15 сн., Н-С.
- Угул сущ. угол, 99, 18 св., Син.
- Удалась гл. удалась, вышла, 176, 16 сн. Н-С.
- Уж част. уж, 112, 13 сн., Син. См. а ней уж.

У жа гл. част. ужо, постой, погоди, 160, 16 сн., Сав.: ужу да погодите, 160, 1 св., Сав., ужыдыя погодите, 188, 15 св., Син.; ушка погоди-ка, 129, 8 св., Мчк.

У ж и част. уж и; у ж и гулясть „уж и гуляли“, 110, 12 св., Син.

У ж пожалуй част. уж пожалуй, 109, 5 сн., Син.

Уездынись сущ. уезд, 180, 7 св., Син.

Ул'ана сущ. Ульяна, 222, 4 св., Син.; Уляша Уляша, 172, 6 св., Син.

Ульц'а сущ. улица, 106, 14 сн., Мчк.

Устав сущ. стан, осанка; уставынь ванымъ „смотреть на стан“, 112, 14—13 сн., Син.

Утка сущ. утка, 206, 17 св., Син.

Уткань бух сущ. утиный пух, 206, 17 св., Син.

Уткинесь сущ. уточка, 194, 15 св. Ст. Л.

Утаскав прил. счастливый, 216, 20 св., Бар.

Утя сущ. утка, 198, 2 св., Мчк.

Ухват сущ. ухват, 98, 5 сн., Син.

Ф.

Филькань Дюма сущ. Филиппов Тимофей, 218, 5 сн., Бар.

Х.

Хрес ведьмъ сущ. покупная лента, на которой висит крест деревянный, надеваемый свахой во время свадьбы, 73, 16 сн.

Хрестьянка сущ. крестьянка, 178,—1 св., Н.-С.

Хорошинька сущ. хорсенький, 220, 13 св., Бар.

Хролань д'ж'и сущ. Флоров день, 91, 7 св. Син.

Хуть, хушъ союз хотъ, хотя, 202, 14 сн., Ст. Л.; 154, 21 св., Чув. К.

Ц.

Цела прил. целый, 154, 2 сн., Чув. К.

Церькова сущ. церковь, 112, 6 св., Син.

Ц'арка сущ. чарка, 188, 14 св. Син.

Цюлан сущ. чулан, 110, 13 св., Син.

Цюлка сущ. чулок, 176, 7 св., Син.

Ч.

Чапка сущ. шапка, 110, 6 сн., Син. См. Шапканя.

Черкесский зедла прил.+сущ. черкасское седло, 196, 7 св., Син.

Черькстама гл. зачертить, 98, 7 сн., Син.

Четверть вина сущ. четверть вина, 109, 13, св., Син.

Чиновой чара прил. шинованое колесо, 218, 3 сн., Бар.

Човалянь решотка сущ. нитка бисерного кружева на головном уборе, 79, 3 св.

Чуба сущ. шуба, 206, 19 св., Син.

Чуда сущ. чудо, 154, 12 св., Чув. К.

Чужой прил. чужой, 190, 3 св., Син.

Часть сущ. счастье, 106, 11 сн., Мчк.

Ш.

Шапканя (уменьш.) сущ. шапка, 184, 17 сн., Ст. Л. См.
Чапка.

Шолк сущ. шёлк, 196, 19 сн., Син.

Шолконь зуря сущ. шелковая нитка, 218, 17 сн., Бар.

Шорничама гл. шорничать, 109, 11—12 св., Син.

Шпорэн я (уменьш.) сущ. шпора, 188, 10 сн., Син.

Штоли част. что ли, 154, 22 св., Чув. К.

Шты союз что, 154, 7 сн., Чув. К.

Шялинъ гушак сущ. шалевый кушак, 176, 10 св., Син.

Э.

Эшшо союз еще, 106, 17 св., Мчк.

Я.

Ягуда сущ. ягода, 159, 12, Сн., Сав.

? Яикъ сущ. Яик, 194, 18 св., Ст. Л.

А. Г. Эндюковский.

